Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВТОРОЙ
С'ЕЗД СОВЕТОВ
СОЮЗА
Советских Социалистических Республик.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ.

ИЗДАНИЕ ЦИК СОЮЗА ССР.
МОСКВА - 1924—КРЕМЛЬ.

Главлит № 18381. Москва Тираж 3000.

Типо-литография „Искра Революции" (б. 7-я) „Мосполиграф", Филипповский, 11.

СОДЕРЖАНИЕ.

Заседание первое.

26 января 1924 года.

Калинин (председатель). По поручению Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик об'являю 2-й С'езд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Союза Советских Социалистических Республик открытым.

Товарищи, сегодняшнее заседание целиком будет посвящено памяти Владимира Ильича.

(Оркестр государственного академического Большого театра исполняет похоронный марш).

Петровский (председательствующий). Слово предоставляется первому председателю Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик тов. Калинину.

Калинин. Товарищи, трудно найти слова и подыскать форму, в которые вылились бы те чувства, которые охватили не только нас, здесь присутствующих, но и самые широкие рабоче-крестьянские массы и не только Союза Советских Республик, но охватили массы всех угнетенных мира.

Товарищи, здесь, в этом зале, присутствуют представители больших и малых народов Союза Советских Республик. Они с'ехались сюда, чтобы творить общее рабоче-крестьянское дело, чтобы ковать рабоче-крестьянское счастье. Давно ли это было, когда в старой царской России шовинизм, произвол и угнетение царствовали на окраинах, порабощая малые национальности? И лишь Владимир Ильич не только первый бросил клич, но первый и провел практически полное национальное освобождение. И теперь вот здесь, в рабочем парламенте, мы демонстрируем перед всем миром солидарность всех народов, населяющих наш Союз, их полное братство и желание совместно работать, создавая действительно рабоче-крестьянское государство, где нет угнетателей, где нет угнетенных, где каждая национальность чувствует себя дома и где рабочий и крестьянин самой небольшой народности счи-

тает себя равноправным гражданином великого Союза Советских Социалистических Республик.

Вот почему, товарищи, смерть Владимира Ильича это не только боль, не только тяжесть, обрушившаяся на русский рабочий класс, на русское крестьянство, это тяжесть, обрушившаяся на угнетенные классы всего мира. И нет никакого сомнения, что там, где есть порабощение, там, где есть угнетение, мы услышим сдавленные вздохи сожаления о смерти Владимира Ильича. Труден путь устроения братства народов. Мы сами на собственом опыте это видим. Над нами еще висят остатки старого исторического прошлого, остатки взаимного недоверия.

Нам, соучастникам деятельности Владимира Ильича, и здесь присутствующим представителям малых народностей, понятны и памятны все те трудности, через которые пришлось пройти для установления действительного братства народов. Даже рабочий класс, ставший у власти и вполне понимающий, что только при общей солидарности, при самом тесном союзе, можно защищать себя от нападения внешней враждебной силы, даже он, без Владимира Ильича, без его помощи, к национальному вопросу не мог подойти сразу со всей той чуткостью, со всем пониманием особенностей отдельных народностей, с которыми подошел и которым нас учил Владимир Ильич. Он был единственным человеком, которому верили, которого слушали и которого считали своим вождем и руководителем все национальности.

Я не сомневаюсь, что чувства, которые охватывают вас здесь, эти чувства являются выражением чувств тех широких национальных масс, представителями которых вы являетесь. Можно смело сказать, не было в мире более верного, более чуткого, более могучего защитника небольших национальностей, чем являлся Владимир Ильич.

Я не сомневаюсь, что смерть Владимира Ильича вызовет особенно глубокое чувство горя у малых народов, ибо первый действительный защитник этих народов был именно Владимир Ильич. Он один конкретно, реально и практически сумел провести равенство и братство народов.

Владимир Ильич в области национальной политики оставил нам завет, состоящий в том, чтобы мы, крупные национальности, давали всем остальным народам нашего Союза возможность развиваться, помогали бы поднятию их культурного уровня. Чуткость и уважение к народным обычаям, которые привиты народам тысячелетней историей, должны быть нашей отличительной чертой.

Товарищи, еще одну великую идею, претворенную в жизнь, оставил нам в наследство Владимир Ильич. Эта

великая идея—союз рабочих и крестьян. Через всю долгую политическую жизнь Владимира Ильича красной нитью проходит идея, что рабочий класс может победить своих врагов только в союзе с крестьянством. Эта гениальная идея, претворенная Владимиром Ильичем в жизнь, дала результаты, которых не ожидал мир. Победа русского рабочего класса, его 6-летняя диктатура, наше присутствие здесь — все это является результатом союза рабочих и крестьян. Товарищи, союз рабочих и крестьян Владимир Ильич не только провел в жизнь, он научил нас ценить, научил нас понимать какое значение имеет союз рабочих и крестьян.

,Теперь для нас, да и не только для нас в Советской Республике, но и для всего мира ясно, что союз рабочих и крестьян есть та основная база, та реальная сила, при помощи которой выявились огромные, неожиданные революционные силы нашей Республики. Эта сила союза рабочих и крестьян стала теперь понятна для каждого рабочего, для каждого крестьянина. И первый, кто бросил об этом клич, был Владимир Ильич.

Владимир Ильич был велик не только тем, что бросал новые идеи, новые мысли. Много было людей, которые бросали новые мысли, новые идеи. Но Владимир Ильич не только бросал мысли, он эти мысли претворял в дело, он находил те силы, которые двигали и которые заставляли эти мысли претворяться в жизнь. И мы, оставшиеся в Советской Республике после Владимира Ильича, обязаны продолжать это огромной важности дело. Мы не только будем свято хранить его заветы в области развития и укрепления союза рабочих и крестьян, но и укреплять этот союз все более и более. И уже сейчас у нас намечается новое: союз рабочих и крестьян мы превращаем в смычку между рабочими и крестьянами, т.-е. мы этот союз действительно укрепляем со всей полнотой. Мы не только сплачиваем, мы пронизываем поры рабочего класса крестьянством и поры крестьянских масс пронизываем рабочим классом. Я не сомневаюсь, что ни советское правительство, ни коммунистическая партия в области союза рабочих и крестьян, не только не позволят себе отступить от заветов Владимира Ильича, а наоборот, будут еще дальше развивать его дело. Мы будем еще больше об'единять эти два могучих класса для окончательной победы.

Но для союза двух классов необходимы средства, которыми закреплялся бы такой союз. И вот, в самые опасные моменты существования Советской Республики, когда казалось, что между рабочим классом и крестьянством появилась трещина. Владимир Ильич умел отыскивать эти средства. Одним из таких средств, как известно, был переход к новой экономической политике. Ценность этой новой эко-

номической политики, проведенной Владимиром Ильичем в тяжелый момент существования Советской Республики, сейчас, несмотря на некоторые отрицательные ее стороны, несмотря на целый ряд искривлений в этой области, советское правительство великолепно понимает. Эта политика нужна, чтобы сохранить в целости союз рабочих и крестьян. Правительство будет бороться с отрицательными сторонами новой экономической политики, будет бороться с той накипью, которая поднимается и будет подниматься в результате этой политики, но основы, заложенные Владимиром Ильичем и давшие определенный результат, будут соблюдаться до тех пор, пока рост материальных государственных средств не даст возможности ее изжить.

Владимир Ильич оставил нам богатое наследство и во всех других областях нашей внутренней политики. В ближайший период времени советское правительство может полными пригоршнями черпать из кладезя мудрости Владимира Ильича и использовать это богатство в области внутреннего управления. Владимир Ильич все время с особенной бдительностью относился к процессам, происходившим внутри крестьянских масс. И советское правительство в настоящий момент, твердо храня заветы Владимира Ильича, также бдительно будет относиться к интересам крестьянских масс, всячески помогая под'ему благосостояния крестьянского хозяйства.

Относясь внимательно к крестьянской массе, советское правительство, во имя заветов Владимира Ильича, также всегда будет твердо помнить, что главным двигателем, гегемоном и революционной силой у нас является рабочий класс Союза Республик. Уже в течение этого года, как только наступило в стране хоть малейшее материальное улучшение, советское правительство существенно улучшило положение рабочего класса. И я не сомневаюсь, что благосостояние рабочего класса будет повышаться на-ряду с увеличением материальных возможностей.

Переходя к международному положению нашего Союза, я могу определенно заявить, что в этой области никаких изменений не произойдет. У нас нет оснований изменять в основном нашу линию внешней политики. Мы решительно боремся за сохранение мира, поддерживаем те народы, свободному существованию которых грозит опасность; употребляем со своей стороны значительные усилия для налаживания нормальных отношений с другими государствами, иногда даже идя на известные жертвы, разумеется, если эти жертвы окупятся.

Советское правительство, коммунистическая партия могут жить в области внешней политики прямыми указаниями, сделанными Владимиром Ильичем.

Достаточно вспомнить эти давно сказанные и вечно но-

вые лозунги: «война войне», «борьба за мир, за освобождение угнетенных народностей». Вот задачи, которые ставил перед коммунистической партией, перед рабочим классом, перед Союзом Советских Республик Владимир Ильич и которые он стремился проводить в жизнь и в огромной части провел. Эти задачи остаются также и нашими задачами. Та осторожность, то умение, та гибкость, которые он проявил в переговорах с отдельными государствами, служат для нас образцом и примером, которым мы должны и будем следовать.

Товарищи, Советская Республика всегда умела подымать, проявлять свою огромную силу, силу воли, силу солидарности рабочего класса и крестьянства, свое военное могущество особенно в тяжелые моменты своей жизни.

Конечно, сейчас, со смертью Владимира Ильича, Советская Республика переживает очень тяжелый момент. Я думаю, что этот тяжелый момент, который переживает сейчас наш Союз, должен вызвать особенное чувство самосохранения, особенное чувство солидарности, проявление огромного самопожертвования рабочих и крестьянских масс. Поэтому в настоящий момент, в момент горестной утраты великого человека, самого великого человека не только в России, но и во всем мире, в этот момент должна проявиться в максимальной степени сила и мощь Советской Республики.

Более 6 лет тому назад 2-й Всероссийский С'езд Советов, под руководством Владимира Ильича, взял власть. Эта власть была взята в момент, когда рабочий класс окружен был всевозможными опасностями. Ни государственного аппарата, ни армии не было в руках пролетариата. Наоборот, наши враги располагали всей полнотой сил. И только железная воля, настойчивость и беззаветная преданность рабочего класса делу коммунизма, беспредельное доверие тов. Ленину дали нам возможность победить на внешних фронтах, уничтожить разруху, изгнать из пределов России белогвардейцев, изжить величайшие муки голода, и в результате получить твердый государственный аппарат; наши границы бдительно охраняются революционной красной армией, все внутри Советских Республик уже подчиняется советским законам. Мы создали рабоче-крестьянское государство, мы видим перспективы его дальнейших преуспеваний. Из отдельных национальных республик, по их самостоятельному почину, мы создали Союз Социалистических Республик и вот сейчас собрался его верховный орган, располагающий всей полнотой власти — 2-й С'езд Союзов. И здесь, на 2-м С'езде Союза, к которому мы пришли через бесконечное ко-

личество мучительных испытаний, под руководством Владимира Ильича, на 2-м С'езде, который является результатом всей его революционной творческой деятельности, мы хороним Владимира Ильича.

Но, товарищи, будем свято хранить его заветы. Отдавая его памяти наш последний долг, твердо скажем себе: его мысли, его заветы борьбы за коммунизм являются нашими мыслями, нашими заветами, и как ни была тяжела нам утрата величайшего, любимейшего вождя, мы все должны удесятерить свои силы в борьбе за достижение коммунизма—конечной цели рабочего класса.

Председатель. Слово предоставляется жене Владимира Ильича, Надежде Константиновне Крупской.

Крупская. Товарищи, то, что я буду говорить, меньше всего будет напоминать какую-нибудь парламентскую речь. Но, так как я говорю к представителям республик трудящихся, к близким, дорогим товарищам, которым предстоит строить жизнь на новых началах, то поэтому, товарищи, думается,—я не должна связывать себя никакими условностями.

Товарищи, за эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот, что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту. Я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследие от русского героического революционного движения. Это чувство заставило его страстно, горячо искать ответа на вопрос — каковы должны быть пути освобождения трудящихся? Ответы на свои вопросы он получил у Маркса. Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу, как человек, ищущий ответов на мучительные настоятельные вопросы. И он нашел там эти ответы. С ними пошел он к рабочим.

Это были 90-е годы. Тогда он не мог говорить на митингах. Он пошел в Петроград в рабочие кружки. Пошел рассказать то, что он сам узнал у Маркса, рассказать о тех ответах, которые он у него нашел. Пришел он к рабочим не как надменный учитель, а как товарищ. И он не только говорил и рассказывал, он внимательно слушал, что говорили ему рабочие. И питерские рабочие говорили ему не только о порядках на фабриках, не только об угнетении рабочих. Они говорили ему о своей деревне.

В зале Дома Союзов, у гроба Владимира Ильича, я видела одного из рабочих, который был тогда в кружке у Владимира Ильича. Это — тульский крестьянин. И вот этот тульский крестьянин, рабочий Семянниковского завода, говорил Владимиру Ильичу: «Тут,—говорит,—в городе мне все трудно об'яснять,

пойду я в свою Тульскую губернию и скажу все, что вы говорите; я скажу своим родным, другим крестьянам. Они мне поверят. Я ведь свой. И тут никакие жандармы нам не помешают».

Мы вот теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами. Эта смычка, товарищи, дана самой историей. Русский рабочий одной стороной своей — рабочий, а другой стороной — крестьянин. Работа среди питерских рабочих, разговоры с ними, внимательное прислушивание к их речам дало Владимиру Ильичу понимание великой мысли Маркса, той мысли, что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся и что за ним идут далее трудящиеся массы, все угнетенные, что в этом его сила и залог его победы. Только как вождь всех трудящихся рабочий класс может победить. Это понял Владимир Ильич, когда он работал среди питерских рабочих. И эта мысль, эта идея освещала всю дальнейшую его деятельность, каждый его шаг. Он хотел власти для рабочего класса. Он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся; он понимал, что историческая задача рабочего класса—освободить всех угнетенных, освободить всех трудящихся. Эта основная идея наложила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича.

Товарищи, представители советских республик, республик трудящихся! К вам обращаюсь я и прошу эту идею Владимира Ильича особенно близко принять к сердцу.

Я хочу сказать, товарищи, последние несколько слов. Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной.

Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое Ленину знамя, знамя коммунизма.

Товарищи — рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма!

(Все присутствующие, стоя, под звуки оркестра, поют похоронный марш).

Председатель. Слово предоставляется председателю Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, тов. Зиновьеву.

Зиновьев. Товарищи, друзья! Все мы, работавшие не год и не два под гениальным руководством Владимира Ильича, мы, пережившие в партии под руководством Владимира Ильича две войны и три революции, прекрасно отдавали себе отчет в том, что во главе нашей семьи, во главе нашей партии, стоит великий человек. Мы говорили, мы писали, что фигура Владимира Ильича высится, как Монблан, над всем совре-

менным поколением революционных деятелей. И все-таки, товарищи, только теперь, когда Владимира Ильича нет среди нас, мы впервые с особенной полнотой поняли, чем был для нас, чем был и пребудет для трудящихся всего мира Владимир Ильич. Как ни высоко ценили мы нашего учителя и вождя, ясно, что мы недооценивали всего.

Действительное значение Владимира Ильича вырисовывается перед нашими глазами и перед глазами трудящихся всего мира только теперь. Больше всего, товарищи, я думаю, научили нас подлинным образом оценивать историческое значение Владимира Ильича те сотни тысяч рабочих, которых мы с затаенным дыханием наблюдаем за последние дни в одной только Москве.

Товарищи, мы пережили три революции, мы видели не раз и не два могучую народную массу, охваченную одним порывом. Каждому из нас выпало на долю великое счастье видеть сплоченные ряды народа, видеть народ, охваченный высоким чувством. Но, товарищи, я думаю, скажу за всех вас, видели ли мы за все пережитые годы картину более величественную, чем ту, что мы четвертые сутки наблюдаем во всей Москве? И, несомненно, во всей России происходит тоже самое.

Видели ли вы когда нибудь ранее такую прекрасную единую народную массу, такой живой прибой сотен тысяч пролетариев, которые сами организуются тут же на улицах, которые день и ночь в нынешнюю зимнюю стужу стоят и ждут своей очереди зайти — поклониться праху вождя. Это — пролетариат, вылитый из одного куска, высеченный из одного куска гранита, спаянный одной великой идеей. Видели ли вы, товарищи, в своей жизни, что-либо более величественное, чем эта безбрежная волна рабочих, входивших в колонный зал, уходивших оттуда с глазами, увлажненными слезами, и все-таки с поднятыми головами, и все-таки охваченных одной великой идеей?

Я думаю, товарищи, никто из нас ничего более величественного не видел и вряд ли увидит. Народная масса, как будто, второй раз переживает великую октябрьскую революцию. Такое чувство у всех у нас, когда мы наблюдаем этот бесконечный стотысячный поток. Еще и еще раз рабочий класс переживает эти великие годы и вспоминает решающий момент, Рубикон, через который перевел нашу страну Владимир Ильич. Еще и еще раз рабочие любовно вспоминают все, что было великого и героического в тот период. Оттого-то эта масса так сильно напоминает рабочие массы накануне октября. Оттого-то наш комитет, который имеет печальную обязанность похоронить то, что было бренного во Влади-

мире Ильиче, оттого-то наш комитет напоминает военно-революционный комитет накануне октября. Все мы вместе с народными массами как бы переживаем во второй раз великие октябрьские события и мысленно вновь обозреваем пройденный путь. Народные массы, народ, в лучшем смысле этого слова, научат нас теперь еще лучше, чем до сих пор, понять, что же такое был и чем останется, несмотря на физическую смерть, Владимир Ильич для трудящихся всего мира и для всего человечества.

Читайте, товарищи, письма рабочих, которые помещаются у нас петитом в задних углах газеты. Читайте их внимательнее всего и вы поймете тогда, как подлинный народ, как подлинные рабочие массы чувствуют Владимира Ильича, как оценивают они его.

Позвольте мне, товарищи, таких два отрывка прочитать вам.

«Нашему отцу. Дорогой отец наш. Ты ушел от своих детей навеки, но твой голос, слова твои никогда не умрут в наших пролетарских сердцах.

Мы великими тысячами идем проститься с дорогим нашим вождем, мы плачем у гроба твоего.

РКП и ВЦИК и всем остальным мы дали свой отклик пролетарский.

Отец наш своею смертью нанес нам тяжелый удар. Мы, читая газеты, думали, что вернется он скоро к нам, и мы ждали его каждую минуту, но злая болезнь отняла у нас незабвенного отца—отца всего мира.

Мы знаем, что скоро настанет тот час, когда со всех стран мира посыпятся на твою горячую могилу венки; твоя могила вечно останется в памяти каждого честного гражданина. Она вечно будет цвести, она никогда не будет сухой.

Не утренняя летняя роса будет кропить ее, а слезы твоих детей, которые так горячо тебя любили и будут вечно преданы тебе.

Вечная память незабвенному отцу, Владимиру Ильичу Ленину.

Желаем возложить венок на могилу отца от всего пролетарского населения России».

Или рабочий шахтер Тарасов:

«Солнце померкло, звезда закатилась.

Солдаты царской армии, кто из вас был в окопах, вспомните, чем был для вас окружающий мир! Вы устремлялись с мольбами и тоской к небу, а в ответ вам сыпались снаряды. Увы, напрасны были ваши молитвы!..

Но вот среди лесов и полей, где ежеминутно взрывались ужасные бомбы, между трупов и стона раненых, пронеслось: Ленин.

Из-за границы пришел Ленин.

— Вам тяжело, я знаю,—сказал он,—слушайте меня, идите за мной. Его клич был кличем вождя. Этот клич проник глубоко в каждое солдатское окровавленное сердце. За ним шли. За лозунги Ленина не было жаль жизни. Умирали с радостью, никто о себе не думал.

То, что он обещал, пришло. Зацвели красные маки. Черная тоска сменилась радостью. Голод и разруху оставили за плечами, стали вдоволь есть хлеб.

Ленину нельзя было не верить. Такому мы верили. Мы говорили ему: Зови, веди, пойдем, не обманешь!..

Заболел. Дорожили каждым его часом. Ленин, живи! Ты один понимаешь нас, как никто! Нас, мужиков, царя растоптавших!

А сегодня у каждого па сердце черные пятна. Закатилась звезда. Москва, Россия, Союз Республик облеклись в траур. Солнце померкло.

Великого Ленина между нами не стало».

И, товарищи, такие же или подобные отклики несутся уже со всех концов мира, не только из тех стран, где живут и борются сотни тысяч и миллионы городских промышленных пролетариев, но и из таких стран, как Китай, как Индия. Именно угнетенные народы Востока больше всего воспринимают Владимира Ильича, как лучшего своего друга, как самого великого вождя.

Я вспоминаю сегодня, товарищи, одну оценку Владимира Ильича, данную великим художником современности, А. М. Горьким. А. М. Горький, увы, не понял нашей революции. Но, несмотря на это, он, по крайней мере, частью, очень недурно понял главнейшего героя нашей революции—Владимира Ильича, которого Горький близко знал, как все мы, горячо любил и который пользовался любовью и со стороны Владимира Ильича. К 50-летию Владимира Ильича Горький поместил статью в «Коммунистическом Интернационале», под заглавием: «Владимир Ильич Ленин». Я очень хорошо вспоминаю обстоятельства, связанные с помещением этой статьи. Когда эта статья попалась на глаза Владимиру Ильичу, то мне, как редактору этого журнала, не мало влетело от Владимира Ильича за помещение статьи, которую он считал неуместной, преувеличенной. В этой статье у Горького, в политических оценках, было, действительно, не мало неверного. Но что касается оценки личности Владимира Ильича, то сегодня приходится сказать, что чутье великого художника подсказало Горькому несколько лет тому назад то, что народу, что всем нам становится вполне ясным только теперь. Когда Горький говорил о планетарном значении работ Владимира Ильича, многим это

тогда казалось преувеличением. Но мне кажется, товарищи, сейчас всякий чует настоящую правду в этой постановке вопроса.

Товарищи, вы не посетуете на меня, если я прочитаю вам несколько выдержек не из политических оценок Горького, а из его характеристики личности Владимира Ильича. Сейчас мы находимся в положении, когда нам всего лучше выражать свои собственные настроения словами или рядовых рабочих, или таких людей, как Горький. Горький писал тогда:

«Я должен сказать, что мои личные симпатии к нему не играют никакой роли в момент, когда я пишу о нем. Я рассматриваю его, как существо, подлежащее моему наблюдению, наравне со всеми другими людьми и явлениями, которые не могут не интересовать меня, как бытоописателя моей родины.

Вот этот человек говорит речь на собрании рабочих, он говорит удивительно простыми словами, железным языком, с логикой топора, но в его суровых словах я никогда не слыхал ни грубой демагогии, ни пошлого франтовства красивой фразой. Он говорит всегда одно: о необходимости в корне уничтожить социальное неравенство людей и о путях к этому. Эта древняя правда звучит в его устах резко, непримиримо: всегда чувствуешь, что он непоколебимо верит в нее, и чувствуешь, как спокойна его вера.

Иногда дерзость воображения, обязательная для литератора, ставит передо мною вопрос: как видит Ленин новый мир? И предо мною развертывается грандиозная картина земли, изящно ограненной кругом свободного человечества в гигантский изумруд. Все люди разумны, и каждому свойственно чувство личной ответственности за все, творящееся им и вокруг него. Повсюду города - сады—вместилища величественных зданий, везде работают на человека покоренные и организованные его разумом силы природы, а сам он—наконец,—действительный властелин стихии. Его физическая энергия не тратится больше на грубый, грязный труд: она переродилась в духовную, и вся мощь ее направлена к исследованию тех основных вопросов бытия, над решением которых издревле безуспешно бьется мысль, расшатанная, раздробленная необходимыми усилиями об'яснения и оправдания явлений социальной борьбы, измученная неизбежной в мире этих явлений драмой признания двух непримиримых начал. Облагороженный технически, осмысленный социально, труд стал наслаждением человека. Действительно освобожден, наконец, разум человека, самое драгоценное начало в мире—и, действительно, разум стал бесстрашен.

Ленин больше человек, чем кто-либо иной из моих со-

временников, и хотя его мысль, конечно, занята по преимуществу теми соображениями политики, которые романтик должен назвать «узко-практическими», но я уверен, что в редкие минуты отдыха эта боевая мысль уносится в прекрасное будущее гораздо дальше и видит больше, чем я могу представить себе. Основная цель всей жизни Ленина—общечеловеческое благо, и он неизбежно должен прозревать в отдалении веков конец того великого процесса, началу коего аскетически и мужественно служит вся его воля. Он — идеалист, если вложить в это понятие соединение всех сил натуры в одной идее—в идее всеобщего блага. Его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым.

Суровый реалист Ленин постепенно становится легендарной личностью. Это хорошо.

Из глухих деревень Индии, проходя сотни верст по горным тропинкам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробираются в Кабул, в русскую миссию, индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают: что такое Ленин?

А на другом конце земли норвежские рабочие говорят русскому безразличному человеку: вот, Ленин — самый честный парень. Такого еще не было на земле.

Я говорю: это хорошо. Большинству людей необходимо верить для того, чтобы начать действовать».

Вы видите, что чутье художника, близко знавшего Владимира Ильича лично, помогло Горькому, делавшему не мало ошибок в оценке нашей революции, отметить уже несколько лет тому назад, когда еще не так ясна была великая личность Владимира Ильча, то, что делало тов. Ленина уже тогда легендарной личностью, что делало его уже тогда вождем всего человечества.

Товарищи, дар провидения, дар предсказывания событий свойственен был Владимиру Ильичу в величайшей степени. Когда мы изучим его великие сочинения так, как они того заслуживают, мы должны будем произвести специальную работу, которая должна будет выяснить, какие из предвидений Владимира Ильича оправдались. Найдутся, разумеется, такие, которые не оправдались. Но, товарищи, удивительно не то, что целый ряд предсказаний, сделанных этим гениальным человеком, не оправдался, а удивительно то, что столь многие из них сбылись. Позвольте мне и тут говорить словами не своими, а в данном случае словами самого Владимира Ильича. Я хочу напомнить только два из предсказаний Владимира Ильича, относящихся к довольно далекому времени. Одно из них сделано 30 лет тому назад, т.-е. тогда, когда Владимир Ильич был еще совсем молодым, когда ему

не было 25-ти лет, и другое, которое сделано было лет 15 тому назад.

В известном сочинении тов. Ленина «Друзья народа», которое только недавно получило широкое распространение, и которое писалось почти 30 лет тому назад, Владимир Ильич говорил:

— «Когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,—тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной **коммунистической революции**».

Товарищи, сейчас эти слова звучат более или менее обычно. Но, если вы вспомните, что они были сказаны 30 лет тому назад молодым деятелем, только еще выходившим на широкую политическую арену, в обстановке, когда рабочий класс только еще начинал создавать первые свои сколько-нибудь значительные организации, в годину мертвящей царистской реакции, в момент, когда рабочий класс делал только первые шаги в области экономической борьбы,—вы признаете, что эти слова были пророческими словами.

Другое предсказание относится к вопросу о борьбе между марксизмом и меньшевизмом, к вопросу о той исторической тяжбе между 3-м Интернационалом и 2-м—тяжбе, которая исторически взвешена судьбой, но все-таки еще не вполне закончена. В небольшой работе, писанной наспех в 1908 году, в сборнике, посвященном Карлу Марксу, в небольшой статье, которая называется «Марксизм и ревизионизм», тов. Ленин обронил следующие слова: «Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда, вплоть до перипетий пролетарской революции... то, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу—то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве,—это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для

определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела, вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства».

Вдумайтесь в эти слова. Кто из вас не скажет вместе со мною, что это были пророческие слова. После первых схваток, во время революции 1905 года, когда мы были еще только фракцией 2-го Интернационала, когда мы еще были членами одной с меньшевиками партии, в момент, когда мы все их считали еще товарищами и спор между нами и ими носил характер спора между двумя фракциями одной общей партии, в момент, когда эти споры в наших глазах были только литературными спорами,—в этот момент Владимир Ильич предсказал, что литературные споры между нами и меньшевиками есть не что иное, как преддверие грядущих революционных битв, как преддверие тех битв, которые развели нас теперь с международным меньшевизмом по разные стороны баррикады, поставили друг против друга с оружием в руках и заставили нас, те споры, которые были раньше литературными, превратить в споры, которые решались в ходе гражданской войны.

Я выхватил, товарищи, только два момента, их можно было бы удесятерить. И каждый из нас мог бы назвать в большом и малом целый ряд предсказаний Владимира Ильича, которые сбылись целиком. Даже наши противники, международная буржуазия, даже 2-ой Интернационал не смогли не отдать невольной дани уважения Владимиру Ильичу. Вы читали эти отклики и вы видите, как Владимир Ильич исторг у от'явленных противников признание его величайших, мировых исторических заслуг.

Писатели этого лагеря ищут сравнений Владимира Ильича с историческими фигурами прошлого. Они сравнивают его с Наполеоном, с Робеспьером, с Кромвелем, с Петром Великим и другими историческими фигурами. Они не понимают главного: они не понимают того, что тщетно искать в предыдущей истории человечества такую фигуру, которую можно было бы примеривать к исполинскому росту Владимира Ильича. Да, конечно, все названные мною исторические фигуры крупны, каждая по своему. Но возьмите Робеспьера, разве он не ребенок по сравнению с Владимиром Ильичем? Всякий понимает, что это именно так. Да, Робеспьеру выпало на долю сыграть большую роль в истории великой буржуазной революции. Но разве стоял он на железном фундаменте марксизма,

разве был он связан с величайшим классом современности— рабочим классом, разве мог он иметь тот дар предвидения, который имел Владимир Ильич? Не мог и не имел. Вот почему невозможно найти в предыдущей истории человечества такую фигуру, к которой можно было бы примерить фигуру Владимира Ильича. К его фигуре следует примеривать всех его предшественников, а не наоборот.

Я вспоминаю, товарищи, один момент: июльские дни 1917 года, когда после первого разгрома питерских рабочих и кронштадских моряков, Владимир Ильич должен был укрываться недалеко от Сестрорецка, в шалаше, о котором многие рабочие и крестьяне уже знают. Сравните этот момент, а ведь это было не так уже давно, с тем, что мы видим теперь. В те времена, по крайней мере, в начале, после разгрома, лишь одна часть рабочего класса по-прежнему горячо верила в звезду Владимира Ильича. Колебания были в среде рабочего класса и даже недалеко от партии. Владимир Ильич прятался в течение двух недель в шалаше, окруженный только небольшой группой рабочих, семьей одного рабочего Сестрорецкого,—товарища Емельянова и его детей. Весь буржуазный Петроград, весь «демократический» Петроград в эту эпоху Керенского и Церетелли был на ногах, чтобы найти Владимира Ильича. Его травили в буквальном смысле слова. В газетах тогдашнего времени вы можете прочитать о том, как все собаки-ищейки, — я говорю о настоящих четвероногих собаках, которые находились в распоряжении уголовного розыска и тогдашнего «демократического» правительства,— все они были пущены по тем следам, которые, казалось, давали надежды нашим врагам затравить Владимира Ильича. Если бы он был тогда найден, он, разумеется, был бы растерзан тут же на месте. Сравните, товарищи, этот момент, когда великий Владимир Ильич уже тогда имевший за собою огромные заслуги, должен был прятаться в шалаше и мокнуть под ночным осенним дождем и когда его травили все, кроме горсточки рабочих, сравните тот момент с нынешним, когда Владимир Ильич об'единил вокруг себя не только весь рабочий класс нашей страны, не только все, что есть мыслящего, честного и революционного в нашем крестьянстве, но об'единил весь народ и исторг дань уважения даже из уст тех, которые имеют все основания относиться к Владимиру Ильичу без особой нежности: я говорю о международной буржуазии.

За несколько лет Владимир Ильич прошел сам и провел рабочий класс по громадной исторической дороге, на которую в другое время понадобились бы столетия. За это время Владимир Ильич стал родным всей нашей стране. Когда мы

видели 13-летних крестьянских мальчуганов, плакавших навзрыд при проводах тела Владимира Ильича из деревни «Горки», когда мы видим стотысячные толпы в Москве, когда мы слышим гул сочувственных голосов во всей России, когда мы видим, что каждая, сколько-нибудь грамотная крестьянка в нашей стране носит в сердце траур по Владимире Ильиче,—мы имеем право сказать: ни одному из революционных борцов, ни одному из водителей человечества не выпадало еще на долю такое великое счастье, какое выпало на долю Владимиру Ильичу.

Я не исполнил бы своего долга, товарищи, если бы я сегодня не сказал здесь хотя бы несколько слов о том, как чувствуют, как думают рабочие-коммунисты тех 42 партий, которые входят в Коммунистический Интернационал и от имени которых я должен сегодня сказать несколько слов, потому, что их самих здесь нет. Нет никаких сомнений, товарищи, в том, что, как это было и раньше, десятки и сотни тысяч итальянских рабочих, заточенных в тюрьмах фашистов, рабочие, находящиеся на каторге в Америке, рабочие и крестьяне повстанцы, брошенные на вечную каторгу в Болгарии, после только что совершившегося там восстания, рабочие и крестьяне, томящиеся в тюрьмах буржуазной Польши, сотни и сотни пролетарских борцев Германии и всего мира,—нет ни малейшего сомнения в том, что все эти лучшие борцы международного рабочего класса, если только через железную решетку до них донеслась весть о кончине Владимира Ильича, нет ни малейшего сомнения в том, что в тиши своих одиночных и каторжных камер они рыдают вместе с рабочими России, вместе с нами переживают то тяжелое бремя, которое такой большой тяжестью ложится на спину каждого рабочего и каждого крестьянина в нынешние скорбные дни.

Я только что получил телеграмму о том, что даже германские социал-демократы, пытающиеся запретить и затравить германскую коммунистическую партию, не решились отказать берлинским рабочим-коммунистам в праве устроить в воскресенье, в день похорон, ряд траурных митингов в память Владимира Ильича. Даже эти люди, на совести которых и на руках которых кровь Розы Люксембург и Карла Либкнехта, даже они, чувствуя угрозу со стороны всего рабочего класса Германии, должны были это разрешить.

Мы имеем телеграммы из Франции о том, что оттуда выехали делегации французского рабочего класса и что в день похорон там будут остановлены работы. Такие же сообщения получены из Норвегии, такие же сообщения идут со всего мира.

Рабочие всего мира, как только они почувствовали, что

открывается новая страница в истории их борьбы, когда они сознали и почувствовали, что близится международная пролетарская революция, чутьем отметили как своего избранника, как своего международного вождя, Владимира Ильича. Через Владимира Ильича наша партия и наш рабочий класс стали важнейшей составной частью международного пролетариата и его международной коммунистической организации. В великом неисчерпаемом наследстве Владимира Ильича основное—это: 1) Союз Советских Социалистических Республик и 2) международная организация пролетариата — Коммунистический Интернационал. И то и другое являются в одинаковой мере детищем Владимира Ильича, который, как никто, выразил настроение, душу самых широких масс трудящихся. Никто не вложил столько труда в дело создания Коммунистического Интернационала, как это сделал тов. Ленин. И никого рабочие всего мира, рабочие-коммунисты и, смею думать, также десятки и сотни тысяч рабочих, еще входящих в социал-демократическую партию, еще не порвавших со 2 Интернационалом, никого не чувствуют в такой мере, никого не любят такой глубокой, интимной любовью, как Владимира Ильича.

Владимиру Ильичу выпало на долю стать героем не только своего родного народа, но и героем всего международного пролетариата. В этом нет ни капли преувеличения. Это есть непреложный факт, который будет для нас выясняться с каждым днем и с каждой неделей все больше и больше.

Осиротел международный рабочий класс; осиротела больше всего наша родная Российская Коммунистическая Партия, которая имела величайшее счастье трудиться, работать, бороться, побеждать, а иногда терпеть горькие поражения под руководством Владимира Ильича. Его роль оказывалась особенно великой именно в момент поражения. Пусть вспомнят товарищи тяжелое лихолетие контр-революции 1908—11 годов, когда все революционные партии были разбиты, когда и наша партия была разбита. Побежденная армия неизбежно подвергается, хотя бы частично, деморализации. Вспомните эту полосу безверия, уныния, распада. Вот в эту полосу Владимир Ильич, как звезда, сиял всем нам своею бодростью, своей верой, своим знанием, своим глубоким проникновением в ближайшее будущее. Он бодрил уставших, он собирал по горсточке оставшихся, уцелевших бойцов. Из этих горсточек, из этих маленьких групп людей он стал опять, в упорном труде, выковывать заново партию и он подвел ее к годам нового под'ема, когда в нашу, опустевшую, было, организацию, вновь устремился поток всего, что было живого, героического в рабочем классе нашей страны.

Товарищи, в течении месяцев и годов мы будем еще пытаться отдавать себе отчет в том, что же сделано для нашей страны, для всего международного пролетариата Владимиром Ильичем. Наше нынешнее собрание есть только первая, слабая, робкая попытка, — робкая, неумелая и слабая потому, что слишком еще велика горечь утраты, еще слова не идут с языка и еще тяжело нам сколько нибудь об'ективными глазами посмотреть на то, что сделано Владимиром Ильичем для нашей страны. Нынешнее собрание, говорю я, есть только первая слабая попытка отдать отчет себе, отдать отчет лучшим представителям рабочего класса и крестьянства нашего Союза, а через них и всей нашей стране, а через нее и всему миру, отдать отчет в том, что сделал Владимир Ильич для нашей страны.

Владимира Ильича больше нет. Мы завтра опустим его в могилу.

Что будет дальше?

Разумеется, товарищи, этот вопрос должен быть поставлен, и ставится уже каждым из нас, каждым рядовым участником нашей партии, каждым рядовым участником советской власти.

Что будет дальше? Сумеем ли мы, оставшиеся в живых, сумеет ли созданная Владимиром Ильичем партия и советская власть, сумеем ли мы провести нашу страну дальше, в тот край обетованный, который предносился духовному взору Владимира Ильича? Сумеем ли мы, хотя бы с грехом пополам, напрягая все силы коллективного разума и коллективной организованности, выполнить то, чему учил нас Владимир Ильич?

Товарищи, электрическая искра пролетела по рядам не только всей нашей партии, но и всего рабочего класса и очень значительных слоев крестьянства.

Наша партия будет единой. Наша партия теперь больше, чем когда бы то ни было сплотится. Каждый рядовой или не рядовой участник нашей партии или советской власти лучше даст отрезать себе правую руку, чем сделает хотя бы какой бы то ни было шаг, который, хотя бы в малейшей мере, может нарушить единство железных рядов Российской Коммунистической партии или советской власти. Единство партии это — основное величайшее достояние, которое осталось нам от Владимира Ильича. Мы должны суметь сберечь его, как зеницу ока. С этим настроением мы раз'едемся с этого траурного, но и великого с'езда. Мы примем решения относительно того, как нам придется действовать дальше. Мы приносим клятву каждый в своем сердце. Каждый на своем месте, куда его поставит партия или советская власть, куда его бросят превратности судьбы, куда его бро-

сят потребности революции, каждый из нас, на каком бы он ни был посту, где бы ему ни пришлось работать, когда ему придется принимать решение, чреватое ответственностью, пусть он поставит себе вопрос: а что посоветовал бы в таком положении Владимир Ильич? А что сделал бы на моем месте товарищ Ленин? Что сказал бы он нам? Как присоветовал бы он нам?

Товарищи, вы знаете, что многим и многим из нас приходится действительно почти каждый день принимать именно такие решения, которые чреваты величайшей ответственностью и крупнейшими последствиями не только для партии, но для всей страны, а иногда для ряда партий.

В особенности в последних случаях мы должны быть осторожны. Никто не относился так бережно к судьбам братских рабочих партий, которые слушают нашего совета, как это делал Владимир Ильич. Если он вкладывал всю свою душу, всю свою добросовестность и всю осторожность в каждое решение, относившееся к судьбам нашей собственной партии, то еще гораздо более осторожно он подходил к тем решениям, которые касались братских партий других стран. Не было для него ничего более святого, чем дело помощи рабочим других стран, чем дело действительного выполнения долга интернационалиста. Нашей партии, как передовому отряду Коммунистического Интернационала, придется и теперь не раз и не два принимать решения, которые близко касаются судеб, иногда и голов рабочих партий в целом ряде стран. Товарищи, для того, чтобы мы могли со спокойной совестью принимать решения, иногда, быть может, и ошибаясь и поправляя честно и искренне свои ошибки, для того, чтобы мы могли продолжать сколько-нибудь удовлетворительно ту великую работу, которую завещал нам Владимир Ильич, для этого нам нужно больше и прежде всего единство наших собственных рядов.

Владимир Ильич провел нашу страну через самое глухое, через самое трудное время. Мы все уже теперь чувствуем: Россия становится, стала и будет становиться с каждым днем и с каждым годом все более богатой, все более великой рабоче-крестьянской страной.

Наш Союз Советских Социалистических Республик усилиями Владимира Ильича уже выведен на широкую дорогу. Самое трудное, что ни говори, осталось позади. Неужели же мы промотаем столь великое наследство, неужели все мы, все вместе, ученики Владимира Ильича, прошедшие школу у такого гениального руководителя, неужели все мы, имеющие за спиной три революции, неужели все мы, имеющие за собой неразрывную связь с такой превосходной пролетарской

массой, которую мы наблюдаем в Москве и во всем Союзе Социалистических Республик, неужели же мы, окруженные доверием и любовью рабочих партий всего мира, всего, что ни есть честного, революционного в международном пролетариате, неужели мы не сумеем выполнить эту сравнительно уже теперь не такую трудную задачу, какой она была в первые годы, в первые месяцы существования советской власти?

Сумеем!

И как нам ни тяжело, товарищи, выше голову!

Ответственность, которая ложится на нас, тяжела, но она не должна раздавить никого из нас. Эта ответственность ложится на железные плечи Российской Коммунистической Партии и советской власти. Мы должны, мы обязаны суметь выполнить то, что завещал нам Владимир Ильич. Мы обязаны свет его учения понести в еще гораздо более широкие, беспредельные народные массы, мы обязаны облегчить и ускорить тот момент, когда десятки и сотни миллионов населения Китая, Индии, всего Востока, всего того Востока, историческую роль которого так высоко оценил и так хорошо сознавал Владимир Ильич и учил нас сознавать, — придут нам на помощь и вступят с нами в союз. Угнетенные народы мира уже идут навстречу к нам. Уже близок момент нашего с ними стыка. Неужели, товарищи, мы не сумеем выполнить той, повторяю, сравнительно не столь уж трудной задачи, какой она была несколько лет тому назад?

Мы должны, товарищи, отсюда раз'ехаться с сознанием того, что на нас легла нечеловечески трудная ответственность, но и с сознанием вместе с тем того, что Владимир Ильич оставил нам ключ к разрешению всех основных задач современности и оставил нам могучую организацию, которая имеет, если она будет едина, если она даст себе клятву до конца крепко стоять на том посту, который завещал Владимир Ильич,—имеет все основания надеяться, что она выполнит свою великую историческую миссию.

Близко время, когда на наших глазах будут лопаться, как мыльные пузыри, ныне еще большие соц.-дем. партии, желтые профессиональные союзы и т. д. Близок тот момент, когда десятки и сотни тысяч ныне еще с.-д. рабочих перейдут к нам, когда из рядов рабочего класса будут выходить новые борцы, новые титаны мысли. Не может быть, чтобы грядущая развивающаяся на наших глазах международная пролетарская революция не дала нам новых крупных вождей. Она даст их нам. Наш собственный народ, талантливый и даровитый, сам будет выдвигать, вероятно, десятки и, может быть, сотни новых талантливых вождей, ра-

ботников деревни, работников города, тех людей, которые сумеют завершить дело Владимира Ильича. И тем более такие вожди выдвинутся из рядов международного рабочего класса.

Пусть же заветы Владимира Ильича будут для нас святыми в лучшем смысле этого слова. Будем помнить те простые, но замечательные слова, которые мы слышали сегодня из уст Надежды Константиновны и которая высказала их так, что лучше не мог бы сказать и сам Владимир Ильич. Будем достойны, товарищи, своего великого учителя, будем помнить, что на нас теперь больше, чем когда бы то ни было, смотрят не только трудящиеся Союза наших республик, но и трудящиеся всего мира. Будем же достойны, как сказала, Надежда Константиновна, нашего великого учителя Владимира Ильича Ленина.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Председатель. Слово предоставляется тов. Сталину.

Сталин. Мы, коммунисты,—люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы—те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию тов. Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является тов. Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны неимоверных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии. Вот почему партия ленинцев, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса.

Уходя от нас, т. Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь.

25 лет пестовал тов. Ленин нашу партию и выпестовал ее, как самую крепкую и самую закаленную в мире рабочую партию. Удары царизма и его опричников, бешенство буржуазии и помещиков, вооруженные нападения Колчака и Деникина, вооруженное вмешательство Англии и Франции, ложь и клевета стоустой буржуазной печати, — все эти скорпионы неизменно падали на голову нашей партии на протяжении четверти века. Но наша партия стояла, как утес, отражая бесчисленные удары врагов и ведя рабочий класс вперед, к победе. В жестоких боях выковала наша партия единство и сплоченность своих рядов. Единством и сплоченностью добилась она победы над врагами рабочего класса.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам хранить единство

цаной партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы с честью выполним и эту твою задачу.

Тяжела и невыносима доля рабочего класса. Мучительны и тягостны страдания трудящихся. Рабы и рабовладельцы, крепостные и крепостники, крестьяне и помещики, рабочие и капиталисты, угнетенные и угнетатели,—так строился мир испокон веков, таким он остается и теперь в громадном большинстве стран.

Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступать, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унизительными. Только в нашей стране удалось угнетенным и задавленным массам трудящихся сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов и поставить на его место господство рабочих и крестьян. Вы знаете, товарищи, и теперь весь мир признает это, что этой гигантской борьбой руководил тов. Ленин и его партия. Величие Ленина в том, прежде всего, и состоит, что он, создав Республику Советов, тем самым показал на деле угнетенным массам всего мира, что надежда на избавление не потеряна, что господство помещиков и капиталистов недолговечно, что царство труда **можно** создать усилиями самих трудящихся, что царство труда нужно создать на **земле**, а не на небе. Этим он зажег сердца рабочих и крестьян всего мира надеждой на освобождение. Этим и об'ясняется тот факт, что имя Ленина стало самым любимым именем трудящихся и эксплоатируемых масс.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь.

Диктатура пролетариата создалась в нашей стране на основе союза рабочих и крестьян. Это первая и коренная основа Республики Советов. Рабочие и крестьяне не могли бы победить капиталистов и помещиков без наличия такого союза. Рабочие не могли бы разбить капиталистов без поддержки крестьян. Крестьяне не могли бы разбить помещиков без руководства со стороны рабочих. Об этом говорит вся история гражданской войны в нашей стране. Но борьба за укрепление Республики Советов далеко еще не закончена,—она приняла лишь новую форму. Раньше союз рабочих и крестьян имел форму военного союза, ибо он был направлен про-

тив Колчака и Деникина. Теперь союз рабочих и крестьян должен принять форму хозяйственного сотрудничества между городом и деревней, между рабочими и крестьянами, ибо он направлен против купца и кулака, ибо он имеет своей целью взаимное снабжение крестьян и рабочих всем необходимым. Вы знаете, что никто так настойчиво не проводил эту задачу, как тов. Ленин.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь.

Второй основой Республики Советов является союз трудящихся национальностей нашей страны. Русские и украинцы, башкиры и белоруссы, грузины и азербейджанцы, армяне и дагестанцы, татары и киргизы, узбеки и туркмены,—все они одинаково заинтересованы в укреплении диктатуры пролетариата. Не только диктатура пролетариата избавляет эти народы от цепей и угнетения, но и эти народы избавляют нашу Республику Советов от козней и вылазок врагов рабочего класса своей беззаветной преданностью Республике Советов, своей готовностью жертвовать за нее. Вот почему тов. Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь.

Третьей основой диктатуры пролетариата является наша красная армия, наш красный флот. Ленин не раз говорил нам, что передышка, отвоеванная нами у капиталистических государств, может оказаться кратковременной. Ленин не раз указывал нам, что укрепление красной армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии. События, связанные с ультиматумом Керзона и с кризисом в Германии, лишний раз подтвердили, что Ленин был, как и всегда, прав. Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу красную армию, наш красный флот.

Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится непоколебимо. В чем ее сила? Не только в том, что страна наша держится на союзе рабочих и крестьян, что она олицетворяет союз свободных национальностей, что ее защищает могучая рука красной армии и красного флота. Сила нашей страны, ее крепость, ее прочность состоит в том, что она имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и

крестьян всего мира. Рабочие и крестьяне всего мира хотят сохранить Республику Советов, как стрелу, пущенную верной рукой т. Ленина в стан врагов, как опору своих надежд на избавление от гнета и эксплоатации, как верный маяк, указывающий им путь освобождения. Они хотят ее сохранить и они не дадут ее разрушить помещикам и капиталистам. В этом наша сила. В этом сила трудящихся всех стран. В этом же слабость буржуазии всего мира.

Ленин никогда не смотрел на Республику Советов, как на самоцель. Он всегда рассматривал ее, как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока, как необходимое звено для облегчения победы трудящихся всего мира над капиталом. Ленин знал, что только такое понимание является правильным не только с точки зрения международной, но и с точки зрения сохранения самой Республики Советов. Ленин знал, что только таким путем можно воспламенить сердца трудящихся всего мира к решительным боям за освобождение. Вот почему он, гениальнейший из гениальных вождей пролетариата, на другой же день после пролетарской диктатуры заложил фундамент Интернационала рабочих. Вот почему он не уставал расширять и укреплять союз трудящихся всего мира—Коммунистический Интернационал.

Вы видели за эти дни паломничество к гробу т. Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле тов. Ленина. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света для того, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира—Коммунистический Интернационал.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Председательствующий. Слово имеет тов. Бухарин.

Бухарин. Товарищи, завтра мы хороним Владимира Ильича. В жизни каждой организации, в жизни каждого народа и в жизни каждой страны бывают иногда такие трагические моменты, когда каждый из борцов невольно оглядывается на пройденный путь, отходит на известное расстояние и тогда начинает понимать и свою собствен-

ную историю, и свои собственные дела, и героев разыгрывающейся драмы гораздо лучше, четче и гораздо правильнее, чем в пылу самой борьбы. Сейчас наша страна, теперь вся целиком, — ибо тов. Ленин есть сейчас признанный герой не только нашей партии, не только рабочего класса и не только крестьянства, но всей нашей великой страны, — вся наша страна отходит несколько назад и смотрит на то, что она пережила за тяжелые, славные, мучительные, героические годы своей революционной истории. Товарищи, мы теперь ясно видим, видим уже на расстоянии, какой огромной, какой гигантской фигурой был ушедший от нас тов. Ленин. Можно сказать, что эта громадная исполинская фигура будет вечно стоять на рубеже двух эпох в истории развития человеческого общества. Когда-то один из основоположников научного коммунизма, ближайший друг и соратник Карла Маркса, Фридрих Энгельс, говорил, что вся история человеческого общества вплоть до диктатуры рабочего класса есть только предварительная история человеческого общества, его предистория, и что только с той поры, когда рабочий класс возьмет в свои руки государственную власть, когда рабочий класс, опирающийся на миллионы трудящихся, сломит и низвергнет старый капиталистический режим и заложит фундамент новому обществу, свободному обществу труда, — только тогда откроется страница настоящей человеческой истории, той истории человеческого общества, где человек человеку не будет волком, где на место слепой игры конкуренции, на место кровавых войн, на место подсиживания, на место грабежа водрузится царство человеческого разума, покоряющего стихийные силы природы. И вот как раз мы теперь яснее, чем когда бы то ни было, видим, что все мы от первых наших часовых и кончая последними борцами нашей рабочей и рабоче-крестьянской армии, живем в такую эпоху, когда на нашу долю выпало великое счастье эту первую страничку человеческой истории перевернуть. Наша страна и наш рабочий класс первые среди кровавой империалистической войны нашли в себе смелость перевернуть эту страницу, имея впереди себя такого великана революции, каким был тов. Ленин. Нет ни одной секунды сомнения в том, что его железная исполинская фигура будет стоять колоссом в памяти всех потомков, что от этой грани будут считать новые века и что имя нашего вождя будет жить вечно, когда все—Александры Македонские, Наполеоны, всякие герои и поэты старого мира будут преданы забвению.

Мы сами не сознаем теперь, в какое величайшее историческое время мы живем. Но точно так же, как мы теперь только впервые начинаем видеть фигуру Владимира Ильича во весь рост, ибо только теперь он, из гроба, мертвый, встал во

весь свой рост,—точно так же, товарищи, мы можем сказать и про то великое дело, про ту великую революцию, вождем которой, победоносным знаменосцем которой был т. Ленин. Мир развивался за последние 10-тилетия в своих капиталистических формах. Чудеса науки и техники были ясны каждому и всякому, но тот общественный строй, в котором жили люди, то проклятие капиталистического наследства, которое имело на своих плечах наше поколение, оно превратило все чудеса науки и техники в средства величайшего истребления, в средства убийства, разрушения, в средства, приводившиеся в движение жаждой наживы и разбоя. Эту старую культуру, которая накопила столько богатства, которая обегая всю землю, поработила весь земной шар под иго капитала, — эту старую культуру взорвали внутренние противоречия во время империалистической войны. Старая Европа — мать европейской цивилизации, средоточие культуры, лежит сейчас в обломках и хаосе; она лежит в крови, и старые хозяева этой Европы уже не чувствуют прежней уверенности, какую чувствовали десятки лет тому назад. Буржуазное сознание мечется в поисках какого-либо выхода и не находит. И вот только одна сила которая может вывести на прямую дорогу, которая уведет человеческое общество из этого царства тлена, смерти и разрушения, эта великая сила есть рабочий класс, и великая энергия, которая спасет человечество, есть великая энергия рабочего класса и трудящихся миллионов. И глашатаем, пророком, вождем, лучшим советчиком этих миллионов был тов. Ленин.

Тов. Ленин есть величайшая фигура, какую мы знаем. Но он имеет одно свойство, которым обладают очень и очень немногие из великих исторических фигур, можно даже сказать, что он является первой такой исторической фигурой колоссального размаха и гигантского роста, которая обладает этим свойством. Я говорю здесь о том, что никто из нас не знал человека, который был бы так доступен, был бы так близок, был бы так прост к каждому рабочему, к каждому крестьянину, к каждой работнице, к каждой крестьянке. У очень крупных людей есть своя гениальная простота и, мне кажется, что мы не можем назвать имени никакого другого человека, который бы отличался такой гениальной простотой, какой отличался тов. Ленин. В самом деле, в чем была его сила? в чем было то обаяние и та власть над умами, сердцами и душами, которую имел тов. Ленин? Она заключалась в том, что, как совершенно правильно здесь уже говорили, тов. Ленин умел не только говорить к массам, но умел слушать, что тов. Ленин был величайшим человеком, который имел тысячи проводов к каждому сердцу рабочего и крестья-

мина, к тем новым людям, которые только - только впервые начали подыматься на историческую арену. Мы знаем много великих людей, мы знаем, что громаднейшее большинство этих великих людей почти что не соприкасалось с теми классами, которые только впервые выходят на историческую арену. Все герои буржуазии, все герои феодальной истории в крестьянине, в низших классах видели только известный материал для своих эксплоататорских упражнений.

Тов. Ленин подошел к рабочему, подошел к крестьянину не сверху; он подошел как лучший товарищ, лучший друг, и не только по своему чувству, не только по своим настроениям, но и по методам своей работы. Нам всем нужно тысячу и тысячу раз учиться у Ленина тому особому подходу, которым он брал сердце рабочего и сердце крестьянина. Ни одного слова с выкрутасами, ни одного непонятного выражения, ни одной непонятной речи; всюду расчет на массу, всюду расчет на понимание захолустной деревушки, всюду величайшая чуткость к тем, которые еще только - только поднимаются, только - только делают первые шажки по ступеням общественной лестницы.

И вот эта величайшая доступность, это громаднейшее проникновение в сердца людей, эта необычайная интимная духовная близость к новым людям, к черной кости, которая теперь поднимает голову, вот эта интимная близость Владимира Ильича к массам, создала то, что Владимир Ильич был магом и чародеем, который владел умами и сердцами миллионов. И именно поэтому, когда противоречия капиталистического режима, война, голод, затяжные бои и озверение неизбежно произвели колоссальное общественное движение и когда стала подниматься могучая волна недовольства, идущего из низов, Владимир Ильич, как опытный рулевой, стал во главе этой громадной, всеразрушающей революционной стихии и повел ее так, как этого требовали интересы рабочего класса. Вот та могучая спайка между нашим вождем, громаднейшей фигурой, и между каждым отсталым рабочим и работницей,—вот тот великий союз, та великая смычка, которая шла через нашу партию, через рабочий класс, через его союз с крестьянством от самых низов, до самой громадной фигуры стоящей наверху. Эта непрерывная цепочка, была гарантией того, что мы с такой силой, с такой бешеной энергией, с таким волевым нажимом, добились того, что ставила своей задачей под руководством Владимира Ильича наша партия. Я не могу останавливаться на всех тех основных личных свойствах Владимира Ильича, которые делали его величайшим из ныне живущих людей. Всем известно,—об этом уже говорят даже наши противники, что он был удивительным и чудесным сочетанием громаднейшего ума,

колоссальной, бешеной энергии и воли, необычайной чуткости отзывчивости на все, что происходит в массах. Все это, вместе взятое, делало Владимира Ильича нашим несравненным вождем и нашим учителем.

Но, товарищи, я хотел здесь отметить еще одну черту. Владимир Ильич вступил в нашу страну, когда она еще была под властью либеральной буржуазии, эсеров и меньшевиков; это было время, когда он приехал в так называемом запломбированном вагоне на арену нашей борьбы, ненавидимый громадным количеством народа, живущего в нашей стране. Буржуазия травила его, как германского шпиона; матерые охранники, либеральные буржуа, подавляющее большинство нашей интеллигенции, очень многие из полукулацких крестьян и даже известная часть рабочих считала его или сумсбродом, или предателем. Владимир Ильич показал тогда, пожалуй, больше, чем когда бы то ни было, все свои качества революционного вождя. И когда теперь он сходит в могилу, когда мы уже слышали его последний мученический вздох, мы знаем: Владимир Ильич сумел завоевать себе такой авторитет, сумел завоевать себе такое влияние, которое распространяется далеко-далеко за пределы того государства, которое было сколочено железной рукой товарища Ленина.

Вы посмотрите на нашу страну! Рабочий класс могучей стеной стоит и охраняет эту великую могилу; крестьянство шлет со всех сторон нам своих ходоков; представители самой крупной русской научной мысли, академики старой академии, представители квалифицированной интеллигенции, которая когда-то, в дни октябрьской революции, не находила слов для того, чтобы заклеймить большевиков, они стоят сейчас, вместе с представителями рабочего класса, в почетном карауле при гробе Владимира Ильича. Даже живая церковь считает, что ей необходимо благословить отходящего Владимира Ильича.

Что все это означает? Это, товарищи, означает, что непоколебим тот гранит, на котором стоит советская власть. Непоколебим! Это означает, что у нас сейчас в нашей стране мы добились и достигли гражданского мира, когда все классы населения, все группировки, промежуточные и стоящие на флангах, идут и выполняют волю, признанную, как закон, волю российского рабочего класса. А это значит, что мы уже заложили прочнейший фундамент; это значит, что самое трудное время для нас позади; это значит, что гениальный мастер революционной тактики, Владимир Ильич, провел наш государственный корабль мимо всех опасных рифов и мелей; это значит, что основное дело сделано для нашей страны на девять десятых.

Товарищи, мне хотелось бы сказать еще несколько слов

о Владимире Ильиче, как о человеке. Когда-нибудь об этом напишут, по всей вероятности, целые тома. Но мы, кто знал Владимира Ильича ближе, мы можем сказать вам, что не только с точки зрения личного мужества, нечеловеческого хладнокровия, храбрости, преданности делу, того, что буржуазные пошляки называют революционным фанатизмом, но и с точки зрения глубочайшей человечности и товарищества Ленин был человеком несравненным. Об этом когда-нибудь мы расскажем другим путем. Еще не настало время, и мы не можем рассказывать очень многого из области этих чисто личных отношений. Но они рисуют нам фигуру Владимира Ильича, как некое замечательное, прекрасное целое, как некую великолепную музыкальную симфонию, где все части гармонично сочетаются одна с другой.

Это была прекраснейшая из жизней. Это был величайший человек. Это был крупнейший мозг, который весь целиком, от начала своей сознательной жизни до конца был отдан, растрачен в бешеной работе на пользу рабочего класса и на пользу международной революции.

Владимир Ильич учил нас в самые критические минуты—тверже, чем когда бы то ни было, стоять на ногах и распоряжаться нашим мозговым аппаратом с большим хладнокровием, чем обыкновенно.

И теперь, когда мы потеряли нашего любимого учителя, нашего дорогого друга, нашего величайшего вождя, мы, товарищи, должны найти в себе силу и мужество для того, чтобы больше, чем когда бы то ни было, приняться за горячую, за бешеную работу на тех постах, на которых мы стоим на службе революционных рабочих и революционных крестьян.

Владимир Ильич больше всего ненавидел всякое хныкание. И теперь, когда мы стоим у его могилы, которая еще открыта, мы все ясно чувствуем Владимира Ильича, который встает из гроба и дает нам свой последний приказ, свое последнее распоряжение:

«Держите наше знамя! идите вперед! пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Председатель. От германской Коммунистической Партии слово предоставляется тов. Кларе Цеткин.

К. Цеткин произносит речь на немецком языке.

Председатель. Тов. Луначарский имеет слово для перевода.

Луначарский. От имени коммунистической партии Германии, тов. Клара Цеткин сказала следующее: Ваша незаменимая утрата—есть наша утрата. Ваша незаменимая боль есть наша боль, ваша горячая и бесконечная благодарность

великому Ленину разделяется также и нами. Ваши священные клятвы являются и нашими клятвами—бороться и работать в том же направлении, беречь наследие Ленина и развивать его дальше. Ведь этому делу он отдавал кровь своего сердца день за днем, капля за каплей. Мы, германские коммунисты, и далеко за пределами нашей партии—также все рабочие Германии сохранили и ненависть к капиталу, и революционный дух, и в этом отношении с вами сливаемся целиком.

Ленина больше нет. Для коммунистической партии Германии он в течение последнего времени был сверкающей путеводной звездой. В течение долгого времени мы в Интернационале не сознавали всей яркости этого светила, и только, когда ночь стала наиболее глубокой и наиболее темной, тогда этот светоч засиял для всех. Он стал учителем для коммунистической партии Германии, и только он дал возможность Германской коммунистической партии взять верный путь среди бурь и волнений, ее встретивших.

Когда великие капиталистические державы бросили народы в бойню друг против друга, германская социал-демократия вместе с другими социалистическими партиями выказала самое позорное банкротство. Большинство социал-демократических вождей оказались прихвостнями буржуазного империализма, и только небольшая кучка социалистов в Германии оказалась на высоте интернационального сознания пролетариата. Многим казалось в то время, что вместе с ранеными, умирающими в хрипении на полях битв, с таким же хрипением испускает последний вздох и сам социализм. Так это длилось до тех пор, пока громче орудий империалистической войны раздался голос русской революции: «Я здесь, я существую». Великая русская революция представляла собой кристаллизацию массовой воли и целесообразного действия масс, но она смогла приобрести этот целесообразный характер только потому, что кристаллизовалась вокруг большевистской партии, самым твердым и самым зорким вождем которой был тов. Ленин. Он был стальной волей большевистской партии, а стало быть, и русской революции. Его имя стало пунктом, вокруг которого собрались сознательные рабочие не только всей России, в частности, и в особенности германская коммунистическая партия. Его имя вновь возродило веру в будущее среди миллионов борцов Германии и не только успех, который имела пролетарская диктатура в России, дал право Ленину на роль вождя для европейского пролетариата, но также и особенность его, как вождя.

Едва только ряды германской коммунистической партии, или вернее революционных борцов рабочего движения, соединились в спартаковский союз, как страшные удары посы-

пались на голову молодой партии. Ее ряды были разгромлены, Карл Либкнехт и Роза Люксембург пали. Утешением в этот тяжелый час было сознание того, что Ленин близко и что он поможет выйти из всех трудностей. Его глубокие, ясные, обоснованные убеждения, его широчайшие исторические социальные знания, его огромный революционный опыт—вот что внушало к нему такое доверие. Коммунистическая партия Германии еще не пережила целиком, еще не изжила потери Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Еще длились революционные бои, защищающие отступление рабочего класса, еще шла борьба за самую жизнь коммунистической партии, когда она оказалась потрясенной глубокими внутренними разногласиями. Вопросы парламентаризма, форм партийной организации, отношение к профессиональным союзам—все это готово было разорвать партию. К чему итти? К тому, чтобы сорганизоваться в революционную величайшую массовую партию, или застыть в пропагандистскую секту? Мартовские события вновь вызвали страстные споры и опять призрак раскола встал перед германской партией. Растет, или напротив падает возможность мировой революции? Коммунистическое наступление или полный отказ от него? На этот вопрос должны были ответить и германская партия и III Интернационал. В этом случае, непреходящей заслугой Ленина было то, что он дал правильный ответ на все эти вопросы. Он указал, что рабочая партия и партийная организация должны быть сохранены на первом плане. Но эта партийная деятельность должна быть усилена, поднята, расширена, слита с массами, партия должна сплотить себя и действовать, как руководитель масс. Он сумел для германской партии найти тот средний путь, который оказался для нее спасительным.

Ленин, замечательнейший и самый верный наш друг, наш величайший вождь, теперь покинул нас, и мы сознаем это с глубоким страданием. Каждый мозг, каждый нерв напрягается теперь, чтобы в какой-нибудь мере вознаградить понесенную утрату.

Мы твердо убеждены, что углубленное самосознание партии, размышление над ошибками и слабостями даст возможность ей наполниться новыми силами. Как был бы неоценим и теперь для нас острый и ясный взгляд Ленина! Мы не должны забывать сокровищ теории, сокровищ опыта, который он нам оставил в наследство. Мы должны преисполниться благородным честолюбием и дальше, двигаясь в духе Ленина, не уронить его дела. Германская партия готова развернуть до высшего напряжения революционную активность, как в недрах самой партии, так и в рабочих массах, устремляя их к завоеванию

власти. Она будет учиться при этом все вновь и вновь искусству непревзойденного мастера революции Ленина, она будет, как и он, с холодным разумом взвешивать все обстоятельства. Она перенесет тактику и методы Ленина на немецкую почву. Коммунистическая партия Германии склоняется перед Лениным, как великим мастером в области мысли, в области революционной теории, где блеск идеала так легко стирает границы явлений и заставляет взгляды блуждать в необ'ятном и терять из виду прочную землю. Она склоняется перед ним, как перед великим мастером революционного дела, который движется по твердой почве.

Из своих глубоко научных работ Ленин вынес непоколебимую веру в освобождение пролетариата, как дело рук самого пролетариата. У него, при громадном чувстве реальности, — проницательный взгляд, охватывавший все обстоятельства, а вместе с тем он органически соединял с этим высокий идеализм. Как настоящий гигант, высится он над разными реал-политическими карликами. Он показал нам не только то, как делают политику, но, что больше, как по-коммунистически делают историю. Ленин, при величайшем идеализме и верности конечной цели, в то же время был величайшим реальным политиком. Величайшим революционным вождем он мог быть только потому, что представлял собою огромную величину и, как человек,—имел чистое и бесконечно доброе сердце, которое выдержало целый ряд огненных испытаний. Никакие преследования не лишали его мужества, они только закаляли эту железную натуру. Никакие успехи не заставляли его возгордиться,— всякий успех только увеличивал чувство его ответственности перед рабочим делом. При всех обстоятельствах—хороших и дурных—он оставался равным себе. Он был велик в своей уверенности, с какой взвешивал все условия революционной победы, в железной последовательности своих мыслей и своих действий и, наконец, в бесконечной преданности своему делу, делу пролетариата, делу всех угнетенных и эксплоатируемых.

Он был велик также в своей простоте, в правдивости всего своего существа, в своей необычайной скромности. Он был велик своей любовью ко всем малым, своим глубоким, всегда готовым на помощь, сочувствием всякому страданию, своим внутренним единством с природой, с космосом. Благородная человечность Ленина была тем самым крепким корнем, который давал ему его несравненную революционную мощь.

Ленин умер, но осталась Коммунистическая Партия России, осталась рабочая и крестьянская Советская Россия, Со-

юза Советских Социалистических Республик и III Интернационал. Наша партия стремится к тому, чтобы создать германскую советскую республику, чтобы таким образом сомкнуть мост между революционным Востоком и революционным Западом, в дальнейшем будущем слитых между собой. Социалистические Советские Республики гармонично сольются: юношеский, полный сил, богатый будущим Восток со зрелым, утонченным в своей культуре Западом, и вместе они создадут неслыханный расцвет общечеловеческой культуры. Тогда действительно будет то, что Ленин в гениальнейшем пророческом прозрении предвидел и ради чего он работал. Во имя этой действительности продолжим нашу борьбу и нашу работу. Бесконечной преданностью ей, напряженной отдачей всех своих сил ей докажем, что мы достойны столь чистого, столь благородного, столь мудрого и столь мощного вождя.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Председатель. От всероссийского центрального совета профессиональных союзов слово имеет тов. Томский.

Томский. Товарищи, трудящиеся всего мира, независимо от национальностей, понесли тяжелую утрату в лице Владимира Ильича. Несомненно, будущее, ближайшее будущее, докажет и уже доказывает, что это был не только русский вождь. Несомненно, что в лице Владимира Ильича трудящиеся массы, независимо от национальностей, независимо от цвета кожи, потеряли вождя и руководителя. Но в то же время несомненно, что наиболее близким, наиболее родным Владимир Ильич был русскому рабочему классу. С русскими рабочими, сперва с маленькими кружками, а затем с все более и более растущей армией шел в бой тов. Ленин. Он вырастил из рядов рабочего класса сотни и тысячи своих сподвижников и верных учеников. С этим рабочим классом он завоевал власть, свергнув власть капиталистов. С ним он был намерен завоевать весь мир, освободить трудящиеся массы от гнета капитала. И, несомненно, что если наиболее тяжело и больно эту утрату переживает русский рабочий класс, то эту горечь целиком переживают и русские профсоюзы.

Когда мы говорим о Владимире Ильиче, что это был вождь, это понятие не вполне отражает то, чем был Владимир Ильич. Это был не только вождь, это был учитель, это был не вождь, который давал общее стратегическое направление, это был не только вождь, который управлял армией, указывал, куда ей итти. В трудные минуты, там, где была опасность, колебание, Владимир Ильич указывал каждому отдельному отряду его место, направление, действие. И, конечно, такому значительному отряду, какой представляют не се-

бя наши профсоюзы, Владимир Ильич не раз уделял свое внимание в целом ряде своих выступлений, речей, отдельных статей и т. д.

В наиболее трудные минуты для российского профдвижения Владимир Ильич давал нам вполне законченные заповеди. Одной из первых заповедей являлся завет—не отделять политику от экономики. Вторым заветом было—приносить в жертву интересам класса все личное, все групповое, все цеховое. Третий завет—не противопоставлять профессиональное экономическое движение политическому движению рабочих, осуществляемому авангардом рабочего класса — компартией. Он точно указал роль каждой организации в период героической борьбы рабочего класса за свое окончательное освобождение. Он указал роль партии, как авангарда рабочего класса. Он указал роль профсоюзов, как передаточного механизма от партии к широким непартийным рабочим массам. Он указал, что советская власть, являющаяся героическим выражением диктатуры трудящихся—не только рабочего класса, но и крестьянства, в то же время не может непосредственно жить, развиваться, перестраиваться, не опираясь на организацию рабочего класса. Он дал завет профсоюзам неустанно воспитывать и черпать новые и новые сотни тысяч рабочих на оздоровление, перестройку советского государственного аппарата. Он указал одну величайшую роль наших профсоюзов, как школы коммунизма. Он указал, что эта школа должна не только воспитывать рабочих в культурном отношении, не только воспитывать их в классовом отношении, в революционно-классовом духе, но что эта школа должна на опыте изо дня в день учить рабочих великому искусству строить и управлять своим государством. Он не ограничивался даванием общих лозунгов. Он давал методы осуществления каждого важнейшего лозунга. И все воспитательные методы, которые он нам завещал, отличаются тем, что эти методы основаны не на книжничестве, не на простой педагогике, а на своеобразно революционной педагогике — педагогике опыта.

Он не боялся ошибок. Он верил в массы, в их инстинкт, в их творчество; и когда указывали на опасности ошибок или на случившиеся ошибки, Владимир Ильич всегда на это спокойно отвечал: «Когда делается великое дело, когда миллионы рабочих обучаются новому делу—управлять государством, если эта ошибка пошла нам на пользу, то и это не плохо. Давайте извлечем из этой ошибки пользу, чтобы в будущем ее не повторять». Без ошибок, без опыта, без того, чтобы рабочим несколько раз не обжечься, Владимир Ильич не представлял науки. Возможность ошибок никогда не внушала ему ни тени малодушия. Этому он учил и нас.

Методы, которые завещал нам Владимир Ильич в нашей

работе профсоюзов, заключались в лозунге: «ближе к массам». Но мало сказать—«ближе к массам». Владимир Ильич требовал большего. Он и здесь указывал, как установить эту связь с массами. Он указывал, как подходить к рабочим, которых он горячо любил, о которых он заботился в самые тяжелые годы, ибо постоянной мыслью его было—как бы дать передохнуть рабочим в голодающих местностях, как бы их подкормить. Это было темой и постоянной беседой Владимира Ильича за этот период. Но он был чужд и нас предупреждал от того, чтобы мы не имели и тени фальшивой идеализации рабочих. Он знал, что русский рабочий, как он выражался,—по колено стоит еще в грязи прошлого капиталистического общества. Но лучше этого рабочего не было. Другого, отвлеченного рабочего, создать нельзя и немыслимо, и он учил его любить таким, как есть, и таким вел его на героическую борьбу. Он учитывал все это, считался с требованиями, вслушивался не только в классовое героическое движение рабочего, но и в его предрассудки, и в то же время ни на минуту не позволял плыть по течению.

Он учил нас воспитывать массы, считаясь с их культурным уровнем, считаясь с тем, что сразу, наскоком, налетом, методами, которые он всегда осмеивал, так массовая работа не делается. Он учил нас поднимать массу, давая ей простейшие, наиболее доступные для ее понимания и осуществления задачи, переводя от простых к более трудным, к более сложным задачам, ведя ее в культурном и экономическом отношении все выше и выше. Те слова, которые написаны его рукой в тезисах ЦК по профдвижению, давали нам завет—неукоснительно, изо дня в день, поднимать рабочую массу все выше и выше па ступеньки и в культурном, и в экономическом, и в классовом отношении. И сегодня, накануне похорон Владимира Ильича, я думаю, что выражу вполне чувство не только работника профессионального движения, но и всех организованных рабочих, если скажу, что все заветы Владимира Ильича, которые он нам дал в наиболее тяжелые для русских рабочих и их союзов минуты, мы свято и честно выполним. И партия, и союзы, и советская власть с двойной бдительностью будут следить за тем, за чем так строго наблюдал Владимир Ильич: чтобы не ослабли передаточные ремни от партии к беспартийным рабочим массам, от союзов к массам, от рабочих масс к крестьянству, чтобы не стучала ни одна шестерня передаточного механизма—от авангарда революции—коммунистической партии, через нее к профсоюзам, к рабочим массам и крестьянству. Мы более, чем до сих пор, с сугубым вниманием будем следить за этим и честно выполним заветы всем нам дорогого Ильича.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Председатель. От народов Туркестана слово имеет тов. Ша-Абдурасулев.

Ша-Абдурасулев. Товарищи, я мало владею русским языком. Но, как сумею, выражу от имени освобожденных народов Туркестана ту скорбь, то горе, которые охватили эти народы после смерти нашего великого вождя, Владимира Ильича. Все крайние уголки Туркестана горюют о смерти дорогого Ильича. Народы Туркестана изучили Ильича, очень хорошо понимают и ценят все, что дал для угнетенного Туркестана Владимир Ильич.

Когда Туркестан находился под гнетом царского правительства, народы его, трудящиеся Туркестана, не могли свободно дышать и свободно развиваться. Временное правительство, сменившее царское, ничем не отличалось от царского правительства. Когда Красный Октябрь, во главе с тов. Лениным, бросил свои лозунги и свои заветы: «Поднимайтесь, народы Востока! Боритесь за свое освобождение!»— народы Туркестана и трудящиеся в первое время не поверили им. Но когда эти заветы, эти лозунги стали проводиться в жизнь, трудящиеся Туркестана поняли, что такое Ленин и какая разница между европейцем-пролетарием и между европейцем-буржуа.

Теперь, когда в течение 6 лет, под руководством Ленина, мы проводим в Туркестане ту политику, те мероприятия, которые приобщают народы Туркестана к просвещению, к сознательности, к освобождению и к цивилизации, — теперь каждый дехкан, сидящий в отдаленном уголке Туркестана, знает имя товарища Ленина, знает и верит, что он—его вождь, его освободитель. И он любит его.

Когда мы уже не имеем тов. Ленина, народы Туркестана горюют и считают эту потерю великой потерей. Но мы должны сказать, что Ленин — наш дорогой вождь. За свое 6-летнее руководство он сумел посеять у нас, в Туркестане, семена своих идей, и мы насчитываем в Туркестане около 12.000 его учеников. Ленин живет в сердце каждого дехкана. Рабочие Туркестана никогда не забудут заветов дорогого вождя. Его заветы будут сохранены до конца и проведены в жизнь.

Мы помним, как тов. Ленин говорил, что освобождение Востока—наша первая задача. Этот завет мы помним и открыто говорим: хотя тов. Ленина среди нас сейчас уже нет, но его идея хранится у нас в сердце. Мы никогда не забудем его заветов и под руководством Коммунистической Партии, под руководством его партии, народы Востока приложат все усилия для освобождения Востока и для освобождения всего мира.

Дорогого товарища Ленина нет среди нас. Но мы его

помним. За его идеи мы не пожалеем последней капли крови.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Председатель. От завода «Красный Путиловец» слово имеет тов. Сергеев.

Сергеев. Товарищи, трудно очень описать светлую личность тов. Ленина. Невозможно, я бы сказал, так описать, как бы нам, рабочим, нужно было. Я думаю, я уверен, что ни одна кисть художника не может уловить тех черт дорогого лица, которые нам так близки и которые так глубоко запали в душу каждого из нас, каждого рабочего. Не найдется такого портрета, который бы мог изобразить всю гигантскую фигуру нашего дорогого Ильича. Нет таких рамок.

Товарищи нет такого угла, среди пролетарских масс во всем земном шаре, где бы в сердцах угнетенных не было образа этих родных милых черт, не было бы дорогой памяти, не было бы дорогих мыслей, не было бы дорогих светлых моментов его незабвенного учения. Нет. Нет той расы, которая бы не знала, которая бы не чтила его, как самого близкого, самого дорогого человека в мире, человека, который своей чуткой, отзывчивой душой мог понять все нужды угнетенных мировым капиталом. Нет такого медвежьего уголка нашей отечественной деревни, где бы крестьянин не знал и не уважал нашего вождя. Нет таких уголков. Каждый знает Ильича. Нужно все пережить самому, испытать, увидеть его, понять его. Только тогда можно почувствовать, какую громаднейшую невозвратную личность мы утеряли.

Я думаю, каждый из нас знает, когда во время шторма ночью корабль застигнут бурей, он ищет во мгле ночи призывных, предостерегающих огней пылающего маяка. Этим маяком среди бушующего моря, среди ночи, был, звездами горел наш дорогой вождь—Ленин. И не один корабль пришел к берегам III Интернационала по пути, освещенному этим маяком. Не один корабль еще идет в пути. И вот погас маяк! Но, товарищи, погас не совсем. Остались зажженные им лучи, которые также ярко светят во мгле ночи, освещая тот великий путь, по которому идут еще отсталые.

Помните, товарищи, любимое выражение нашего дорогого вождя. Он сравнивал с локомотивом катящееся с невероятной быстротой наше революционное движение. Да, товарищи, это самое верное, самое меткое сравнение. Не уследит мозг, не уследит мысль за теми гигантскими оборотами маховика истории, которые делает наш локомотив. Трудно. Но. ведь, по этому локомотиву был и машинист. Ни на минуту не закрывая регулятора, тонко, вдумчиво, осторожно, на самых крутых поворотах наш машинист благополучно проходил. Напряженная гигантская, титаническая работа,

однако, подорвала силы машиниста, и он остановил на момент, на одну, быть может, секунду, паровоз, но остановил с полным давлением котла пара; и в эту оставленную им будку вошел другой машинист—наша коллективная мысль—наследие нашего безвременно ушедшего вождя. И опять с полным регулятором наш паровоз—паровоз мировой революции—летит вперед.

Товарищи, горе будет тем, кто станет нас, идущих по рельсам Ильича, останавливать, — еще раз повторяю: горе и горе будет им. Мы дали классовую клятву: Ильич—пролетарий—крестьянин. Эта клятва была выполнена в 17 году, и она также действительна до окончания намеченного нами пути.

И вот, товарищи, скорбя по невозвратной потере, весь рабочий класс мира говорит: да, умер Ильич, но не умерла его мысль, он оставил богатое наследство и достойных наследников в лице Российской Коммунистической Партии, пропитанной до корня духом ленинизма. Да здравствует социальная революция во всем мире! Да здравствует Коммунистическая Партия, проникнутая корнями ленинизма.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Председательствующий. От беспартийных крестьян союзных республик слово имеет тов. Краюшкин.

Краюшкин. Товарищи, крестьяне и рабочие. Велика потеря для нас в настоящее время. Я старик, не могу выразить словами то, что переживаю в своей душе. Умер наш великий товарищ Владимир Ильич. Он не придет теперь в нужную минуту побеседовать, растолковать, направить на истинный путь, на тот путь, который ведет нас к этому светлому, великому будущему. Да, он умер, но он живет с нами. Я громко скажу, что он с нами живет в наших сердцах. Он положил основание крепкое, прочное, которое будет стоять сотни лет. Он с нами всегда, он из могилы будет нам диктовать, будет направлять нас на этот истинный путь, который выведет не только нас, Россию, но и тех, кто за рубежем живет, кого гнетут империалисты. Он освободит всех. Он основал здание свое не на песке, а на твердом фундаменте, и мы это здание будем строить, пока достроим и почувствуем себя на высоте своего достоинства, пока мы будем все равны и счастливы.

Товарищи, ах как велика эта потеря! Но что поделаешь, слезами не поможешь. Мы будем надеяться на наш крепкий и непреодолимый коллектив, которому заповедал свои слова тов. Ленин: коллективными силами мы все можем сделать. Это был учитель, учитель не только России, но всего мира. Это тот благоразумный отец, который позвал своих детей и передал ныне хозяйство в руки своих сыновей. Он со всей

России созвал своих сынов. Это тот отец, который сказал: «Дети мои, я умираю. Вася, принеси мне веник. Переломай его». Сын не мог переломать. А когда развязали, то по прутику легко было разломать. Он сказал: «Дети, я умираю, но помните, если будете тесно связаны между собой, никто вас не победит, никто вас не сломит, а если будете врозь итти, кто как хочет, да горячиться, тогда вы—ничто». Так и мы—мы веник, которого сломать нельзя. Этот веник, не только никто не сломит, но он выметет ту гниль, которая до сих пор еще воняет в каждой щели.

Будем же благоразумными, честными борцами. Я старик, но клянусь, что в критическую минуту, если потребуются силы наши, то мы, и отцы, и наши братья выступим в тот кровавый бой с капиталом, который нам еще предстоит. Тесно сплотившись с рабочими, мы победим. Итак, товарищи, в единстве есть наша победа. Вечная память нашему дорогому Ильичу, а нам—доброе здоровье.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Председательствующий. Слово имеет член центрального совета секции научных работников, академик Ольденбург.

Ольденбург. Товарищи, когда умирает обыкновенный человек, то небольшой круг близких и дорогих ему людей испытывает тяжелое чувство утраты, глубокую горечь понесенной потери, ибо чувствуется, что тот человек, который ушел,—ушел навсегда. Но когда умирает большой, великий человек, то весь широкий круг друзей, который любил и чтил его, также испытывает, конечно, тяжелое чувство страдания, горести, но их поддерживает другое чувство. Они сознают, что в сущности смерть могла у них отнять только часть, притом часть, может быть, даже наименее важную, ибо все великие мысли, все большие дела, которые он делал, все это останется, все это не подвластно смерти, и поскольку будут жить дальнейшие поколения, все это останется с ними. Когда мы теперь думаем о смерти Владимира Ильича, мы испытываем такое чувство. Мы знаем, что изумительное разнообразие его дел, его великие мысли распространены по всему миру, они с нами. Поэтому мы испытываем чувство силы, большой силы, мы понимаем, как велика та жизнь, которою жил такой великий человек.

Здесь говорили о разных сторонах деятельности Владимира Ильича. Я остановлюсь на одной из них, на той, которая мне ближе—на отношении Владимира Ильича к науке, к научной работе и к научным работникам. Наиболее яркое воспоминание в этом отношении относится к 1920 г., когда группа ученых академиков и профессоров, которая и до октябрьских дней, и во время октябрьских дней, и после

них, и в нынешнее время продолжала и продолжает работать, потому что уверена, что научная работа—это то самое важное, что может принести широким массам, ибо никакой новой жизни нельзя строить без науки, — пришла к Владимиру Ильичу и сказала ему о труднейшем положении науки. Он отнесся самым внимательным, самым тщательным образом к тому, что ему сказали. Он ответил, что он хорошо понимает, насколько государство обязано поддерживать науку, ибо наука важна и важна особенно теперь, при строении новой жизни, в которую мы все верим. И он сказал: надо поддержать и научных работников, положение которых чрезвычайно тяжело. Как человек действия, Владимир Ильич сейчас же обратился к телефону и выбрал человека, в активность которого он верил и которого он знал, как человека, подобного себе по энергии, — к товарищу Халатову, и указал, что необходимо сейчас же принять срочные меры. И эти меры были приняты, и мы знаем, что из скромного начинания, из этого телефонного разговора Владимира Ильича получились реальные последствия.

Но вместе с тем, он сказал, что ему представляется, что если велики обязанности государства по отношению к науке, то и велики обязанности науки по отношению к государству и к тем широким народным массам, которые строят в настоящее время жизнь. Он говорил, что «если наука в будущем должна дать то, во что вы верите, — обновление жизни, то необходимо, чтобы те широкие массы, которые теперь стоят близко к власти, которые теперь имеют возможность регулировать жизнь, чтобы они понимали значение науки. Вы должны сделать им доступным и понятным значение тех отвлеченных истин, которые отдельные люди понимают, но которых масса, которой раньше не представлялось возможности подойти близко к этой науке, пока еще не понимает». «Я, конечно, — говорил Владимир Ильич, — не хочу этим сказать, что должно было бы прекратиться и специальное исследование. Разумеется, нет. Я хорошо понимаю, что без него никакая техника не может иметь никакого успеха и не будет никакой науки». «Но, говорил он, надо, чтобы все-таки наука сознала, что в настоящее время есть задачи неотложные. К этим неотложным задачам я отношу, прежде всего, выяснение богатств нашей страны, естественных производительных сил и их надлежащее хозяйственное использование. Здесь мы без науки, конечно, ничего сделать не можем, и она должна понять, что это одна из ее первоочередных задач». И, конечно, Владимир Ильич был прав. Разумеется, техника не может существовать без чистой науки, но, с другой стороны, и чистой науке необходима эта техника,

потому что мы знаем, какое громадное значение она имеет в жизни.

Я возьму только два примера, совершенно ничтожных и неважных, но которые покажут, как в сущности техника, если бы ей было бы дано надлежащее направление, могла бы почти переродить нашу жизнь. Что такое кухонная плита? Она представляется нам чем-то ничтожным и маловажным. Конечно, все те, которые находятся здесь, имели дело с кухонной плитой и знают, что, если вместо дровяной топки мы могли бы иметь плиту, которая отапливалась бы газом или электричеством, то этим была бы произведена революция во всем домашнем быту и было бы новое раскрепощение, как женщин, так и мужчин. Скажем еще об автомобилях. Мы знаем, что автомобили делают в Америке. Если бы мы могли покрыть наши дороги автомобилями, если бы наша авиация могла достичь действительно широких размеров,— насколько иной стала бы наша жизнь. Но для того, чтобы все это стало возможным, необходимо, чтобы процветала чистая наука, без которой никакие серьезные успехи техники, конечно, невозможны.

Владимир Ильич все это хорошо понимал, ибо он действительно, великий человек, обладал свойствами гения. Прежде всего у него было изумительное чутье, та интуиция, которая позволяла ему зачастую угадывать то, что потом другим приходилось доказывать. Он обладал пониманием того,—какими путями надо итти для достижения чего-нибудь. Это тоже свойственно только гениальным людям. И третьим свойством обладал он — это пониманием того, что не надо замалчивать своих ошибок. Все мы знаем, как прямо и открыто Владимир Ильич сознавался, что сделал ту или другую ошибку. И тот, кто имеет мужество сознаваться в своих ошибках, тот может действительно итти вперед. Через всю нашу жизнь—и старых и молодых—прошел великий человек, и поэтому в сознании каждого из нас жизнь представилась и богаче, и ярче, и сильней, ибо та жизнь, которая создает таких великих людей, есть действительно сильная, могучая и прекрасная жизнь.

Но если, благодаря этому великому человеку, наша жизнь стала богаче, сильнее и ярче, то вместе с тем, это накладывает на нас и обязательства: мы, как и этот великий человек, должны в своей жизни, в своих достижениях и стремлениях делать все, что можем, не жалея себя. Мы теперь ведь знаем, что он погиб, пожертвовав собою. Он никогда не заботился о себе и только думал о работе. Этот великий пример для нас обязателен, и каждый из нас в своем маленьком деле, которым он занимается, должен также неуклонно жертвовать

всем. Я думаю, мы это сделаем. Это будет лучшая память, которую мы сохраним о Владимире Ильиче.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Председательствующий. Слово имеет т. Зверева, работница Трехгорной мануфактуры.

Зверева. Товарищи, по поручению рабочих и работниц Красной Пресни, приношу глубокую скорбь Всесоюзному С'езду, Центральному Исполнительному Комитету, Московскому Совету.

Узнав о смерти Владимира Ильича, каждый почувствовал великую скорбь у себя на сердце. Потеряли мы своего избранника, которого мы общим собранием избрали членом Моссовета. Владимир Ильич посещая нас, всегда обращался с ласковыми, добрыми, хорошими словами. И мы всегда ему доверялись, как своему учителю, вождю, освободителю рабочего класса. Он много сделал для нас, рабочих и работниц, сняв с нас цепи капитала, прочистил терновую дорогу. И мы, рабочие и работницы, идем по этому пути. Он оставил нам в наследство коммунистическую партию, которая будет продолжать его дело до победоносного конца. Она боролась, поднимая красное знамя за освобождение бедноты, и мы не выпустим этого знамени во веки веков.

Председатель. Слово имеет председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза т. Нариман Нариманов.

Нариманов. Товарищи, товарищ Ленин велик, могуч тем, что он собрал вокруг себя всех угнетенных мира. Его могучие слова, его заветы в особенности запали в сердца угнетенных Востока. Угнетенные Востока до завета тов. Ленина думали, что нет для них выхода, что судьбой суждено им быть угнетенными европейским капиталом. Но тов. Ленин сказал свое могучее слово, показал на примере, что угнетенные могут избавиться от опеки буржуазии, и угнетенные Востока поняли, что настало время подумать о своем освобождении. Они на деле увидели, что угнетенные окраин получили свободу, живут самостоятельно, развиваются, самоопределяются,—и это придало дух всем угнетенным других стран Востока.

Завтра перед свежей могилой нашего вождя все угнетенные Востока дадут клятву, что пойдут за заветами тов. Ленина. Все угнетенные Востока еще больше об'единятся для достижения своей заветной цели.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Председательствующий. Слово имеет тов. Смородин от Коммунистического Союза Молодежи.

Смородин. Товарищи, сегодня мы смотрим на пройденный путь и на эту работу, которую вел наш вождь Владимир

Ильич, не упуская из виду рабочую молодежь, и, обращался к ней, призывая на борьбу. Когда нужно было бросить силы рабочих, матросов и рабочую молодежь в Петроград, в октябрьскую революцию, Ильич постоянно писал: возьмите рабочую молодежь, поставьте ее на опасные участки революционного фронта, и она сумеет отстоять, защитить и завоевать дело рабочего класса. Мы в своей работе не раз сталкивались с т. Лениным, не раз получали от него советы, не раз учил он нас, как нужно ставить воспитательную работу среди рабоче-крестьянской молодежи. Сегодняшний день, когда нет с нами нашего учителя, вождя,—мы, рабоче-крестьянская молодежь, организованная в Российский Коммунистический Союз Молодежи, скорбим по погибшем вожде. И особенно потому, что мы, молодежь, не успели еще вкусить опыта и тех мыслей и того навыка, который Ильич передавал старой гвардии. Мы, молодежь, вступили под руководство Ильича только с 17 года. Как массовая организация, к борьбе за рабочее дело, к коммунистическому воспитанию приблизились сравнительно недавно. Но мы готовы пожертвовать своей жизнью за то великое дело, к которому вел рабочий класс Владимир Ильич. Пленум нашего ЦК постановил переименовать наш Союз в Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Постановив переименовать наш Союз, дать ему имя нашего вождя,—мы должны помнить, что, когда у него была делегация от нашего первого Всероссийского С'езда, он нам говорил: «не в названии дело, не в словах, а дело в том, что вы сделаете и как вы будете делать». И после в 20 году, на 3-м Всероссийском С'езде нашего Союза, Ильич пришел к нам на С'езд и читал доклад о воспитании молодежи. Он нам сказал, как нужно делать, как нужно это дело претворять в жизнь.

Он нас, комсомольцев, учил: коммунистом нельзя быть по книжке; коммунистом может быть только тот, кто все свое время посвятил общему делу — делу рабочего класса. Коммунистом может быть тот, кто теорию связывает с практикой. Коммунистом может быть тот, кто в повседневной, кропотливой работе несет общественные обязанности и строит общее государство. Вот слова Владимира Ильича.

Мы думаем, что теперь, когда нет с нами вождя, осталась его наследница, его партия, Российская Коммунистическая Партия, которую он создал. Мы думаем, что мы сумеем на деле доказать, что из наших рядов, под руководством закаленной, старой большевистской гвардии—старой, мудрой, закаленной в победах и боях Российской Коммунистической Партии, мы сумеем в нашей организации выковать, подготовить и закалить десятки и сотни тысяч рабоче-крестьянской молодежи,

ленинцев, которые станут на путь борьбы, вольются в коммунистическую партию, вместе с ней пойдут к грядущим битвам и в этих битвах будут на первых постах защищать великое дело, которое делал и обязывал делать Владимир Ильич.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Председатель. Слово имеет тов. Ворошилов от красной армии и красного флота.

Ворошилов. Товарищи, красная армия и красный флот, вместе со всеми трудящимися нашей страны, переживают острую боль утраты нашего дорогого вождя и учителя Владимира Ильича.

Товарищи, красная армия и красный флот в эту тяжелую минуту, в этот тяжелый момент истории рабочего класса, не забывают своих боевых обязанностей. Красная армия и красный флот не выполнили бы своей задачи, они бы не сделали той работы, которую возложила история на нашу партию, если бы они в этот тяжелый момент подчинились чувству и забыли свои обязанности.

Владимир Ильич Ленин учил нас не теряться, не падать духом в тяжелые моменты жизни. И красная армия это учение усвоила полностью и целиком. Мы смело можем сказать, что те великие завоевания, которые достигнуты рабочим классом России, что те великие задачи, которые стоят перед всей нашей страной, будут выполнены до конца, под охраной, под защитой наших передовых отрядов красной армии и красного флота.

Как ни тяжело сознавать, что мы сейчас остались без вождя, что мы потеряли величайшего стратега и руководителя мирового пролетариата в его борьбе, мы тем не менее должны твердо помнить, что наша задача состоит в том, чтобы те пути, те дороги, которые были указаны Владимиром Ильичем всему борющемуся международному пролетариату, были бы обеспечены для дальнейшего поступательного движения рабочих и крестьянских масс и всего человечества. Эти пути будут бдительно охраняться красной армией и в этот тяжкий для нас момент, утратив дорого Ильича, красная армия удесятерит свою бдительность. Она сделает все, чтобы завоевания рабочего класса были охранены, сделает все, от нее зависящее, чтобы дело Владимира Ильича было доведено до конца.

Товарищи, не мало врагов у рабочего класса. Не мало тех, кто в этот для нас тяжелый момент лелеет надежду на то, что внутри нашей партии, внутри нашей страны с потерей вождя начнутся колебания, неуверенность, начнется распад. Эти наши враги думают, что без вождя мы не сможем итти по намеченному вождем пути. Товарищи, надежды этих недоброжелателей рабочего класса будут разбиты о железную

действительность. Наша партия унаследовала от Ильича его мощный дух, его великое учение, его железную волю; наша страна под руководством коммунистической партии, созданной гением Владимира Ильича, пойдет по пути завоевания лучшего будущего для всего мирового пролетариата. Да об'единится весь мировой пролетариат сейчас в одно великое целое! Пусть он знает, что красная армия, красный флот, созданные нашей партией под руководством великого Ильича будут стоять на страже его интересов и его завоеваний.

Председатель. Товарищи, сейчас хор исполнит любимую революционную песню Владимира Ильича: «Замучен в тяжелой неволе...»

(Хор исполняет песню).

Председатель. Слово имеет т. Каменев.

Каменев. Товарищи! Сказаны все слова, и ясно, что нет тех слов, которые были бы достаточны для того, чтобы характеризовать то великое и в величии своем простое дело, которое жизнью своей сделал ушедший от нас вождь. Там, в глухой провинции отсталой крепостнической России, меньше, чем через 10-летие после того, как Россия перестала быть страною «крепостных мужиков», родился в семье учителя человек, который пошел на завоевание мира и который мир завоевал. Чем он был вооружен? Чем боролся он в мире насилия и зла? Что мог он противопоставить господствующему строю?

У него было пламенное сердце, но история человечества знает большое количество мечтателей, которые, однако, не смогли побороть ни одной капли человеческого зла. У него была железная воля, но человечество знает людей, результатом железной воли которых было только усугубление количества зла, только войны и гнет над миллионами.

Но кроме пламенного сердца, кроме души великого мятежника против всякого насилия, кроме железной несгибаемой воли, наш вождь был вооружен идеей, идеей освобождения трудящихся масс, идеей, которая не знает границ, которая охватывает весь мир, которая соединяет людей в братскую семью и в стальную когорту борцов. И этой идеей, ею одной он, казалось бы, бессильный и слабый, этой идеей он потряс мир, он ниспровергнул самую обширную монархию мира, он заставил дрожать самые крепкие престолы, он заставил к этой идее примкнуть миллионы людей, которые считали, что они обречены, что у них нет выхода. Этой идеей он связан с массами, он воплотил то, о чем говорил Маркс, он сделал то, что идея, великая идея освобождения пролетариата, стала идеей широчайших масс и тем самым стала величайшей силой. Мы знаем, как все враги рабочего класса видели ту силу, которая воплотилась во Владимире Ильиче.

Его преследовали царские ищейки, республиканская полиция Керенского охотилась за ним. Люди, которые называли себя социалистами-революционерами, готовили для него пулю.

Ильич связал себя с рабочей массой не только идеей. Нет! Здесь, у нас, в Москве, по улицам ее, от Серпуховки и до дверей его кабинета, идет кровавый след, след его живой крови, и эта кровь, живая кровь, связывающая его кабинет с рабочей Москвой, с рабочими окраинами, она вошла в то море крови, которым оплачивает рабочий класс свое освобождение.

Но не только кровь свою влил Владимир Ильич в это море крови, которого как искупительной жертвы требует капиталистический мир от борющегося пролетариата. Он отдал этой связи свой мозг. Врачи, которые достали из мертвого тела Владимира Ильича пулю, которая в последние годы оставалась там, как свидетель ненависти всех эксплоататоров к нашему вождю, эти врачи раскрыли и его мозг, этот удивительный, поразительный мозг, мощность которого не знает себе равного. И они сказали нам, сухими словами протокола, что этот мозг слишком много работал, что наш вождь погиб потому, что не только кровь свою отдал по каплям, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии, разбросал семена его, как крупицы, по всем концам мира, чтобы эти капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами, дивизиями, армиями, борющегося за свое освобождение человечества.

Он работал всегда во имя этой идеи. Но не всегда, товарищи, ему, прирожденному вождю миллионов, человеку, который рожден был для того, чтобы быть полководцем пролетарской и крестьянской армии, не всегда было ему дано счастье говорить с тысячами и даже с сотнями. Годы, долгие годы, большее число лет, чем то, которое он имел возможность непосредственно общаться с рабочими массами, он провел в изгнании и в эмиграции. Он должен был в эти долгие годы затрачивать свой мозг, не для того чтобы руководить миллионами, а в группах в 20—30 человек, подготовляя будущих вождей пролетарской армии, и он делал это дело в парижских рабочих предместьях, в женевском изгнании, обучая мелкие группы изгнанников с такой же страстью, с такой же верой, как тогда, когда его с глубоким вниманием слушали миллионы людей.

Он никогда не боялся остаться один, и мы знаем великие поворотные моменты в истории человечества, когда этот вождь, призванный руководить человеческими массами, был одинок, когда вокруг него не было не только армий, но и группы единомышленников. В момент, когда он начал орга-

низовывать нашу коммунистическую партию. он был один против всяких авторитетов. В момент, когда разразилась война, он остался один против всех соединенных авторитетов социалистов. Что давало ему силу в такие моменты? Он был один, но он верил, он жил великим доверием к массам. Единственно, что не оставляло его никогда,—это вера в творчество подлинных народных масс. Я не знаю слова, которое реже попадалось бы в сочинениях и в речах Владимира Ильича, чем слово «я». Он был вождем, он был полководцем. он принимал решения, которых ждали с напряженным вниманием не только низы человечества, но и «господа» человечества. Он знал, какое значение имеет его слово, и он никогда не говорил: «я решаю», «я хочу», «я думаю»; он говорил: масса хочет, масса решает, партия хочет, партия решает. Он был рупором подлинных масс, подлинных низов человечества, был их вождем, был рупором нашей партии. Он формулировал то, что росло бессознательно в сердцах и умах угнетенного пролетариата.

Он говорил не раз: я знаю несовершенство наших декретов, я знаю несовершенство нашего законодательства, но это—преходяще, преходящи наши законы, преходящи наши организации, мы будем ошибаться, мы будем переделывать, но непреходящим, непреложным, единственным камнем будущего является творчество самих масс, «черной кости», «простонародья». Около 20 лет тому назад, в момент, когда впервые рабочий класс и крестьянство России, задавленное и угнетенное, скинуло психологию рабов, которая прививается человечеству современным строем, которая пропитывает и отравляют поры человека, Ленин писал:

«Либералы и оппортунисты кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо кромсания законопроектов всякими канцелярскими чинушами и либеральными писаками наступает период непосредственной политической деятельности «простонародья», которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого человеческого дела, для исторического творчества».

К этому творчеству вел пролетариат и крестьянство Владимир Ильич, ему раскрывал он все возможности, ради него шел войной против всего мира, ради него оставался один, когда это было надо. И на этой почве он создал невиданное движение, открыл во всемирной истории новую эпоху человечества.

Мы, коммунисты, не привыкли ни перед чем склонять своих голов. Сейчас мы склоняем головы свои перед могилой вождя... Не верится, что нет его.

Да, он среди нас, он живет,—живет в партии, живет в рабочем классе, живет в крестьянстве, живет во всем мире, и весь мир стоит сейчас с обнаженной головой у могилы вождя борющегося и освобожденного человечества, и вместе с нами шлет проклятья той проклятой судьбе, которая отняла у нас и у мира великого вождя.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Калинин. Слово для предложения имеет тов. Рыков.

Рыков. Товарищи, первое заседание 2-го С'езда Советов совпало со смертью Владимира Ильича. Президиум Центрального Исполнительного Комитета вносит на утверждение С'езда Советов первые предложения, связанные с жизнью и смертью нашего учителя и вождя. Президиум ЦИК'а предлагает прежде всего вынести следующее постановление—о выпуске сочинений В. И. Ленина:

«Лучшим памятником Владимиру Ильичу Ленину будет широкое массовое распространение его сочинений, которое сделает идеи коммунизма достоянием всех трудящихся. 2-й С'езд Советов поручает институту Ленина принять самые срочные меры к выпуску доступных народу избранных сочинений В. И. Ленина в миллионах экземпляров на различных языках, в особенности на восточных, с тем, чтобы в первую очередь были изданы те сочинения, которые имеют особенно важное значение для широких слоев рабочих и крестьян. Вместе с тем, институту Ленина поручается также срочно выпустить полное собрание сочинений тов. Ленина в строго научном духе».

Второе предложение, которое вносит президиум ЦИК'а, касается памятников тов. Ленину:

«Имя председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Совета Народных Комиссаров РСФСР, Владимира Ильича Ульянова (Ленина) неразрывно связано с героической борьбой трудящихся за установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах.

Имя первого председателя рабоче-крестьянского правительства будет всегда жить в умах и сердцах как его современников, так и в грядущих поколениях. Под непосредственным руководством Владимира Ильича рабочие и крестьяне положили в революционные дни октября начало всех дальнейших завоеваний трудящихся. Образ великого вождя должен быть увековечен для всех грядущих поколений и служить постоянным напоминанием и призывом к борьбе и окончательной победе коммунизма.

В этих целях С'езд Советов Союза ССР постановляет:

1) Соорудить от имени Союза Советских Социалистических Республик в столице Союза ССР и РСФСР, в гор. Москве, а также в столицах других союзных республик—Харькове, Тифлисе, Минске и в городах: Ленинграде и Ташкенте—памятники В. И. Ленину.

2) Поручить ЦИК'у Союза ССР и его Президиуму разработать и утвердить соответствующие проекты памятников: установить сроки их сооружения в отдельных городах и отпустить необходимые средства».

Третье постановление касается детей, которых так любил Владимир Ильич и с которыми он лучше всего отдыхал в короткие свободные от работ минуты.

Президиум ЦИК Союза предлагает С'езду Советов Союза создать при ЦИК'е Союза специальный фонд имени В. И. Ленина для организации помощи беспризорным детям. Постановление это следующее:

«2-й С'езд Советов Союза ССР постановляет создать при ЦИК'е Союза ССР специальный фонд имени В. И. Ленина для организации помощи беспризорным детям, в особенности жертвам гражданской войны и голода.

С этой целью поручить ЦИК'у Союза ССР определить размер фонда, форму помощи и систему мероприятий по осуществлению указаний помощи».

Четвертое постановление касается дня смерти Владимира Ильича. Вы знаете, что С'езд Советов РСФСР 22 января 1924 года постановил об'явить 21-ое января днем траура. Мы предлагаем С'езду Союза подтвердить это решение и распространить его на всю территорию Союза.

Последнее предложение касается вопроса о том, где хоронить тов. Ленина. Я вношу на утверждение С'езда постановление Президиума ЦИК Союза, которое гласит следующее:

«Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями к ЦИК Союза ССР, и в целях предоставления всем желающим, которые не успеют прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем, Президиум Центрального Исполнительного Комитет Союза ССР постановляет:

1. Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения.

2. Склеп соорудить у Кремлевской стены, на Красной площади, среди братских могил борцов октябрьской революции».

Товарищи, я думаю, что я и все мы чувствуем, что нет таких материальных памятников, такого мрамора, такого

камни, которые были бы достойны жизни и смерти Владимира Ильича.

Единственный настоящий памятник, который можно воздвигнуть тов. Ленину, будет заключаться в полной победе его идей, идей освобождения трудящихся всего мира на всем земном шаре. Мы — его современники, его ученики, его последователи, мы можем увековечить память Владимира Ильича не тем, что воздвигнем склеп, отольем бюсты и построим памятники. Мы с вами имеем возможность почтить тов. Ленина так, как он этого заслуживает. Наш памятник должен заключаться в том, чтоб мы все свои силы посвятили борьбе за освобождение трудящихся. Если все силы своей души, все наши мысли, все наши знания, всю упругость наших мышц мы посвятим борьбе за осуществление идеалов Владимира Ильича, это будет настоящий памятник, который обязаны построить его современники и его ученики. Мы построим памятник Владимиру Ильичу в том случае, если в душе каждого из нас сохранится до гроба та любовь ко всем трудящимся, ко всем угнетенным и та горячая ненависть ко всякой эксплоатации, которой горел Владимир Ильич на протяжении всей своей жизни. Это будет лучшим памятником жизни, борьбе и учению нашего учителя и нашего вождя.

(Оркестр исполняет похоронный марш).

Петровский (председательствующий). Товарищи, Президиум полагает, что С'езд примет все те предложения, которые должны увековечить среди трудящихся масс великую память о нем. Я слышу возгласы одобрения, которые позволяют считать эти предложения принятыми. Слово для предложения имеет тов. Калинин.

Калинин. По поручению ЦИК Союза ССР и Петроградского исполкома, я оглашу проект постановления 2-го С'езда Союза ССР о переименовании города Петрограда в Ленинград:

«Красный Петроград — колыбель пролетарской революции. Заслуги петроградских рабочих перед нашим Союзом Советских Социалистических Республик неизмеримо велики. Великие события октября 1917 года, решившие судьбу нашей страны, произошли именно в Петрограде. Десятки и сотни тысяч петроградских рабочих первые пошли за товарищем Лениным в огонь и составили первые железные отряды той армии, с которой Владимир Ильич Ленин победил буржуазию. В Петрограде великая пролетарская революция одержала первую, решающую победу. Здесь создавались первые отряды пролетарской красной гвардии, и здесь заложена была основа красной армии. Ни голод, ни холод, ни

блокада, ни десятки других бедствий не сломили духа пролетарского Петрограда. Как неприступная скала, высился все эти годы Красный Петроград, оставшийся поныне первой цитаделью советской власти. Отсюда, по зову товарища Ленина, вышли десятки рабочих—строителей новой России, вернейших проводников идей В. И. Ленина. Расцвет революционной деятельности В. И. Ленина начался в Петрограде. В этом городе было создано первое рабоче-крестьянское правительство в мире.

Ввиду всего этого, 2-й С'езд Союза ССР считает вполне справедливым удовлетворить просьбу Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, поддержанную резолюциями рабочих всех фабрик и заводов Петрограда, о переименовании города Петрограда в Ленинград.

Пусть отныне этот крупнейший центр пролетарской революции навсегда будет связан с именем величайшего из вождей пролетариата Владимира Ильича Ленина».

Товарищи, я позволю себе сказать два слова по поводу этого предложения. Вся революционная деятельность Владимира Ильича, его наиболее дерзкие революционные мысли, находили всегда, за все 25 лет руководства Владимиром Ильичем партией, отклик среди петроградских рабочих. Можно смело сказать, что за эти 25 лет Петроград был цитаделью сначала левого крыла с.-д. партии—партии большевиков, а затем и коммунистической партии. И сейчас с товарищем Лениным у нас отходит лучшая революционная полоса нашей деятельности. Умер Ленин, но не умер ленинизм. И, товарищи, мне кажется—лучшим продолжателем и хранителем этого ленинизма у нас в России был, есть и, я думаю, будет прежде всего петроградский пролетариат. Вот почему предложение петроградского пролетариата должно найти живой отклик и среди делегатов С'езда.

Председательствующий. Товарищи, Президиум также полагает, что С'езд не откажет в утверждении этого предложения, переименовать столицу революции в Ленинград. **(Голоса с мест:** Просим, просим!) Я слышу одобрения, позвольте считать это предложение принятым. Слово для предложения имеет тов. Бухарин.

Бухарин. От имени Президиума я предлагаю С'езду принять следующий текст обращения «К трудящемуся человечеству».

«Мы хороним Ленина. Всемирный гений рабочей революции отлетел от нас. Великан мысли, воли, дела умер. Сотни миллионов рабочих, крестьян, колониальных рабов, оплакивают смерть могучего вождя. Трудящиеся России, которых

он сплотил, повел в победный бой, провел через все опасности своей мудрой, железной, властной рукой, сотнями тысяч толпятся у его смертного ложа. Со всех концов мира летят волны печали, траура и гнева. Враги, против которых вел бешеную борьбу пламенный революционер, невольно склоняют свои знамена. Все поняли, что закатилась яркая звезда человечества. Из гроба своего Ленин встал перед миром во весь свой гигантский рост.

На рубеже новой эпохи в веках будет стоять эта громадная фигура. Ибо Ленин был и будет, даже после своей физической смерти, вождем нового человечества, глашатаем, пророком, творцом нового мира.

Из столетий в столетия тянется череда мучительных попыток освобождения от гнета, рабства и насилия. Но впервые во всемирной истории угнетенные классы вышли на арену борьбы и победили. Впервые они укрепили свою победу стальной броней пролетарской диктатуры. Впервые городской пролетарий, крестьянин-бедняк, забитый раб бывших царских колоний почувствовали себя хозяевами новой жизни, устроителями своей исторической судьбы. Впервые в человеческой истории трудящиеся массы увидели свою собственную силу: да, они могут победить! Да, они могут построить и они построят царство труда, о котором мечтали лучшие, самые светлые головы человечества!

Отцом этого человечества уже давно назвали Ленина порабощенные народы Азии. Своим любимейшим и мудрейшим вождем считает Ленина революционный пролетариат Европы и Америки, великих цивилизованных континентов нашего времени. И в этой невиданной, всемирно-исторической связи, в этом мировом союзе всех угнетенных, всех порабощенных, всех трудящихся лежит залог победы над капиталом, этой дьявольской помехой общественного развития.

Неукротимым вулканом революционной энергии был Ленин, за которым бушевало целое море подземной революционной лавы. Но, впитав в себя все лучшее, что давала старая культура, имея в своих руках великолепное орудие марксистской теории, он, человек грозы и бури, вводил мощную, всесокрушающую стихию масс в гранитные берега революционной целесообразности и разума. Его способность к предвидению была колоссальна. Его умение организовывать массы была изумительна. Он был самым великим из полководцев всех стран, всех времен и всех народов. Он был полководцем нового человечества, освобождающего мир.

Ленин умер. Но Ленин жив в миллионах сердец. Он живет в могучем прибое человеческих масс. Он живет в великом союзе рабочих и крестьян, пролетариев и угнетенных наций.

Он живет в коллективном разуме коммунистических партий. Он живет и рабочей диктатуре, которая грозной твердыней стоит на границах Европы и Азии.

Умирает старый мир. Распластанной, изуродованной, искалеченной лежит древняя Европа, мать капиталистической цивилизации. Веками работал европейский капитал, создавая руками рабочих чудеса техники, рыскал по всему свету, порабощая миллионы, наступал своей железной пятой на оба полушария земли. Веками укреплял он на земле царство жадности и наживы, крови, грязи и порабощения. Но, запутавшись в своих собственных сетях, обратив свою технику и науку в средства чудовищного самоистребления, он дал первую гигантскую трещину в мировой войне. Расшаталась, закачалась, готова уже рухнуть дьявольская машина капитала. Ко дну тянет капитал всю Европу и весь мир. И только одна сила, великая, освобождающая, победоносная, может спасти его: это сила трудовых масс, это энергия и воля рабочего класса, ведущего и сплачивающего сотни миллионов.

Вождем этих основных масс человечества и был тов. Ленин. Он имел все ключи к душам самой отсталой части рабочих и крестьян. Проникая в самую сердцевину человеческих пластов, он будил их самосознание, их классовый инстинкт, он выводил на дорогу самых забитых, самых угнетенных. Перед лицом сильных мира сего он бросил в подымающиеся массы простой и безумно-смелый лозунг: «Вся власть советам!». И это чудо стало совершаться. Растет и крепнет союз наших государств. Для новой жизни подымаются из самых глубоких низин новые люди, простые рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки. Они все больше, все чаще, все решительнее берутся за рычажки государственной власти и шаг за шагом сменяют старое, дряхлое, негодное. После кровавых боев подымается на ноги наша страна, и растет царство труда, царство рабочих и крестьян.

Мы потеряли в Ленине главного капитана нашего корабля. Эта потеря незаменима. Ибо во всем мире не было такой светлой головы, такого громадного опыта, такой непреклонной воли, какие были у Ленина. Но мы бесстрашно смотрим в грядущее. Рукой мастера провел тов. Ленин наше государство сквозь строй самых крупных опасностей. Дело прочно поставлено на правильный путь. Сотни тысяч учеников Владимира Ильича крепко держат великое знамя. Миллионы сплачиваются вокруг них. И даже самой физической смертью своей отдает Ленин свой последний приказ: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Товарищи и братья! Выше вздымайте наши красные знамена! Не знайте колебаний в нашей великой освободительной борьбе! Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

(Оркестр исполняет Интернационал. Все присутствующие стоя поют Интернационал).

Председатель. Разрешите, от имени Президиума, воззвание к народам мира считать принятым.

Голоса. Просим.

Председатель. Заседание С'езда об'являю закрытым.

Заседание второе.

Вечернее, 30 января 1924 года.

Калинин (председатель). Заседание об'являю открытым.

Товарищи, на первом заседании мы не конструировали исполнительных органов С'езда. Теперь приступаем к их конструированию. Нам требуется избрать Президиум. Имеются ли по этому поводу предложения? Слово имеет тов. Енукидзе.

Енукидзе. Товарищи, от имени фракции Российской Коммунистической Партии и собрания беспартийных делегатов 2-го С'езда Советов предлагается Президиум из 65 человек.

Калинин. Есть желающие высказаться о количестве членов Президиума? Нет. Разрешите голосовать. Кто за утверждение 65 человек членов Президиума? Кто против? Нет. Принято. Слово имеет т. Енукидзе для оглашения состава Президиума.

Енукидзе. Состав Президиума следующий:

Айтаков, Антов, Андреев, Амбарцумян, Буденный, Бухарин, Баташиренов, Беликов, Богуцкий, Ворошилов, Васеев, Володько, Гринько, Дзержинский, Евдокимов, Енукидзе, Элиава, Зиновьев, Ибрагимова, Киселев, А., Калинин, М. И., Каменев, Л. Б., Коркмасов, Крупская, Н. К., Куйбышев, Каротышев, Кононов, Кучеренков, Киров, Лашевич, Лукашин, Менщиков, Молотов, Мухтаров, Мухтанов, Митяй, Моцкобили, Мусатбеков, Мясникьян, Николаева, Кл., Нариманов, Орджоникидзе, Орахелашвили, Петровский, Рогов, Рудзутак, Рыков, Радченко, Саид-Галиев, Смирнов, А. П., Сталин, Сулимов, Сологубов, Скрыпник, Томский, Троцкий, Л. Д., Ткаченко, Фиока, Фрунзе, Цюрупа, Чубарь, Червяков, Шитов, Шабельников, Шумский.

Председатель. Есть желающие высказаться по вопросу о составе Президиума? Таковых нет. Разрешите голосовать. Кто за утверждение этого состава Президиума, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Таковых нет. Принимается.

Приступаем к выбору мандатной комиссии. Слово для предложения имеет тов. Енукидзе.

Енукидзе. Мандатная комиссия предлагается в количестве 12 человек:

Каганович—председатель; члены: Бакаев, Квиринг, Кон, Кушнаев, Мамулия, Махмутов, Сейфулин, Тер-Габриелян, Толмачев, Ходош и Федотов,

Председатель. Есть желающие высказаться по вопросу о составе мандатной комиссии? Нет. Разрешите считать состав мандатной комиссии принятым. Членов Президиума прошу занять места.

Теперь—регламент С'езда. Регламент всем роздан [1]). Есть ли желающие высказаться по регламенту? Нет. Голосую. Кто за утверждение регламента, прошу поднять руки? Прошу опустить. Кто против? Таковых нет. Регламент утверждается.

Теперь переходим к утверждению порядка дня. Порядок дня роздан [2]). Есть желающие высказаться по вопросу о порядке дня? Слово имеет тов. Фрунзе.

Фрунзе. Товарищи, на собрании представителей делегаций обсуждался вопрос относительно пункта—об организации промышленности. На собрании выяснилось, что значительная часть вопросов, по крайней мере,—самых основных, которые предполагалось осветить в этом докладе, будут затронуты в докладе по отчету правительства. С другой стороны, выяснилось, что тов. Рыков, который должен был сделать этот доклад, в настоящее время, по состоянию своего здоровья, этого доклада сделать не может. Поэтому на собрании старейшин было принято предложение — признать возможным снять вообще этот доклад с порядка дня. От имени совещания старейшин я предлагаю это предложение принять.

Председатель. Внесено предложение о том, чтобы третий пункт порядка дня — «положение и организация промышленности» снять. Есть желающие высказаться по этому предложению? Нет. Разрешите проголосовать. Кто за предложение тов. Фрунзе, тех прошу поднять руки, Кто против? Таковых нет. Итак, пункт 3-й из порядка дня исключается.

Есть еще какие - нибудь предложения по вопросу о порядке дня? Других предложений нет. Разрешите порядок дня с теми изменениями, которые приняты, поставить на баллотировку. Кто за утверждение этого порядка дня, прошу поднять руки? Прошу опустить. Кто против? Таковых нет. Порядок дня утвержден.

Приступаем к обсуждению первого пункта порядка дня. Слово для доклада имеет тов. Каменев.

Каменев. Товарищи, рабоче-крестьянское правительство с особым чувством ответственности выступает сегодня перед вами с докладом о своей деятельности и с перспективами дальнейшего решения стоящих на очереди задач.

Тот, кто учил нас государственному строительству, не может встать, чтобы проверить нашу работу, чтобы указать на наши ошибки. Коллективный разум ваш, строителей нового социалистического общества, нового пролетарского государства, должен заменить этот великий мозг. Вот почему, представляя вам свой отчет и свои предположения, мы расчитываем на самую строгую критику, на проверку всего того, что сделано, на точные директивы коллективного разума пролетариев и крестьян для того, чтобы не сбиваться в дальнейшем пути.

Центр моего доклада будет посвящен нашим внутренним делам. Но раньше, чем перейти к ним, я должен буду остановить ваше внима-

---

[1]) См. приложение 1.
[2]) См. приложение 2.

ние на той международной обстановке, в которой приходится нам работать, на тех условиях, в которых протекает наша работа.

Характернейшей чертой международной обстановки настоящего момента надо признать совершенно явно выявившееся крушение всех основных сил, которые создавали Версальский мир и которые пытались нормы Версальского мира навязать всему человечеству, как гарантию мира, свободы и материального благосостояния. Нет, вероятно, сейчас в мире ни одного человека, вряд ли найдется хотя бы один и из создателей этих Версальских норм, который осмелился бы утверждать, что мир, заключенный в Версале, был действительно миром, создавшим мало-мальски прочные основы для развития европейского и азиатского человечества.

Нескольких лет было достаточно для того, чтобы целиком оправдались наши предсказания. Мы говорили, что Версальский мир есть продолжение войны и что на этом основании ни свобода, ни мир, ни развитие экономического благосостояния, ни развитие мирового хозяйства не могут существовать.

В чем действительно заключалась основная идея этих Версальских норм? В том, что на почве этого договора создавалась круговая порука победителей для эксплоатации побежденных. С двух точек зрения эта концепция потерпела полное крушение. Оказалось, что можно разбить хозяйство побежденных стран, что можно превратить великое хозяйство всего немецкого народа в черепки, можно противодействовать дальнейшему развитию в хозяйственном отношении средней и восточной Европы, но что на этих развалинах, прежде хозяйственно мощных, технически развитых стран—нельзя создать мирового хозяйства.

Германия лежит, действительно, в черепках, но, вместе с тем, она тянет за собой к разрушению всю капиталистическую цивилизацию Европы. С другой стороны, та круговая порука, которая была создана для продолжения иными средствами той же политики—эксплоатации побежденных и слабых, эта круговая порука не выдержала испытания времени. Всего несколько лет протекло с тех пор, как мы слышали слова о нераздельной дружбе, о неразделимом единстве победителей. Что же мы видим сейчас?

В Англии—крушение того национального консервативно-либерального блока, который был одной из основных сил Версальского мира. Во Франции,—несомненно, сумерки той империалистской и милитаристской политики, которая пришла на другой день после победы. Полное разделение интересов между Англией и Францией и ожесточенная, чуть-чуть прикрытая, борьба между ними. Нет ныне, вероятно, ни одного вопроса, по которому Франция и Англия не испытывали бы взаимной ненависти, в которых они руководствовались бы мало-мальски согласованными интересами.

И, наконец, Италия. Она явно вышла из этой круговой поруки, явно не может итти по одной дороге с Францией, так как имеет интересы и в Средиземном море и в Африке, отличные от интересов французского капитала. Она пытается построить свою собственную самостоятельную национальную политику. При наличии разделения и борьбы между господствовавшими государствами, система мелких государств

созданных этими же самыми крупными государствами, явно испытывает сильнейшее потрясение. Эти мелкие государства мечутся, ищут выхода, конвульсивно ищут такого хозяина, на которого они могли бы сделать твердую ставку. Мы видим полный хаос политических отношений, полное разложение мирового хозяйства, полное столкновение борющихся сил. И нет в мире человека, который сказал бы, что на этих путях капиталистической конкуренции и империалистского развития можно предотвратить новые столкновения, новые империалистические войны.

Эта картина, которую капиталистическое господство в Европе представляет к данному моменту, служит тем фоном, на котором все более и более растет могущество того единственного государства, которое революционной энергией рабочих и крестьян вырвалось из тисков империалистической войны и не хотело быть ни с победителями, для того, чтобы делить плоды их побед, ни с побежденными, которые одинаково были виноваты в возникновении этой империалистической войны. Наша политика мира и выжидания, наша политика, которая проводилась при твердой уверенности в том, что мировое хозяйство не может быть восстановлено без нашего сотрудничества, что мировая экономика не может развиваться без участия 130-миллионного народа, об'единенного ныне под красным флагом Союза Советских Республик,—эта политика терпения, выдержки и силы дала результаты. Мы видим, какой интерес к нашему Союзу, интерес к соглашению с ним, интерес к политическому сотрудничеству неизменно выявляется во всех странах.

Прежде всего, представляет громадный и ближайший интерес в данной стадии мировой истории, это — отношение Англии. Английское население скинуло консервативно-либеральный блок, который предпринимал войны для капиталистов Англии и пытался в продолжение нескольких лет, под руководством Ллойд-Джорджа, закрепить свои победы. Ныне этот консервативный блок терпит поражение, и мы видим, что к власти приходит, так называемая, рабочая партия.

Мы, товарищи, реалисты. Мы достаточно хорошо знакомы с политикой вождей рабочей партии Англии, чтобы не поддаваться никаким иллюзиям. Однако, мы не должны забывать ни на один момент, что в настоящее время к власти подходят миллионы английских рабочих, миллионы организованных английских рабочих, вышколенных в длительной борьбе с капитализмом, рабочих, для которых приход к власти Макдональда, Уэбба, Сноудена, Томаса Шоу будет означать впервые поставленный вопрос о власти во всем ее масштабе. Впервые рабочий класс Англии сможет проверить своих вождей не только, когда они в оппозиции, а и тогда, когда они обладают реальной властью.

Мы с вами можем быть уверены, и этого впрочем не скрывают официальные заявления вождей рабочей партии, что они идут к власти совсем не для того, чтобы в сколько-нибудь значительных размерах обеспечить или удовлетворить законные классовые требования пролетариата.

Но для английского пролетариата не пройдет, конечно, даром этот урок; не пройдет, конечно, даром возможность посмотреть на своих вождей у кормила государственного правления. Если минимум требо-

ваний рабочих, которые будут пред'явлены к этим вождям, не будет удовлетворен, эти вожди должны будут дать ответ массам.

Мы совершенно уверены, что какой бы ответ ни был дан этими вождями, рост классовой солидарности, сознание политической силы, убеждение в необходимости взять политическую власть в свои руки, в результате этого роста классового сознания у английского рабочего класса несомненно будет. А английский империализм, который отныне будет управляться, неизвестно сколько дней, или несколько недель, или, может быть, несколько месяцев, вождями, так называемой, рабочей партии,—этот империализм представляет собой одну из основных сил буржуазно-капиталистической цивилизации. Нам будет очень полезно вместе с английским пролетариатом спокойно наблюдать за новым, так называемым, рабочим правительством и видеть, как рост рабочих требований к этому рабочему правительству будет помогать выяснять все отчетливее то, что требуется рабочему классу.

Что касается наших отношений с Англией, то вы знаете, что доверие, завоеванное нынешним премьер-министром Англии среди ее населения, отчасти об'ясняется тем, что он в своей избирательной кампании боевым, наиболее ярким лозунгом выставлял безоговорочное признание СССР де-юре.

Мы не сомневаемся ни на минуту, как в этом не сомневается и премьер-министр Макдональд, что, голосуя за рабочее правительство и предлагая ей создать такое министерство, представители рабочих масс Англии голосовали за полное и безоговорочное признание СССР.

Так как, однако, Макдональд держит власть в своих руках не только милостью рабочего класса, но и милостью либералов, то мы уже сталкиваемся с попытками несколько затормозить исполнение того обязательства, которое в избирательной кампании вожди рабочей партии приняли перед рабочим классом Англии по поводу безоговорочного признания. Нам тоже будет любопытно посмотреть: действительно ли обязательства, даваемые в избирательной кампании перед рабочим классом, потом могут быть взяты обратно под давлением парламентской комбинации с либералами? Во всяком случае, мы хотим надеяться, что эти обязательства будут исполнены и что Макдональд, который в данном случае только выполнит волю рабочего класса, сделает тот акт, на который рабочий класс его уполномочил, т.-е. признает безоговорочно и полностью советское правительство.

Мы понимаем, что и после этого признания останутся спорные вопросы, которые потребуют совещаний, раз'яснений, выяснений, быть может, споров, но которые на наш взгляд несомненно заключают в себе все элементы, дающие возможность общего соглашения. Поэтому, мы уже заявили Англии, что готовы после признания приступить к созданию англо-русской комиссии, которая рассмотрела бы всевозможные экономические спорные вопросы между нами. Во всяком случае, мы хотели бы надеяться, что с правительством Макдональда (больше, во всяком случае, чем с правительством Керзона, и больше, чем с правительством Лойд-Джорджа) мы могли бы договориться о мерах, направленных к охране всеобщего мира, к полюбовному разрешению тех антагонизмов, которые ныне раздирают весь мир, что мы

могли бы приступить дружелюбно к переговорам, направленным к тому, чтобы ослабить бремя военных расходов, тяготеющее над всей Европой, в том числе и над рабочим классом Англии. От нынешнего правительства Англии будет зависеть, действительно ли мы сможем сказать, что майский ультиматум Керзона был последней конвульсивной попыткой консервативных кругов Англии ввергнуть нас и Англию в новый период обострения, или же новое правительство расчистит дорогу к тому, чтобы рабочий класс и крестьянство России и рабочий класс Англии могли бы действительно дружелюбно, на почве полного взаимного признания государственных систем обеих стран, создать такие устои, которые служили бы опорой против возможности новой войны и новых потрясений и так уже истощенного мирового хозяйства.

Что касается Италии, то здесь, товарищи, мы имеем редкий случай простого и откровенного разговора. Я не буду напоминать известную всем речь господина Муссолини в парламенте, в которой он, повторяю, с похвальной откровенностью, указал на те условия и на те мотивы, которые двигают его к признанию и соглашению с советской Россией. Переговоры, которые на этой почве стали возможными, шли без особых задержек; теперь эти переговоры подвигаются настолько успешно, что есть основания надеяться, что договор о полном признании будет итальянским правительством подписан на-днях (Аплодисменты).

Третья великая держава, с которой нам приходилось до сих пор встречаться на поле брани,—это Франция. Мы—реалисты и поэтому не всегда обязаны принимать к сведению только одни дипломатические документы. Мы можем позволить себе роскошь анализировать действительные мотивы. И я думаю, что мы будем недалеки от истины, если скажем, что настоящие мотивы, которые заставляют французское правительство явно начать пересмотр своих отношений и своей политики к Союзу ССР, заключаются в том, что французская буржуазия, считаясь с фактом растущей мощи советского Союза, не хочет прийти последней и не хочет, чтобы признание, а, следовательно, и торговля с Союзом ССР для Франции открылась и после Италии, и после Англии. Этим можно об'яснить тот поворот, который мы замечаем во французском правительстве.

Мы готовы приветствовать те шаги, которые мы видим со стороны французского правительства. Мы знаем по газетам о том, что министр иностранных дел Чехо-Словакии — государства, дружественного с Францией и недавно только подписавшего с Францией специальное соглашение,—что господин Бенеш счел возможным выступить с заявлениями, которые должны были бы проложить или облегчить первые шаги для переговоров между Францией и Россией. Мы считаем, что г-н Бенеш, конечно, по своему правильно служил тому делу, которое он считает правильным для своей страны. Но, с другой стороны, мы считали бы гораздо более рациональным и плодотворным, если бы неизбежные переговоры могли бы вестись непосредственно. Мы полагаем, что посредники в этих переговорах излишни, и что с нашей стороны не встретилось бы никаких препятствий к тому, чтобы деловым образом

подойти к тем вопросам торговли и обмена экономическими услугами, которые явно назрели в первую очередь, и неразрешенность которых представляет взаимный ущерб.

Вы знаете, что в последнее время мы должны были перенести часть своего торгового аппарата из Франции в Англию. Я боюсь, что мы должны будем продолжать подобные действия по мере того, как будет все яснее и яснее становиться, что отсутствие какого-либо договора о торговле создает для нас и для наших торговых органов совершенно невозможное положение. Мы, конечно, будем отдавать предпочтение и ставить свои торговые станции в тех государствах, с которыми у нас налаживаются нормальные отношения, и не пожелаем рисковать такими инцидентами, как, напр., дело Опторга и Бунятиана. По этому делу французская фирма Опторг, действующая в Париже и закупившая у нас товар, должна была заплатить за этот товар не нам, а некоему господину Бунятиану по приговору французского суда, который признал, что товары, проданные нами, были нами национализированы у этих господ Бунятиан. Надо, чтобы французская буржуазия раз навсегда поняла: то, что национализировано,—национализировано.

Не для того приходили на нашу территорию французские войска, ведя за собой в помощь цветные войска, чтобы потом пытаться достигнуть тех же целей путем приговора гражданского трибунала Сенского департамента. Не для того бесчисленное количество наших красноармейцев проливало свою кровь, чтобы потом этому гражданскому суду Сенского департамента было позволено переделать то, что этой кровью завоевано. Мы понимаем, что взаимные интересы Франции и наши—требуют делового общения, что отсутствие этого общения наносит взаимный ущерб. Мы поэтому готовы в любой момент приступить к переговорам, но с теми кругами французского правительства, которые готовы будут признать некоторые азбучные истины, хотя бы те, которые признала Англия, которые теперь признает Италия.

Перехожу к Германии. С Германией, товарищи, нас связывает ближе, чем с каким-нибудь другим государством, географическое положение и общность экономических интересов, связывает нас также и то, что, раздавленная торжествующим империализмом Германия, в лице своего правительства, нашла в себе, в известный момент, достаточно мужества и прозорливости, чтобы подписать Рапальский договор. Поэтому укрепление дружественных отношений с Германией, увеличение экономических связей, взаимная поддержка в развитии этих экономических связей нами преследовались в прошлом и остаются также для будущего одной из основ нашей политики.

В течение отчетного периода обнаружилось, однако, не только это. Советское правительство не могло пройти мимо того октябрьско-ноябрьского кризиса, который потряс всю Германию. Не только потому, что пролетарское сознание не может спокойно относиться к тому, что где бы то ни было на земном шаре пролетариат напрягается для того, чтобы завоевать для себя лучшие условия существования; не только потому, что наши советы служат рупором настроений, интересов, энтузиазма широких пролетарских масс и не могут отказаться

от своего долга и своих обязанностей этим рупором служить, но и по другим деловым государственным соображениям. Министр иностранных дел Штреземан заявил, что в дни этого октябрьско-ноябрьского кризиса судьба советской России была связана с судьбами Германии. И это как раз такой пункт, в котором мы были абсолютно согласны с министром иностран. дел Германии Штреземаном. Для нас, как и для Штреземана, было совершенно ясно, что победа фашизма, победа милитаристическо-реакционных кругов в Германии означала бы открытие дверей для мирового империализма и в советскую республику. Продвижение французских войск из Рейнской области, где они стоят твердой ногой на плечах торжествующей германской контр-революции, дальше, вглубь страны, обозначало бы потрясение тех основ устойчивости и равновесия в мировом положении, на которых стоит советская республика. Было бы слишком странно требовать, чтобы в этот момент нами не были приняты все предупредительные меры, которые диктовались тем обстоятельством, что мы находились накануне такого момента, когда вся система средней Европы могла быть потрясена.

Чувство государственной безопасности и чувство охраны завоеваний октябрьской революции требовали от нас принятия этих предупредительных мер, и эти предупредительные меры были приняты. Лучшим выражением нашей политики в эти месяцы служит поездка тов. Копна в Латвию, Литву и Польшу. С чем ехал тогда тов. Копп? Чего добивались мы?—Двух вещей. Мы пытались добиться, мы требовали от наших соседей гарантий их невмешательства в германские дела; с другой стороны, мы пытались добиться, мы требовали таких соглашений, которые обеспечивали бы нам свободный транзит между Союзом ССР и Центральной Европой, независимо от тех политических изменений и изменений социального порядка, которые могут там наступить. Оба эти требования свидетельствуют о неизменном нашем миролюбии; и вместе с тем, эти же требования, выставленные нами через тов. Коппа к нашим соседям, свидетельствуют о том, что мы желали упрочить мирное состояние Восточной Европы и ее беспрепятственный контакт с Центральной Европой.

Таким образом, товарищи, все, что мы имеем, как новые факты из области определяющих факторов мировой политики, указывает на то, что Союз ССР давно перешел уже в Европе тот Рубикон, когда он должен был добиваться признания или покупать признание. Дело обстоит иначе. И горе тем правительствам, которые не видят глубоких изменений, которые произошли в положении советского правительства.

Прежде, однако, чем подвести итог и сделать некоторые указания на счет возможного будущего в области европейской политики, я должен остановиться на нашем отношении к народам Востока. Вы знаете, что политика наша здесь может быть исчерпана немногими словами. Неизменная дружба с угнетенными народами Востока была первым лозунгом советского правительства. И этот лозунг—неизменен. Дружба с народами Востока, стремящимися к независимому национальному развитию, не есть результат той или другой ситуации, той или другой политики дня. Это—одна из основ, определяющих общую политику советской власти, ее признак. Братское сочувствие народам Востока..

братское содействие им в деле того могучего движения, которое должно привести к самостоятельности и освобождению этих народов, есть, повторяю, несомненно, основа политики советской власти (Аплодисменты).

И мы должны сказать, что этой дружбой, что этим братским сочувствием, в отличие от всех других правительств, мы не торгуем. Этого мы не продаем, насчет этого сделок мы не заключаем. Мы не делаем этого по очень простой причине. В связи с великим горем, которое постигло нас и весь трудящийся люд, мы получили сотни и тысячи всякого рода заявлений и приветствий, но среди них выдаются приветствия, которые идут, именно, с Востока. В меджилисе, в парламенте турецкого народа, в парламенте, который куплен был, именно, ценою ожесточенной борьбы, сказаны были следующие слова:

«Смерть Ленина опечалила нас всех. Этот великий человек оказывал нам помощь в самые черные дни, всегда желал нам успеха в нашей борьбе за независимость. Ленин пользовался всяким случаем для того, чтобы приветствовать наше Национальное Собрание. Я предлагаю послать Совнаркому СССР телеграмму с выражением соболезнования».

Следующий оратор, Джелал Нурим, добавил: «Когда наш народ переживал самые тяжелые времени, Ленин протянул нам руку. Он всегда ободрял нас своими письмами и телеграммами».

Товарищи, это заявление, раздавшееся и громко прозвучавшее на Востоке, куплено прямой и открытой политикой—поддержки и дружбы с народами Востока. И это признание, раздавшееся из уст представителей этого народа, является лучшим свидетельством правильности и прозорливости нашей политики.

То, что здесь сказано, что Ленин в черные дни освобождения народов Востока протягивал им братскую руку, это вошло в историю, это будет служить и заветом для дальнейшей политики Союза ССР. (Аплодисменты).

Но дальше этого, дальше Турции, из далекого Китая, за подписью вождя демократических сил Китая, мы получили телеграмму следующего содержания, которая тоже характеризует уже некую историческую дату, вносит в историю мира некоторые факты, которые являются, вместе с тем, заветами для нашей дальнейшей политики:

«Собравшийся национальный конгресс Гоминдана (китайской демократической партии) с глубокой скорбью узнал о смерти товарища Ленина, работа которого положила главное основание новой России и в настоящий момент воодушевляет присутствующих на конгрессе в их главной задаче придать своей партии значение национального орудия к об'единению Китая, а также к прогрессу и благосостоянию китайского народа под сенью демократической власти».

Мы гордимся тем, что наш вождь вдохновляет в далеком Китае силы освобождающейся демократической нации на новую освободительную работу. Этот завет останется нашим заветом, и от этого завета, мы, конечно, никогда не отступим (Аплодисменты). Пусть знают народы Востока, что то, что они ныне видят, как результат работы Ленина, что они выразили словами «в черные дни борьбы за национальное освобождение нигде в другом месте, а только в советской Респу-

блике они находили опору и дружескую, братскую руку»,—эти факты остаются для нас столь же священными, как и для них. Товарищи, конечно, и в наших отношениях с Турцией и в наших отношениях с другими восточными государствами бывают моменты недоразумений, столкновений, трений, но мы всегда видели здесь, всегда проявляли здесь и готовы проявить здесь полную добрую волю для улажения всех этих недоразумений. Так, например, недоразумения относительно торгового договора, положения внешторга, консульских конвенций и т. д., которые одно время вспыхнули между нами и национальным правительством Турции, в данный момент окончательно улажены и улажены к полному удовлетворению обеих сторон.

Итак, товарищи, дружба со всеми народами, братское сочувствие угнетенным народам, деловые и мирные отношения со всеми правительствами — вот содержание нашей политики.

Мы видим в общей обстановке начало конца первого периода,— периода, когда советская власть должна была бороться за признание. Мы явно находимся на пороге к этому периоду,—к периоду, который будет представлять некоторые определенные опасности, — опасности капиталистического нажима, который мы должны побороть, с которым нам придется бороться экономическими методами. Явно — мы находимся на переломе нашего мирового положения. Могущество Союза ССР, его непрестанный экономический рост, на фоне общего разложения и распада капиталистической цивилизации, является таким фактом, который ничем не может быть уже прикрыт и никем оспорен.

Но, вступая на этот новый период, мы должны будем повторить те слова, которые несколько лет тому назад были произнесены тов. Лениным, так как они остаются руководящими в нашей внешней политике. Ленин говорил, — мы здесь повторяем, и пусть эти слова будут слышны:

«Чем позже признание, тем хуже условия этого признания».

Мы не добиваемся, мы не торопимся. Мы прошли самые тяжелые годы, — мы перенесли интервенцию и блокаду. Мы стали фактором мирового экономического развития. Без нас дальнейшее развитие мирового хозяйства невозможно. И потому ошибаются те, которые думают, что признание де-юре есть нечто такое, за что мы готовы заплатить каким-либо материальным ущербом для себя. Признание де-юре прежде всего для нас обозначает легализацию наших торговых отношений. Эта легализация торговых отношений нужна нам, но она нужна и тем, кто нуждается в нашем хлебе, кто нуждается в нашем лесе, кто нуждается в нашей нефти, кто нуждается в том, чтобы мы покупали у него машины и хлопок.

Де-юре не есть стремление получить какой-то международный чин. Признание де-юре не милость. Великие народы, создавшие под руководством гениального вождя Союз Советских Социалистических Республик, не нуждаются в юридическом миропомазании жрецов капитала. (Аплодисменты).

Но легализация деловых, промышленных, торговых отношений включает в себе признание наших законов, нашего законодательства.

Признание де-юре есть признание силы наших законов и нашего законодательства, обязательность наших законов для тех, кто хочет находиться с нами в деловых-торговых и хозяйственно-экономических отношениях. Вот что значит де-юре. И это де-юре нам, конечно, нужно.

Товарищи, из этого обзора вы не видели каких-либо грозовых туч, которые непосредственно угрожали бы нашей независимости или нашей территории. Но не будем обольщаться. Вспомните минувший год, вспомните последние 9 месяцев. И вы увидите, как в течении этого времени дважды неминуемая беда стучала к нам в двери. В мае к нам постучал самый типичный представитель мирового империализма и консерватизма — Керзон; постучал к нам ультиматумом и поставил всех нас на ноги. В октябре, в ноябре к нам в двери постучали новые события, и мы тоже должны были вскочить на ноги.

Не думайте, что те факты, которые я вам сообщил, которые показывают на несомненное укрепление нашего международного положения, на рост нашего значения, на рост стремления к торговым и политическим соглашениям с нашей пролетарской трудовой республикой, не думайте, что это гарантирует нас от новых потрясений. Мир в хаосе. Противоборствующие тенденции кипят в нем, как в котле. Мы для всех других правительств все-таки безумные смельчаки, которые осмеливаются итти против их принципов, против их цивилизации, против основ их хозяйственного строя, и мы должны быть готовы к тому, что в каждый момент новое испытание может постучаться к нам в ворота. Мы должны быть готовы к тому, что мы будем получать не только договоры о признании, но что мы можем в любой день стать перед таким поворотом событий, которые опять, как в мае прошлого года, как в октябре прошлого года, потребуют от нас напряжения всех наших сил и произведут экзамен нашей обороне и боеспособности. Мы помним зверское и покрытое судом швейцарской республики убийство одного из наших лучших товарищей, В. В. Воровского.

Товарищи, для нас священна та земля, на которой впервые пролетариат и крестьянство победили. Мы никогда не останавливались и не задумывались ни на минуту кинуть все силы об'единенных народов на защиту территории, достоинства, независимости и самостоятельности нашего Союза. Независимость, честь нашей страны, достоинство ее стали для нас еще священнее с того момента, когда земля эта приняла в свои недра то, что было смертного в нашем вожде. И на защиту независимости этой земли, этой территории, этого государства вся страна, рабочие и крестьяне всех национальностей Союза станут, как один человек, если бы чья-либо безумная рука попыталась нарушить наш покой и наше хозяйственное строительство. (Продолжительные аплодисменты).

Голос с места. Мы готовы защищаться и побеждать.

Каменев. Я перехожу теперь к тем областям нашей политики, которые стоят на границе между политикой внешней и внутренней. Вы знаете, что мы обращены к внешнему миру не только нашей

дипломатией, но и нашим торговым аппаратом, монополией внешней торговли.

Мне придется ниже еще указать на то, как монополия внешней торговли, провозглашенная нами, как один из устоев советской власти в самом начале ее организации, как она стала теперь практическим орудием, в сохранении которого заинтересован каждый крестьянин, каждый рабочий, каждый гражданин Союза ССР. Сейчас мне хотелось бы указать только на то, что монополия внешней торговли, которую мы удержали в самые трудные моменты, была и остается незыблемой основой нашей политики. Мы знаем, что это—броня, которая предохраняет нашу страну, наш Союз от расхищений, от превращения его в об'ект колониальной эксплоатации. Мы знаем, что это именно обстоятельство вызывает со стороны всех капиталистических сил Европы больше всего ненависти по отношению к монополии внешней торговли, больше всего стремления разорвать эту броню, продырявить ее. Но мы должны сказать прямо, что принципом монополии внешней торговли мы тоже не торгуем, что мы готовы лучше подождать с тем или другим договором, с тем или другим соглашением, чем пойти на изменение принципов монополии внешней торговли. Здесь наша позиция непримирима, и тем, которые хотят с нами иметь экономические отношения, придется с этим фактом считаться.

У нас есть терпение, мы знаем неизбежность включения нашего хозяйства в общемировую систему. Мы абсолютно уверены, что монополия внешней торговли необходима для охранения богатств и хозяйственного развития нашей страны, и что поэтому с данным фактом всякому государству, желающему иметь с нами дело, придется считаться, как с фактом незыблемым.

Конечно, мы не собираемся ни в чем изменять системы привлечения иностранных капиталов. Мы заявили давно устами тов. Ленина (и здесь, как и в других областях, мы не собираемся ни в чем менять его политики), что иностранный капитал нам нужен, что мы понимаем, что эти иностранные капиталы могут притти в Россию, в наше государство, лишь на условиях определенных прибылей, определенного заработка. Мы готовы по-прежнему предоставить им и эту прибыль, и этот заработок с единственным, однако, условием: с тем, чтобы тот капитал, который идет к нам, или собирается итти к нам, отдал бы себе точный отчет в том, что мы не колония и не годимся, как об'ект колониальной эксплоатации; что мы не данники и что с нас никому не удастся взять дани. Работайте на тех условиях, на которые согласится пролетарское государство. Зарабатывайте то, что мы договоримся с вами предоставить вам в виде прибылей. Но не думайте, однако, что иностранное капиталистическое имущество вы можете превратить в орудие хозяйственного порабощения советской страны. Было время, были дни. Эти дни прошли, они уже больше не вернутся. (Аплодисменты).

Товарищи, обращаясь к нашим внутренним делам, я должен прежде всего в самых кратких чертах отметить, что в течение этого года Союз Советских Социалистических Республик, провозглашенный, в виде договора самостоятельных частей, на прошлом С'езде, работой целого

ряда государственных учреждений и союзных и республиканских, превращен, наконец, в практическую организацию. Мы совершили этим великое дело. Мы сознательно построили новый тип государства. История представляет нам образчик, пример того, как хаотично, стихийно, в процессе долгих наслоений, складывалось государство. Мы с вами в течение этого года проделали громадную работу на основе того боевого единства, которое сложилось в годы борьбы за существование; мы сознательно создали новую Конституцию и положили ее в основу нового государственного строя. Мы перелили боевое единство в новые организационные формы. Эта была сложная работа, потому что мы преследовали задачи, которых не ставил перед собой никто из творцов государственных конституций. Мы создали государственную форму, которая должна представлять гарантию свободного развития культуры и государственности отдельных национальностей, входящих в наш Союз, и вместе с тем гарантировать единство этим нациям в деле общей борьбы против капитала и в деле строительства социализма.

Но почему наша государственная форма, наша Конституция представляет довольно сложную постройку. Нам, несомненно, придется проверять эту постройку на фактах нашей жизни, нам придется, по всей вероятности, ее улучшать, но во всяком случае мы создали новое государство, мы создали новый тип его. Мы попытались и решили в своем государственном устройстве дать миру образец решения труднейшей задачи, над которой человечество билось и будет еще биться: соединить полную свободу развития национальной культуры, государственности и единства хозяйственных и боевых сил в деле постройки социализма,— задача, достойная того, чтобы она была на 6-й год пролетарской революции поставлена, как практическая задача, и нами решена.

В докладе о Конституции Союза ССР, который будет вам сделан и который, как мы надеемся, вы примете, вы сможете подробно познакомиться со всеми деталями этой государственной постройки. Я хотел указать только на то, что это—новый мировой фактор, и что наша сила была настолько велика, что это новое государство и этот новый мировой фактор были признаны всеми нашими соседями без всякого сопротивления. Ясно было, что сопротивляться вхождению в мировую историю этого нового государства бессмысленно и нелепо.

Правда, у нас есть один сосед, который попытался — да будет мне прощено это слово—поартачиться перед тем, как признать СССР: это Польша. Но у нас, товарищи, с Польшей длинная история. Правда, последний этап ее начинается с Рижского мирного договора, который для нас, конечно, обязателен, как всякий договор, скрепленный советской властью, который мы храним, который мы исполняем, ибо мы хотим, и мы доказали это желание, мирных и дружественных отношений на нашей западной границе. Однако, в определенный момент благоразумие взяло верх и в Польше. Миролюбивость ее политики несколько усилилась за последнее время и, попытавшись противостоять этому грандиозному мировому фактору рождения нового государства—СССР, Польша должна была его признать, склонилась перед этим фактом.

Переходя к вопросу о нашей внутренней политике, я прежде всего должен спросить: существует ли у нас в Союзе Советских Социалистических Республик проблема власти? Я думаю, что точный ответ на

это следующий: проблемы власти, как политической проблемы, у нас нет. Она решена и решена надолго. Это не требует, пожалуй, и доказательств. Мы не видим никаких претендентов на власть. Какие бы то ни было претенденты на власть были бы встречены массами, миллионами крестьян и рабочих, даже не враждебно, а только с насмешкой. Только с насмешкой мы обращаем наше внимание на те группы, которые претендуют на какое бы то ни было политическое влияние у нас.

Разложение всех политических партий, которые пытались строить свою политику на отрицании советской власти, на нападении на советскую власть, на подрыве советской власти,—определенный факт, который, пожалуй, не подлежит оспариванию. На основе этого укрепления советской власти, в обстановке распада всех политических партий и смешного характера, который уже принимает всякое движение, предпринятое, чтобы сменить рабоче-крестьянскую власть какой-либо другой, — мы имели возможность провести ту амнистию нашим врагам, ту амнистию преступникам против советской власти, которая недавно была опубликована от имени Центрального Исполнительного Комитета. И я хотел бы показать одной только цитатой, что признание непоколебимости нашей власти, отсутствие политической проблемы власти признано уже и нашими врагами.

Вот передо мной политический журнал «Воля России» за октябрь 1923 года, — журнал центра социалистов-революционеров, журнал людей, вождем которых является Чернов. В этом журнале приведена беседа одного из этих с.-р. с человеком, недавно прибывшим из России, с человеком, который отнюдь не относится сочувственно к советской власти. Вот, что там пишут:

«У вас здесь говорят: конечно, надо все делать, но прежде всего надо скинуть большевиков. А я вам замечу: так вы же видите, что они не «скидываются». Значит на этой логике далеко не уедешь».

Вот именно: далеко на этой логике не уедешь. Можно поехать на этом только в тот исторический музей, куда складываются один за другим, начиная с Керенского, меньшевиков и с.-р., все исторические покойники, претендовавшие на власть.

Почитаем, товарищи, дальше. Полезно иногда почитать эту литературу.

«И когда в России читают статьи о «скидывании» большевиков и о жестокости режима, то читатели или улыбаются, или раздражаются. И хотя бы только потому, что это слишком все устарело. При таких условиях нужно сказать, — не дело также писать подобные статьи в эмигрантской прессе».

Товарищи, конечно, это свидетельство нужно не для того, чтобы чувствовали рабочие и крестьяне всю мощь политической власти, которая сосредоточена в их руках и которая делает эту власть непоколебимой. Полезно, однако, иногда посмеяться и проследить за тем процессом, который превращает всех этих политических деятелей в политических покойников. Поэтому неудивительно то, что в этой же самой прессе мы читаем заявления, которых, признаться, мы оттуда, не ожидали.

В последней книжке журнала группы тех же эсеров «Современные Записки» пером автора, который предрекает неизбежный про-

вал всей нашей экономической политики, перерождение рабоче-крестьянского правительства в правительство буржуазное или мелкобуржуазное и который рисует крах нашей экономики, на чем я подробнее остановлюсь дальше, пером этого же господина написаны следующие слова:

«Государственный капитализм—строй, который характеризует сейчас советскую Россию, дает правительству возможность создать для занятого промышленного пролетариата относительно благоприятные условия труда, ибо проистекающие от непомерно высокой заработной платы»... (послушайте, товарищи, мы считаем, что заработная плата наша низка, мы считаем, что должны итти к повышению заработной платы, и никогда ни у кого из нас не могли бы сорваться слова о непомерно-высокой заработной плате, а эти господа, сидящие за-границей, указывают на то, что рабочий класс в России получает, оказывается, «непомерно высокую заработную плату») и что «промышленность несет колоссальные расходы на социальное страхование, что все это покрывается за счет государственных средств, и поэтому рабочие глубоко заинтересованы в сохранении существующей системы». Что же нам еще надо? (Смех).

Если мы у врага вырвали признание, что рабочие глубоко заинтересованы в сохранении существующей системы, то это, пожалуй, все, что можно требовать от врага.

Поэтому не будем удивляться, что вынужденные к подобного рода признаниям, неспособные противопоставить нашей политике какую-либо другую политику, эти господа, переходящие мало-по-малу в ряды покойничков, занимают себя и те небольшие эмигрантские круги, которые к ним еще прислушиваются, всякими россказнями на ту тему, что, ежели большевиков нельзя свергнуть, ежели рабоче-крестьянское правительство нельзя скинуть, то может быть оно само разложится, разобьется, погибнет в разногласиях. Это утешение по человечеству можно понять; можно допустить, что и этим людям необходимо какое-либо утешение.

Поэтому, когда мы читаем на страницах этой эмигрантской прессы совершенно нелепые сообщения, которые буквально похожи на забавные сообщения угрюмых идиотов эмиграции, относительно отставки тов. Троцкого, перемены в составе правительства, новых перетасовок в личном составе руководящего ядра рабоче-крестьянского правительства, — мы говорим себе: да пусть себе забавляются угрюмые идиоты эмиграции.

Теперь я перехожу к нашему хозяйственному строительству. Заранее извиняюсь, что я буду утомлять ваше внимание достаточно большим количеством цифр. Но мы вступаем в такой период, когда самые сухие цифры насчет цены аршина ситца, насчет цены пуда керосина, становятся одним из важнейших политических факторов. У нас нет политической проблемы, но зато у нас есть хозяйственная проблема. Эта проблема есть задача построения социалистического хозяйства, и вот то, как мы решаем эту проблему, является определяющим и для нашей политики и для дальнейших судеб нашего государства. Как мы строим социализм, и строим ли мы социализм, растут ли элементы социализма, какая у нас картина—вот вопросы, которые нас интересуют.

Мы имеем 18 миллионов самостоятельных производителей, производственных ячеек крестьянского хозяйства. Рядом с этими 18 миллионами производственных самостоятельных крестьянских ячеек мы имеем национализированную промышленность, национализированный транспорт, национализированную внешнюю торговлю. Задача построения социализма заключается в том, чтобы увязать эти две раздельные, отличающиеся друг от друга, общественные формации, увязать национализированную промышленность—базу пролетариата—с этим морем крестьянских мелких хозяйств, самостоятельных, не связанных иначе между собою, как только через рынок.

Эта увязка крестьянских хозяйств и промышленности у нас, в нашей истории, прошла уже определенные стадии. На первых порах мы пытались увязать национализированную промышленность и крестьянское хозяйство путем прямого снабжения крестьянства продуктами промышленности. Это была эпоха—продразверстки и пайка. Вы знаете, что этот способ увязки, который представлял собою экономическую основу эпохи военного коммунизма, не удался и не мог удасться; это выяснилось, как только железный обруч военного положения был с нас снят. Промышленность оказалась не в достаточно цветущем положении, чтобы иметь возможность обеспечить крестьянство всеми необходимыми продуктами. С другой стороны, продразверстка привела к сокращению посевов. Мы тогда должны были перейти и перешли на некоторые моменты от системы пайка и продразверстки к системе продукто-обмена. Мы не хотели переходить на товарообмен. Это была только переходная стадия. Мы перешли и находимся сейчас в периоде, когда увязка национализированной государственной промышленности и крестьянского хозяйства совершается путем товарообмена, на почве временной свободной купли и продажи. Это, товарищи, и есть НЭП. Ни в чем другом не заключается НЭП, как в том, что крестьянину мы предоставили возможность свободно располагать продуктами своего труда. И переходя понемногу от продразверстки к продналогу, а теперь от продналога—к смешанной форме денежного и натурального налога и предполагая в этом году перейти к чисто денежному налогу, мы совершаем все время дальнейшие шаги в области предоставления крестьянину полной свободы распоряжения продуктами его хозяйства.

Если вы теперь, товарищи, вспомните, что крестьянское хозяйство дает у нас продукции на 5 с половиной миллиардов рублей, что в то же время наша промышленность дает в золотых довоенных рублях 2 с половиной миллиарда, что вся крестьянская продукция—вне нашего непосредственного управления, контроля и руководства, что она свободно обращается на почве свободной купли и продажи, то вы увидите, что суть НЭП'а заключается именно в этом—в свободном обороте продуктов сельского хозяйства и крестьянского труда. Нет никакого сомнения, что таким образом НЭП не является ни методом калькуляции, ни каким-нибудь специфическим методом, который затрагивает только поверхность наших экономических отношений. Нет. Он затрагивает самую основу наших отношений, он создает новое соотношение классов. И вот, ставши на этот путь, когда увязка нашей национализированной

промышленности и крестьянского хозяйства происходит только на рынке, мы раскрыли таким образом дорогу стихии вольного рынка, которая и есть как раз та стихия, на основе которой произрастают буржуазные отношения.

Было бы непомеримой глупостью, если бы, вступая на этот путь, мы не отдавали себе отчета в том, что этот мелкобуржуазный рынок есть тот питательный бульон, в котором произрастают элементы капиталистического накопления и капиталистического хозяйства. Поэтому вопросы о том, увеличиваются ли в нашем хозяйстве элементы социализма, производим ли мы увязку между промышленностью и государственным хозяйством, правильна ли эта увязка, уходит ли она из наших рук и переходит в чьи-либо другие,—есть основные политические вопросы.

Рынок уже дал нам себя знать. Мы пережили с вами за отчетный год очень острый кризис и не мало голосов говорило нам, что этот кризис — кризис новой экономической политики, что этот кризис касается самых основ этой политики. Поэтому, мы должны самым внимательным образом на этом остановиться. Я беру меньшевиков, они пишут в последнем номере своего журнала: «Мы имеем дело со специфическим кризисом новой экономической политики, крах той политики, при помощи которой пролетарская диктатура пытается восстановить народное хозяйство». Это говорят меньшевики. А с.-р. пишут: «На очередь ставится вопрос о ликвидации системы государственного капитализма (т.-е. новой экономической политики) и о решительном переходе к свободному частно-капиталистическому обороту». Кто сказал «а», должен сказать «б».

Вы видите, что вопрос поставлен этими нашими классовыми врагами в совершенно определенной и ясной форме. Действительно-ли, мы пережили кризис о с н о в новой экономической политики? Требуется-ли от нас пересмотр этой политики? Может быть—да. Мы не догматики, не связали себя ничем. Для нас новая экономическая политика есть один из путей построения нового социалистического хозяйства. Может быть, действительно, испытавши этот путь, мы должны будем признать, что этот путь не годится, мы тогда должны будем его переменить. И мы переменили бы его, если бы пришли к убеждению, что, действительно, этот путь не ведет к той цели построения социалистического хозяйства, который мы перед собою поставили. Дала ли новая экономическая политика ту атмосферу и обстановку, при которой совершилось развитие производительных сил страны? Стала ли страна богаче? Поставлены ли крестьяне и рабочие в отношении материального благосостояния в лучшие условия, или нет? Увеличились ли богатства страны? Если нет, нашу новую экономическую политику нужно пересмотреть. Нужно тогда избрать другой путь для дела построения социализма.

Поэтому, на этом вопросе, на вопросе о том, какого рода был этот кризис, касался ли он, действительно, основ политики, или это какой-то другой кризис, мы должны сосредоточить свое внимание. Ответ на это должен быть ответом фактами. Тут нельзя отвечать ни резолю-

циями, ни революционным энтузиазмом. Здесь нужно сопоставление фактов. Вот на этом я на минуточку задержу ваше внимание.

Вспомните, с чем мы подходили к НЭПу, вспомните обстановку начала 1921 года. В тогдашних речах В. И. Ленина вы найдете полную характеристику того времени. Три основных экономических кризиса сделали для нас переход к НЭПу, по словам В. И., абсолютно необходимым. Мы имели глубочайший продовольственный кризис, сокращение запашек, замирание сельского хозяйства, прекращение посева технических культур, почти прекращение выполнения сельским хозяйством роли сырьевой базы для промышленности. Мы имели топливный кризис,—тогда в 1921 году, в начале,—мы должны были закупать за-границей уголь, потому что наша всероссийская кочегарка, разрушенная долгим периодом гражданской борьбы, не могла поставить необходимого минимума пищи для нашей промышленности. Кроме топлива, обозначался паралич промышленности. Наконец, мы имели кризис транспортный, который доходил до того, что бывали моменты, когда все правительство в центре и важнейшие представители советской власти у себя на местах сидели и следили за каждым вагоном хлеба, когда для того, чтобы продвинуть один состав необходим был специальный отряд, толкающий специальным приказом Владимира Ильича. Это было в начале 1921 года. Замирание сельского хозяйства, паралич промышленности на почве остроты недостатка топлива, паралич нашей кровеносной системы—транспорта и на этой почве—кризис экономический, кризис политический, кризис недоверия, кризис трения между крестьянством и рабочей властью, нарастание элементов недовольства и смуты, даже в рабочем классе.

Вы знаете, что этот политический кризис, созданный этими экономическими противоречиями, этим экономическим параличем, получил свое выражение в памятных событиях марта 1921 года. Вот картина, которую мы имели. Что же мы имеем сейчас? Я обращаюсь прежде всего, к сельскому хозяйству.

Сельское хозяйство это — основной резервуар нашей хозяйственной энергии и хозяйственной мощи. К 20 году мы имели общее сокращение посева на 20 миллионов десятин; сокращение сырья для промышленных посевов — льна — на 60%, а посев хлопка к 20 году сократился на 90%. Имело место общее сокращение скота. Это было в 21 году. Затем нас ударил голод.

Очень часто, когда оценивают ныне наши успехи, забывают, что мы работали весь 21—22 г.г. в ненормальных условиях, что мы должны были затрачивать дополнительно усилия на ликвидацию последствий голода. Эта задача еще и теперь не закончена. Когда вы, таким образом, оцениваете добытые итоговые цифры наших успехов, не забывайте, что в них входят те дополнительные затраты энергии, продуктов, денег, которые затрачены были специально на покрытие той ямы, которую принято называть голодом.

Что принес нам голод? Он дал нам, по некоторым подсчетам, потерю в миллиард триста миллионов пудов хлеба, пять миллионов крупного скота, четыре миллиона лошадей. По голодным, пораженным голодом районам всего нашего Союза, если считать в 20 году общее ко-

личеству посева за сто, то в 21 году мы имели — 88, а в 22—60, т.-е. мы потеряли посевов 40%. Таким образом, не только те бедствия, которые являются результатом 6-ти лет революции, внешних и внутренних войн, блокады, но и дополнительные, т.-е. голод, кинули наше сельское хозяйство в очень глубокую яму разрухи.

Что же мы имеем теперь? К чему мы пришли в посевах? В 21 году 50 миллионов десятин всех посевов, в 22 году 51 миллион, в этом 23 году — 61 миллион десятин.

Это значит, что за этот год мы подняли цифру наших посевов на 10 миллионов десятин, т.-е. на 19%. Мы имеем теперь 75% посевной площади 16 года. Для показательности процесса, наблюдающегося в нашем сельском хозяйстве, приведу еще некоторые цифры. Крупного скота в 23 году у нас на 4 миллиона голов больше, чем в 22 году. Рабочего скота на 1 миллион больше, чем в прошлом году. Наконец, и это очень важно, посевы льна за год увеличились на 10, конопли—на 16, а хлопка—на 300%. Очень важно для нашей текстильной промышленности, вместо 53 тысяч десятин хлопка, которые мы имели в 20 году, иметь сейчас 153 тысячи десятин.

Вы видите, что эти цифры сравнительно невелики. Мы ни в одной области сельского хозяйства не перешли еще 75% довоенного производства. И в общей продукции, где мы имеем 5½ миллиардов общей ценности продукции всего сельского хозяйства, и в области животноводства, где мы имеем 71% числа 13 года, и во всех других областях, сравнительно с довоенным уровнем, мы еще отстаем. Но, вместе с тем, мы имеем перед собой несомненную картину роста сельского хозяйства. Увеличивается общее количество посевов, интенсифицируется сельское хозяйство, увеличивается количество высоко-технических культур, сельское хозяйство, как поставщик сырья для промышленности, также начинает подниматься. Это дает возможность некоторым из наблюдателей нашей сельско-хозяйственной жизни сказать, что через 2—3 года, при среднем урожае, сельское хозяйство твердо станет на ноги и будет способно выбросить на рынок от 1½ до 2 миллиардов рублей золотом своей продукции. Таким образом, нет никакого сомнения, что за этот год, в области сельского хозяйства, мы не только не остановились на одном уровне, но мы пошли, и значительными шагами, вперед.

Обратимся к нашей промышленности. И тут вам придется также выслушать несколько цифр. Вещь скучная, но необходимая.

Общая валовая продукция в довоенных золотых рублях в 1913 году была 6¾ миллиарда, в 21 году — 1.300.000.000, в 22 году — 1.900.000.000, в 23 году — 2.410.000.000. По сравнению с довоенным временем, мы дошли до 36% довоенной продукции, в то время, как в прошлом году мы имели только 20—22—23%% довоенного.

В течение одного года общая сумма продукции нашей промышленности увеличилась чрезвычайно значительно—на 500.000.000 золотых рублей. Если мы теперь попытаемся проверить эти общие цифры на отдельных достижениях как раз тех отраслей хозяйства, которые создали перед НЭП'ом, перед новой экономической политикой, этот острый кризис, то мы увидим, что угля в 20—21 году мы имели 464, в 21—22 году—589, в 22—23 г. мы имеем 648 (диаграмма № 1) *).

---

*) См. приложение 3.

Если мы возьмем Донбасс, нашу кочегарку, то в 21 году—281, в 22 году—406, 23 году—448 м. п. Это год хозяйственный. По последним сведениям, которые у меня имеются (год календарный—с 1-го января по 1-е января), включая уголь Донбасса, не только государственная промышленность, но и работу комбинатов, работу наркомпути, мы имеем за этот год по Донбассу 576 мил. пудов. Если обратимся к нефти, и здесь мы имеем такие цифры: в 1920—1921 г. — 224 ; в 1922 г. — 274, в 1923 г. — 317. Как видите — мы можем сказать, что 1923 г. принес окончательное решение топливного кризиса. То, над чем мы так бились, то, что заполняло страницы наших газет выкриками: «Все на топливо!». «Подать топливо во что бы то ни стало»! «В ударном порядке необходимо топливо!» — эта проблема решена. Топливо в этом году нашим топливным хозяйством поставлялось всем потребителям без отказа и в полной мере. Мало того, мы должны признаться вам, что в Донбассе у нас лежит 70 мил. пудов угля, которые превышают плановые задания и потребности страны.

Мы дошли до такого момента, когда правительство серьезно должно обсуждать вопрос о том, что для нашего донецкого угля необходимы и заграничные рынки. Это результат только 2—3 лет работы в Донбассе в то время, когда ни одна отрасль промышленности и ни один потребитель не получил отказа в удовлетворении нефтью и углем. Если вы вспомните теперь те воззвания, ту трудность задачи, как мы рисовали ее себе: дать пищу промышленности, обеспечить топливный фонд для всей нашей промышленной деятельности, — то надо удивляться тому, что в условиях новой экономической политики мы добились таких результатов.

Посмотрим теперь на нефть. Мы добыли в этом году 315 мил. пудов. Мы продали на внутреннем рынке 215 мил. пуд., 20 мил. мы уже вывезли за границу в этом году, и мы имеем остаток — 80 мил. пудов на 1-е октября этого года.

Топливный кризис — дело прошлого. Промышленность имеет свою пищу и может развертываться на базисе топлива нормально и планомерно, не задумываясь на счет того, что по простому заказу, по простой телеграмме, без толкачей, без специальных распоряжений тов. Калинина, тов. Рыкова, без специальных телеграмм, топливо будет доставлено.

Перехожу к другим областям промышленности. Рудная промышленность — основа нашей металлургии — добыча железной руды возросла за один год в два с половиной раза; выплавка чугуна выросла за один год в два раза. Пряжа — это основной крестьянский товар, именно через эту, текстильную, промышленность решается проблема смычки национализированной промышленности и крестьянства. Вот цифры пряжи в тысячах пудов: 1.075 тысяч пуд.—в 1921 г.; 3.065 тыс. пуд.—в 1922 г.; 4.515 тысяч—в 1923 г.

Готовая ткань в аршинах: 205 мил. аршин—в 1921 г.; 437 мил. аршин—в 1922 г.; 760 мил.—в 1923 г.

Если перевести эти сухие цифры, которые однако решают проблему: строим ли мы социализм или бессильны?—то мы имеем в пряже за два года увеличение общей суммы производства на 420%, за 1 год,

последний, — 147%. По готовой ткани увеличение за 2 года — 370%, за 1 год — 170%.

Вот основные цифры по основным продуктам промышленности. Но я не хотел бы на этом останавливаться; я боюсь вас утомить. Я прочту лишь некоторые цифры. Вы, строители нового хозяйства, должны знать, имеете право знать о результате длительной работы, в этом отношении проделанной. Вот вам выплавка чугуна: за один год увеличение на 77%; мартеновское литье за один год увеличилось на 86%; прокатка на 65%; производство разных машин за один год увеличилось на 55%; — инструменты и прочие изделия из металлов — увеличение за один год на 63%; орудия транспорта — увеличение за один год на 115%. Общая продукции металлургическая и крупного машиностроения дала увеличение на 63%, при чем товарищи, которые проверяли эти цифры, свидетельствуют о плавности движения из месяца в месяц за последний год.

Мы имеем в первом квартале по машиностроению, если взять за сто, в следующем квартале 117, в следующем 155 и в четвертом 173. Таким образом, это не случайное повышение, не то, что какая-нибудь случайная ситуация создала нам такое положение, что вопреки нашей политике могла получиться такая картина возрастания нашей промышленности. По всем этим отраслям вы видите странно малые цифры в 1921 году, несомненный рост в 1922 году и ускорение темпа роста от 1922-го к 1923-му году. Это обстоятельство может преисполнить нас, конечно, не оптимизма, который нам и не нужен, а спокойной уверенности в том, что дело восстановления основной базы пролетариата, основной базы пролетарской диктатуры, находится на верном пути.

Еще несколько цифр. Кожевенная промышленность прибавила 37% за один год; резиновая — 42%; спичечная — 95%; бумажная — 104%; стекольная — 102%; общее увеличение основной химической промышленности 63%.

Каков же итог? Общий рост промышленности. Планомерность этого развития из года в год, из месяца в месяц.

Вот, товарищи, (диаграмма № 2) здесь представлены различные отрасли нашего хозяйства только за этот последний год, и если из'ять хлопчатобумажную промышленность за летние месяцы, когда фабрики были закрыты, то вы увидите планомерный под'ем: нефть, Донбасс, от октября до ноября, уголь — все это показывает (я не обращаю внимания на некоторую зигзагообразность линии, а обращаю внимание на среднюю линию) под'ем.

Вы видите, что это есть планомерное развитие из месяца в месяц, которое свидетельствует об основном оздоровлении самого процесса, самой организации производства.

На этой почве, — на почве роста промышленности, мы отмечаем и важнейший политический фактор — консолидацию пролетариата. Мы имеем в государственной промышленности такую картину: в 1921 году 1.120 тысяч пролетариев, в 1922 году — 1.250 тысяч, в этом году — 1.450 тысяч, увеличение на 200 тысяч пролетариев. Мы

дошли, наконец, до того, что имеем занятыми в промышленности 60% всего пролетариата довоенного времени.

Вспомните, товарищи, как в той самой речи, которою Ильич твердой рукой поворачивал нас на новый курс, на курс новой экономической политики, он горько говорил:

«Где наш пролетариат, где та промышленность, которая может собрать пролетариат, консолидировать его, укреплять его классовое самосознание, его классовые чувства? Где он?»

Мы на этот вопрос можем теперь ответить: процесс рассасывания пролетариата закончился. Мы присутствуем при новом важнейшем политическом акте. Пролетариат собирается обратно в города. Города растут, процесс консолидации пролетариата усиливается. Вместе с тем растут и его культурный уровень, его материальное благосостояние. Процесс повышения заработной платы еще далеко недостаточный, и я расскажу, почему, но он несомненно есть. Мы имеем тенденцию роста заработной платы несомненную, и мы должны эту тенденцию дальше развивать. Совершается возрождение пролетариата, как политическо-организованной мощи, имеющей под собой твердую базу в развивающейся промышленности, которая уже не скачками идет, а по планомерному пути. Благодаря этому получается новое усиление удельной мощи пролетариата в нашем государстве.

Еще, товарищи, один показатель того, что мы за два года получили. Увеличилось количество нашей сельско-хозяйственной продукции, увеличилась продукция промышленности. Но имеем ли мы тот аппарат, который даст оборот этому товару? Вспомним наш аппарат транспорта, который являлся величайшим препятствием обороту, который лежал в параличе. Может быть, он является и теперь препятствием к обороту торговли, к развитию связи между городом и деревней, может быть, у него нет достаточно сил, чтобы поднять этот товарооборот? Нет, товарищи, вот цифры о транспорте: длина сети, действующей, работающей сети: в 14 году максимальная длина довоенной сети — 63 тыс. верст. В 1918 г. — мы свалились до 25 тыс., а в 1923 г. мы превысили довоенную сеть, у нас работают 64 тыс. верст. Работают, а не числятся на бумаге. На одну тысячу верст больше, чем работало в 1914 г.

А что мы перевозим? Если принять перевозку 13 года за 100, то в 1918 г. мы перевозили только 27%, в 19 — только 23% того, что мы перевозили до войны. В 22 году—33%,—поехало вверх, и в этом году—45%. Это значит, 45% от 13 года, и увеличение на ⅓ общего количества грузов, перевозимых железными дорогами за один год. Мы можем смело сказать: наш транспорт работает без отказа, так же как промышленность. Не получали отказа в этом году в транспорте ни наш товарооборот, ни крестьянское хозяйство, ни промышленность. Прежнее время, когда мы сидели все на телефоне и ждали отдельных вагонов, давным давно прошло и кануло в Лету. Транспорт работает без отказа. Мало того, все данные о его состоянии говорят за то, что он способен удовлетворить потребности товарооборота страны, как бы этот товарооборот ни увеличился. Мы можем смело с вами увеличивать все дальше и дальше и производство сельского хозяйства и производство промышленности. Транспорт не будет отставать. Да, мы здесь должны сказать, что

кровеносная система нашего народного хозяйства работает чрезвычайно правильно и планомерно. Тов. Дзержинский своим напором, своей энергией добился того, что ни промышленности, ни сельскому хозяйству, ни государственной власти не приходится теперь оглядываться на транспорт. Вопросы транспорта сняты с порядка дня. (Аплодисменты). Мало того, тов. Дзержинский хочет порадовать нас в наступающем году, — и мы ему поможем этой радости добиться, — сделать так, чтобы вся эксплоатация транспорта была бездефицитна, была бы сбалансирована. То, что мы тратили из народного кармана, из общенародных сбережений на поддержание этого транспорта, теперь останется на другие нужды в области эксплоатации железных дорог. Эксплоатация поставлена так, что она сама себя будет окупать. Наконец, мы знаем, что мало только перевозить товары при наших условиях, при нашей экономической политике, — для того, чтобы обращаться, они должны иметь еще некоторое орудие обращения, которое называется — деньги.

Я буду еще говорить о деньгах и о наших задачах в области финансов, но сейчас, разбирая вопрос, чего же мы достигли за этот год новой экономической политикой, и что у нас—действительно ли кризис нашей политики или какой-то другой кризис, я сообщу только одно: в этом году мы добились того, что поставили кредитную организацию таким образом, что она смогла оказать кредит государственным и кооперативным организациям на сумму 532 миллиона руб. золотом. Хозяйствовать нельзя, если нет кредита, хозяйствовать и планомерно хозяйствовать невозможно, если вы сидите только на одном бюджете. Эту истину мы поняли не очень давно. Кредитные учреждения мы стали организовывать только 2 года тому назад. И если мы в 2 года так сорганизовали кредит в нищей бедной стране, не имеющей международных связей, окруженной врагами, только что пережившей голод с людоедством, если мы организовали кредит для кооперации и госпромышленности в 532 миллиона руб. золотом, то это очень большое достижение. Мало того, наш кредитный аппарат—государственный банк сумел за это время, как основу своих кредитных операций, как основу для червонцев, накопить золота и иностранной валюты на 150 миллионов рублей золотом, и, опираясь на это, пустить в народное хозяйство здоровую, твердую деньгу—на 300 миллионов червонцев.

Имея перед собой этот факт, мы должны ответить, правы ли те господа, которые говорят, что мы за эти два года имеем кризис НЭП'а, имеем кризис самой политики. Это неверно. Наоборот, мы имеем рост всех отраслей народного хозяйства. Основной резервуар нашей хозяйственной энергии—сельское хозяйство—развивается и находится на правильном пути. База социализма, база диктатуры пролетариата—крупная промышленность развивается из года в год, улучшает свою организацию и идет вперед. Транспорт—кровеносная система наша работает без отказа. Деньги—неизбежный элемент народного хозяйства—улучшаются равным образом. Кризисы промышленности и транспорта разрешены, пролетариат консолидируется.

При наличии этих факторов может ли стоять вопрос о том, что новая экономическая политика не оправдала себя, что мы находимся перед кризисом основ нашей политики. Нет. Страна наша за эти

два года и в особенности за последний год стала богаче: она стала богаче хлебом, она стала богаче сырьем, богаче товарами и богаче деньгами. Благосостояние крестьянства и рабочего класса улучшилось и поднялось, и поэтому для нас нет никаких оснований пересматривать основные элементы той экономической политики, на почве которой все эти процессы развились. Не назад нам нужно итти, а вперед, вперед к тому, чтобы усилить элементы социализма, ибо новая экономическая политика—это не гладкая дорожка к социализму. Тот был бы величайшим утопистом, тот не был бы политиком, не был бы коммунистом, если бы он себе представлял, что новая экономическая политика есть умощенная гладенькая дорожка, по которой мы прямехонько в'едем в социализм. Нет, новая экономическая политика есть попытка построить социализм в аграрной стране, ее задача—пригонка национализированной пролетарской промышленности и крестьянского раздробленного хозяйства. Эта пригонка нам удастся не сразу. И не в одной книжке не говорится, как строится социализм, как регулировать промышленность. Рецептов на это нет,—это делается только на опыте. Тут мы будем учиться изо дня в день. Но, несомненно, на почве роста и крестьянского хозяйства и промышленности этот опыт мы должны будем преодолеть. Те, которые подсказывали нам провал октябрьской революции с самого начала, говорят нам и теперь: видите,—кризис; значит, выход в частном капитале—пожалуйте к частному капиталу.

Совершенно точные, бесстыдные, можно сказать, формулировки мы имеем на этот счет и мы должны к ним внимательно прислушиваться, так как они дают нам ту программу, которая может быть противопоставлена нашей.

Вот что эта программа говорит:

«Основной процесс возрождения народного хозяйства должен поэтому протекать в частно-капиталистических формах, а для этого требуется широкая денационализация и такие политические условия, при которых возможен приток внутреннего и иностранного капитала во все отрасли промышленности».

Это рецепт серьезных людей, серьезных в том отношении, что за ними кроется весь мировой капитализм, который смотрит на наши цифры, на наш кризис и говорит:

«А, господа рабочие, не удастся вам социализм построить».

А мы им хотим доказать: нет, социализм строится. Не так быстро, как мы бы хотели, в гораздо более трудных условиях, в условиях пригонки национализированной промышленности к условиям свободного рынка. Но элементы социализма все-же растут, и эта смычка между национализированной промышленностью и крестьянским хозяйством все время будет увеличиваться. Мы должны помнить, что эту работу мы совершили не один на один, у нас на хозяйственном фронте, на фронте строительства хозяйства не мы и рабочие, не рабочие и крестьяне только. Нет, мы с вами допустили и буржуазию. Она стоит тут около нашей работы, глядит на те ножницы, которые я вам сейчас покажу. И мы знаем, что всякое наше упущение в деле смычки между пролетариатом и крестьянством превращается в экономический капитал новой буржуазии. Мы с вами достаточно марксисты и реали-

сты, чтобы знать, что всякий экономический капитал пытается превратиться в политический капитал. Рост новой буржуазии, как результат недостаточно правильного решения вопроса о смычке между рабочими и крестьянами, есть явная угроза, которой мы должны смотреть в глаза, но от которой нам нечего приходить в панику.

Нас учил Владимир Ильич, что мы должны допустить буржуазию, но если мы допустим 5½ миллионов продукции сельского хозяйства обращаться на вольном рынке,—путем купли и продажи,— как же не вырасти буржуазным отношениям, как же не расти, как не пытаться буржуазии встрять между рабочим и крестьянином?

Мы должны смотреть этой правде прямо в глаза и принимать свои оборонительные и наступательные меры, но, прежде всего, должны видеть реальные очертания этой опасности.

Поскольку на основе рынка, который мы с вами не отменили и не собираемся отменить, новая буржуазия растет, присмотр за ней со стороны рабочих и крестьян должен быть самый строгий.

Но, прежде всего, этот присмотр должен итти со стороны нашего экономического строительства. Что же мы сейчас, действительно, имеем? Возьмем ножницы. (Диагр. № 3). Эти ножницы, как вам давно понятно, перестали быть экономическим вопросом. Они единственно политические вопросы, которые существуют у нас в республике, ибо они определяют смычку между рабочими и крестьянами. Вы видите, что эти «ножницы» приблизительно до сентября 1923 года идут, все время растворяя свою пасть, и с этого момента начинается решительная борьба правительства с этими ножницами. Мы пытаемся, поджимая с одной стороны и нажимая с другой—превратить эти ножницы в клещи, которые глушили бы тот НЭП'овский капитал, который в пасть этих ножниц пробирается. Насколько это нам удается и как удается нам дальше направлять эту политику? Решение вопроса о ножницах есть, действительно, решение основного вопроса.

Позвольте, товарищи, перед этой картиной ножниц, которая в абстрактной форме рисует вам расхождение цен на сельско-хозяйственные продукты, которые, как видите, ниже уровня, и на продукты промышленности, которые выше уровня, позвольте вам нарисовать конкретную картину того, как правительству приходится с этим вопросом сталкиваться и как в реальной жизни приходится решать этот вопрос. На Нижегородской ярмарке центросоюз решил закупить как можно больше товара. Руководствовался он простым соображением—крестьянин соберет хлеб к осени, продаст его и обратится ко мне, центросоюзу, за продуктами промышленности. Поэтому покупай побольше, а так как у крестьянина после реализации урожая будут деньги, то за ценой не стой. Но так как центросоюз, сам денег не имел, а надеялся заплатить трестам и синдикатам теми деньгами, которые он получит от крестьян, то он выдал на всю сумму закупки векселя. Этих векселей было выдано на очень большую сумму. Я возьму один только месяц. В ноябре центросоюз должен был заплатить 20 милл. нашим трестам, нашим синдикатам, нашим заводам. Товары свои он, благодаря прекрасной работе тов. Дзержинского, свез на места, они

лежали там, и он ждал получения из райсоюзов, из низовых ячеек, свои 20 милл. для того, чтобы отдать их чрез госбанк трестам и синдикатам. Подходит ноябрь месяц, и из всех райсоюзов центроюз вместо денег получает сообщения: товары лежат, крестьянин не покупает, поэтому выслать вам денег не можем. Тогда тов. Хинчук забирает все пакеты полученных сообщений и является, конечно, в СТО и говорит: я, товарищи, должен был в этом месяце внести трестам и синдикатам 20 милл. рублей, но у меня их нет. Почему нет? Крестьянин не покупает. Но не забудьте, товарищи, что, когда в одну дверь вошел тов. Хинчук с заявлением, что он не может заплатить, в другую дверь пришли к тому же правительству представители фабрик и заводов: мы расчитывали получит в ноябре от тов. Хинчука 20 милл., которые должны были обратить на выплату заработной платы, на закупку сырья, обновление машин, но мы слышали, что он платить не будет. Видите, как эта цепь обрушилась и на промышленность и на крестьянство. Крестьянин сидел перед товаром, видел эти товары, ему абсолютно необходимые, но по существовавшей цене он не мог их купить, а в то время промышленность, выпустившая свои товары и ожидавшая получить деньги для выплаты заработной платы, для покупки сырья, для развития производства, получила известие—платежей не будет. Что же делать промышленности? Закрывать заводы, сокращать производство, сорвать постепенный рост нашего производства, потому что крестьяне не купили товаров. Тут, действительно, цепь, которая ударила одним концом по крестьянину, другим концом по рабочему. И если бы мы не приложили всех усилий к тому, чтобы эти разошедшиеся лезвия сжать, если бы по обоим фронтам мы не стали действовать так, чтобы сжимать, то тогда получилось бы то, от чего предупреждал нас т. Ленин. Он говорил нам: товарищи, смотрите за крестьянином. Если придет такой момент, когда крестьянин скажет: мне ваша социалистическая организация не подходит, она дорога; оплачивать ситец, произведенный по-советски, я не могу, покупать керосин, который произведен на нефтяных промыслах, принадлежащих государству, я не в силах,—это будет грознейшее предзнаменование того, что мы социализм строим очень плохо. Вот почему этот вопрос для нас стал центральным вопросом.

Что же тут можно сделать? Прежде всего, надо поднять то лезвие ножниц, ту линию, которая указывает нам цены на сельскохозяйственные продукты. Эта линия (указывает по диаграмме) говорит о довоенном уровне. Если довоенный пуд хлеба стоил по этой линии (указывает по диаграмме), то нынешние цены на хлеб падали все ниже и упали так, что пуд хлеба дошел до этого уровня (по диаграмме). Потом, они стали подниматься. Вся энергия советского правительства должна быть ныне сосредоточена на том, чтобы всеми силами прийти на помощь крестьянину в под'еме крестьянских цен на хлеб. Но, что же тут можно сделать? Первое, что определяет цену на крестьянский хлеб, это обширность его потребления. Наша промышленность теперь уже, чем до войны, города меньше, чем до войны, область потребления крестьянского хлеба внутри России меньше, чем до войны. Единственная реальная помощь, которую может госу-

дарство оказать крестьянину для того, чтобы цена на хлеб повысилась, это усилить вывоз хлеба за-границу.

Надо помнить, что наше сельское хозяйство было построено, как часть мирового хозяйства. Мы вывозили до войны продуктов сельского хозяйства на миллиард золотых рублей, а потом, в течение войны и революции, вместо миллиарда, на нуль. Это перестроило все наше хозяйство. Если хозяйство приспособилось к тому, чтобы на миллиард золотых рублей ежегодно вывозить, а потом вывоз прекращается, то это должно было подействовать разлагающим образом на все строение хозяйства. Только в прошлом году проблема вывоза хлеба стала перед нами реально. Только после голодного года, мы могли поставить эту проблему, и правительство немедленно взялось за эту задачу. В прошлом году мы вывезли 40 мил. пуд. В этом году мы увеличили себе задачу в 6 раз — до 250 мил. Вы знаете, товарищи, что этот вывоз в 250 мил. пудов составляет только ¼ того, что вывозила Россия до войны, и, следовательно, это еще далеко недостаточный вывоз. Мы считаем, что главнейшей задачей нашей внешней политики, главнейшей задачей нашей дипломатии является отвоевать для русского крестьянского хлеба, для хлеба союзного крестьянства те мировые рынки, которые были потеряны во время войны и революции и были захвачены американцами. Это не так просто. Эта задача требует усиленной работы и внутри заготовляющих органов и вовне органов внешторга и нашей дипломатии. Мы ее начинаем решать благополучно. Отзывы, которые мы имеем, показывают, что реализация нашего хлеба на заграничном рынке идет хорошо и что мы этот рынок начинаем завоевывать. Мы должны понимать, что вне развития экспорта, вне завоевания свободной широкой дороги для продуктов русского сельского хозяйства за границей, у нас нет выхода из раздвижения ножниц.

Я бы хотел здесь, кстати, остановиться и вообще на нашем положении с заграничным вывозом. Не думайте, товарищи, что дело у нас здесь обстоит таким образом, что мы только недавно начали сноситься экономически с заграницей. Нет. Мы сносились с заграницей уже в 1921 году. Вот картина, которую дает нам импорт и экспорт (диаграмма № 4). Вот, как мы ввозили. Взгляните на эту линию, и вот как мы вывозили. Расстояние между ними показывает, насколько больше мы ввозили, чем вывозили. Мы, бедная, нищая и голодная страна, должны были затрачивать последние крохи накопленных ценностей, чтобы ввозить, и мы почти ничего не имели для вывоза. В начале 1921 года наш вывоз за границу равнялся нулю. Вот, как идет эта линия (показывает по диаграмме). Вот продовольственные продукты, которые мы были вынуждены ввозить в голодном 1921 году. Но, заметьте, линия экспорта все время повышается, колеблясь идет вверх. Только к осени этого года эта красная линия нашего вывоза побеждает черную линию — нашего ввоза, и мы начинаем вывозить больше, чем ввозили. Это, товарищи, и есть создание того активного баланса, который нам необходим. Мы должны, как можно больше вывозить, потому что нам надо очень много ввозить. Нам надо ввозить сырье для промышленности, машины для сельского хозяйства, лучшие семена, различные материалы, орудия и т. д.

Все это надо ввозить. Чем мы можем оплатить наш ввоз? Только нашим вывозом. Мы должны комбинировать ввоз и вывоз так, чтобы у нас накоплялась разница, получаемая от превышения вывоза над ввозом. Нам нужна некоторая разница, которую бы имел НКФин. Зачем нам эта разница? Может повториться опять несчастный голод, мы не гарантированы от неурожая, и нам нужен некоторый маленький запас. Если бы нам понадобилось ввозить в случае неурожая, необходимо, чтобы эти деньги у нас были. Мы кроме того помним, как я указывал в первой части доклада, что могут быть такие моменты, какие были в октябре—ноябре. Нам нужно на такой момент, когда потребуется напряжение всех сил иметь маленький запас. Наконец, нам нужно,—и это наша очередная задача,—получить хорошие деньги. На деньги, на которые мы жили последний год, жить нельзя. Чтобы иметь хорошие деньги, надо чтобы в государственном банке и в кассе НКФина лежал некоторый запас золота.

Вот почему развитие нашей внешней торговли, экспорта, с одной стороны, единственное реальное средство поднять цены на крестьянский хлеб, с другой стороны,—единственное средство, при помощи которого мы можем развить ввоз некоторых предметов, которые нам нужны.

Я сейчас задержу ваше внимание на изменении состава нашего импорта. Вот что мы ввозили (диаграмма № 5). Черное—предметы потребления. Красное — предметы производственного потребления. Черное — это то, что мы с'ели, красное — это то, что необходимо для развития нашего хозяйства, нашей промышленности. Вот 1921 год. Почти все ушло на то, чтобы покупать предметы продовольствия, в 1922 году немножко меньше предметов продовольствия и немножко больше предметов производства и орудий производства. А вот 1923 год. Вы видите, как сокращается из квартала в квартал, из месяца в месяц, становится незначительной величиной ввоз предметов личного потребления, и как громаднейшим образом вырастает ввоз в нашу страну машин, сельско-хозяйственного сырья и всего того, что необходимо для развития городской и сельской промышленности. Это—правильная линия. Правительство считает, что это—правильный путь, и что по этому пути надо будет итти дальше: не ввозить никаких предметов роскоши, производить внутри страны все, что можно; ввозить только то, что произвести мы не можем и что кладется в основу дальнейшего развития нашей промышленности.

Наконец, из области внешней торговли еще одно сравнение. Вот наши внутренние цены на хлеб по месяцам конца 1922 и 1923 года. А вот цены на хлеб на внешнем рынке (диаграмма № 6). Вы видите, как отстают одни цены от других. Вы видите, что когда мы подняли цену, мировые цены спали, появление русского хлеба на мировом рынке заставило хлебные цены понизиться. Но все же внутренняя цена еще отстает от мировой цены. Разница между ценой на внешнем рынке и внутренним будет всегда, но нам надо использовать внешний рынок для того, чтобы поднять цену крестьянского хлеба и внутри. И тут встает перед нами и крестьянством вопрос, кто же положит в карман эту разницу? При капиталистическом строе разница между внутренними и внешними ценами шла в карман капиталистов, хлебных

скупщиков, в карман банкирских фирм, которые держат в своих руках мировую торговлю хлебом. Монополия внешней торговли делает то, что мы получаем возможность направлять эту разницу в государственную казну и употреблять ее в интересах рабоче-крестьянского государства. Вот почему для крестьян монополия внешней торговли в этот момент является одним из важнейших орудий. Пусть наша дипломатия станет орудием крестьянства для того, чтобы крестьянский хлеб получил доступ на внешний рынок. Пусть монополия внешней торговли станет орудием того, чтобы крестьянский хлеб продавать за-границей как можно более выгодно для крестьянства, и чтобы весь доход от этого шел бы на пользу ему, а не на пользу частному посреднику. Тогда мы справимся с тем кризисом, который есть.

Но, конечно, не только вывозом будем мы лечить эти ножницы. Вывоз за-границу показал, между прочим, и то, что крестьянское хозяйство наше должно приспособиться к мировому рынку. Когда мы собирались заготовить 250 миллионов пуд. хлеба для вывоза за-границу, то главная доля этого хлеба пала естественно на рожь и лишь небольшая доля на пшеницу. А когда мы спросили за-границу, какой им нужен хлеб, то большинство стран ответило, что мы едим пшеничку, поэтому — подайте пшеничку. До войны одно животноводство, птицеводство, яйца и масло давали русскому сельскому хозяйству вывоз на 80 миллионов рублей. Заграница требует не ржи, а пшенички, требует яиц, масла. Это указывает на то, что наше крестьянское хозяйство должно реорганизоваться, приспособиться к мировым потребностям, поднять свой технический уровень, стать более культурным, более высоким, производить более ценные культуры. Здесь государство должно прийти на помощь. Мы должны помочь крестьянству совершить этот поворот, ибо, товарищи, не забывайте, крестьянство — единственная база для нашей промышленности. Крестьянство, непокупающее предметов нашей промышленности, создаст неизбежно крах национализированной промышленности. С другой стороны, социализм без крупной промышленности не существует. Отсюда ясно, что нити развития социализма приводят к платежеспособности и емкости крестьянского рынка.

Государство должно помочь крестьянству наладить и повысить технический уровень его хозяйства, но наше государство бедно. Мы знаем, что сейчас каждая сотня рублей, вложенная в сельское хозяйство, дала бы через год, через два громадную обще-национальную прибыль. Нет более плодотворного для увеличения богатства страны дела, как вложить капиталы в землю, как снабдить крестьянина машинами, как дать ему лучшие семена, как дать ему оборотные средства. Это верно, но обстоятельства, которые задерживают развитие мировой революции, делают нас бедными и заставляют на это величайшее дело отпускать жалкие крохи.

Правительство ставит своей задачей организовать дешевый сельско-хозяйственный кредит для крестьянина, организовать для этого специальный сельско-хозяйственный банк. Мы полагаем, что в этот банк в качестве основного капитала можно положить 40 миллионов золотых рублей. Это та основа, вокруг которой должны будут нарастать новые и новые капиталы.

Правительство идет даже дальше: весь запас сельско-хозяйственных машин, которые были произведены за последнее время и лежали на наших складах, мы решили немедленно пустить в крестьянскую среду по довоенным ценам и ниже довоенных, с длительной рассрочкой платежа.

Кроме того, как новый способ добиться тех же результатов, развязать хозяйскую энергию крестьянина, дать ему возможность больше приспособиться к своему хозяйству, повысить уровень последнего, мы решили в этом году окончательно покончить с натуральной частью налога и перейти на чисто денежный налог. Наконец, как завершение всех этих мер, которые необходимы чтобы поднять нижнее лезвие ножниц, чтобы повысить ценность крестьянского труда, чтобы увеличить покупательную способность крестьянина, мы должны будем перейти к новым деньгам, мы должны будем крестьянству, так же как и рабочим, дать эти новые деньги. Мы долго ездили на совзнаке, и он имеет много заслуг, но видимо дальше на этом «коньке» не поедешь, пора ему и в отставку.

Я буду еще говорить о денежной реформе, сейчас же только ограничусь указанием, что и денежная реформа нами рассматривается, как орудие увеличения благосостояния сельского хозяйства, как необходимое орудие поднятия этого самого нижнего лезвия ножниц.

Я уже сказал, что наша тревога по поводу крестьянского рынка потому так велика, что крестьянский рынок есть единственная база нашей национализированной промышленности. Не на городском рынке построим мы нашу тяжелую промышленность, он узок и мал, не на загранице, ибо туда мы своих продуктов вывозить не будем, так как нам не выдержать конкуренции, — наша промышленность должна опереться на крестьянский рынок, научиться приспосабливаться к крестьянскому рынку.

Как вы видели по ценам, имеющимся на диаграмме, по этим ножницам, мы в области приспособления достигли еще небольших результатов. Здесь, несомненно, не ошибка. Это трудно назвать ошибкой, потому что она не есть результат каких-нибудь сознательных усилий. Стихийные обстоятельства сложились так, что дело приспособления промышленности, ее цен к крестьянскому рынку до сих пор проходило у нас плохо. Ничего не было неестественного в том, что промышленность наша развивалась, промышленность, которая упала до 10% довоенной, что эта промышленность, когда почувствовала некоторую возможность развиваться, что она вся целиком, налегла: восстанавливай! развивай! И мы все ее поддерживали. Все мы глядели с трепетом на каждую новую трубу, которая начинала дымить, на каждый новый станок, который начинал двигаться. Но мы тут не соблюли темпа. Правило: «равняйся по крестьянской силе» не было у нас соблюдено. И что же у нас получилось? Получилось то, и в этом, товарищи, трагичность, если можно так выразиться, этих самых ножниц, что наша промышленность достигла только одной трети довоенной промышленности, только треть наших труб работает, дымит, только треть наших станков шумит, и эта вот одна треть нашей промышленности наткнулась на стену крестьянской бедности, вследствие которой крестьянство не может потребить про-

дуктов промышленности. Мы, при 36% довоенной промышленности, наткнулись на то, что крестьянин сложил руки и говорит: не могу взять твоей продукции.

Как же нам развертывать промышленность дальше? Может быть, действительно, положение таково, как радуются наши враги, что выхода нет, что надо свертывать промышленность? Нет, мы думаем, есть другой выход. Этот другой выход говорит: производи дешевле, равняйся по крестьянской силе, снижай цены. Для нас лозунг и приказ — снижай цены — есть политический лозунг, который говорит промышленности, промышленным организациям, который всем нам напоминает: приспособляйся к деревне! Наша промышленность реализовала 3/10 своей продукции в деревне, а 7/10 в городе, который богаче, который больше платит. Мы говорим: неверно, — ты должен в своем производстве производить такие продукты, которые ближе найдут доступ к крестьянству. Но мало того, что ты должен производить такие продукты, — производи их дешевле. Тут перед нами встает вопрос: производить дешевле не значит ли производить в убыток? Можно иметь сбыт, но тогда надо работать ниже себестоимости, в убыток. А кто будет доплачивать? То же государство. А государство откуда берет? Да с того же крестьянина. Или же возникает другая дилемма: иметь высокие цены, а сбыта не иметь. Тоже нельзя. Поэтому единственный выход — снижать цены, рационализировать, улучшать элементы производства.

Вот посмотрите цены (диаграмма № 7), оптовые московские цены, начиная хотя бы с железа. Вот видите, как они ползут вверх, как затем, по нашему приказу, они начинают снижаться. Снижение в октябре.

Вот вам сапоги, которые лезли вверх. Мы не добились того, чтобы их снизить, но, по крайней мере, за последние три месяца добились их стабилизации.

Вот сахар, который полз также вверх. Теперь мы добились его понижения и стабилизации.

Там, наверху (на диаграмме) рожь. Вот это—единственный товар, который имеет право лезть вверх. Все остальные товары надо загнать вниз, и они начинают загоняться. Вот сталь, вот уголь, вот железо. (Аплодисменты). Мы, товарищи, должны будем, естественно, преодолеть некоторое сопротивление, некоторую традицию, так сказать, автоматизм.

Хотя я задержал вас очень (**Голос с места:** Просим продолжать!), но не могу не показать вам, тоже на конкретном примере, каков темп восстановления промышленности. Перед вами была диаграмма, которая показывала рост нашей нефтяной добычи. В один прекрасный, или, вернее, сказать, непрекрасный день, к правительству являются представители одной из многочисленных наших комиссий, люди, которым мы привыкли верить, люди, достойные всякого внимания, и говорят: цена пуда нефти была в прошлом году 24 копейки, теперь мы решили, что цена эта должна быть повышена до 34 коп., 10 копеек надбавьте. Дело было в ноябре. Мы тогда их спрашиваем: почему же 34 копейки? Что это заключает в себе? Они нам об'яснили: 17 копеек — это себестоимость пуда нефти, а 17 копеек еще надо приплатить на капитальные восстановительные работы и расширение дела.

И тут перед нами встал вопрос: может ли наша бедная, разоренная страна, вот теперь, в 1923-м году, когда мы только-только начинаем подниматься, на 17 копеек себестоимости нефти дать еще 17 копеек на восстановление и развитие нефтяной промышленности? Конечно, нам всем хочется, чтобы эта промышленность получила бы громадный толчок вперед.

В этом году мы произвели 315 миллионов пудов,—на 50 миллионов пудов больше, чем в прошлом году. Давайте произведем еще на 50 миллионов пудов больше. Но для этого надо, чтобы население заплатило не только восстановительную цену, но еще добавило бы на темп восстановления 17 копеек. Мы вызвали товарищей коммунистов, которые стоят у самого источника, превосходных товарищей, людей, которым республика обязана грандиозным развитием нашего нефтяного дела, товарищей, которые вложили свой ум и революционную энергию в дело хозяйственного строительства. Мы вызвали тов. Серебровского и тов. Коснора и говорили им: по-вашему 34 копейки будет вам довольно? — Маловато, надо бы прибавить. Почему? Естественная психология—эти товарищи стоят на нефти. Они знают, что их задача—качай нефти, как можно больше, до довоенного уровня еще далеко. А ведь разве коммунист будет удовлетворен, если он довоенного уровня добьется? Ему нужно перешагнуть и за этот довоенный уровень, а до этого—еще далеко.

Мы спрашиваем: ты всю нефть продал?—Нет, говорит, запасец есть. Сколько? Миллион—два? Нет, десятками надо посчитать. Как же так? Ты думаешь увеличить цену и увеличить производство, а за это вся страна вместе должна будет тебе приплачивать на 17 копеек—17 копеек или же приплачивать на 20 копеек—14 копеек, или же на 24 копейки—10 коп. И это в то время, когда в области производства этой продукции обращение ее все еще не налажено—продать-то ты дешево не умеешь. И мы решили. Нет, товарищи, вы—прекрасные работники в своем деле, но превращать эту отрасль промышленности в насос, который будет высасывать из народного хозяйства средства для того, чтобы его так быстро восстановить, нельзя. Мы им сказали: по 34 копейки продавать не позволим, продавайте по 25 копеек.

Товарищ Серебровский приехал на с'езд. Я его спрашиваю: «Как работаете?»—«Правильно, говорит, что не дали. Хорошо работаем и прибыль получаем».

Вот, товарищи, эта история с нефтью показывает, как стремление, вполне естественное и неизбежное, как оно заставляет прекрасных товарищей совершать хозяйственные ошибки.

Из этого примера мы должны сделать один вывод: необходимо равнение по крестьянской силе, равнение по крестьянскому рынку: возможность продать товар, а не копить его на складах, есть обязательство для каждого хозяйственника и для всех нас, вместе взятых.

Ситец в июне месяце стоил 43 копейки (по 43 коп. его продавали на Нижегородской ярмарке), а когда завопили, что очень дорого, то в октябре комвнуторг (комиссия по внутренней торговле) приказал продавать его по 27 копеек, на 16 копеек дешевле, при этом полторы копеечки на аршин прибыли получается.

Значит, вопрос стоит не так, что ради приспособления к крестьянскому рынку мы должны продавать себе в убыток, должны продавать ниже себестоимости. Если бы вопрос стоял так, выхода бы не было. Вопрос стоит не так. Рынок может быть расширен. Крестьянский рынок благодаря экспорту, благодаря кредиту, благодаря понижению цен, может быть расширен и очень сильно расширен. Нужно только уметь к этому рынку проложить себе дорогу. Надо произвести, действительно, рационализацию всего производства, надо расчитать темп восстановления промышленности на более долгие сроки, надо помнить, что говорил Владимир Ильич,—может быть, не так быстро пойдем, но зато пойдем так, что крестьянская масса не будет от нас отставать. И тогда, говорил он, когда мы первые шаги пройдем, не прорываясь вперед, не отрываясь от крестьянской массы, тогда сразу наступит такое ускорение всего движения, в целом, ускорение—к социализму, которое мы даже и не можем предположить.

Как это сделать? Товарищи, этого не сделает ни Совет Народных Комиссаров, ни Совет Труда и Обороны, ни директор, ни трестовик, ни синдикат. Это должна будет сделать вся рабочая масса. Сокращение накладных расходов, улучшение производства, а вместе с тем и понижение себестоимости требует энергии, напряжения, энтузиазма самих рабочих масс.

Навалившись всей силой, мы должны здесь, в области производства, добиться прямых и быстрейших результатов. Иначе трещит смычка с крестьянином, и в эту трещину лезет новая буржуазия.

Когда рабочая масса вся целиком поймет, когда она, в лице своих профсоюзов, ближе примкнет к производству и будет рассматривать каждую калькуляцию, каждую цену, каждый выпущенный продукт производства, как орудие завоевания доверия крестьян к рабочему государству, к рабочему хозяйству, тогда мы это дело сладим, тогда мы эту задачу решим.

Конечно, на крестьянском хозяйстве, на крестьянском рынке нельзя держать всей нашей промышленности. Тяжелую металлургию не поставишь на крестьянское потребление. Она работала для железных дорог, она работала для судостроения, на оборону. И поэтому мы должны будем все, что мы сможем с'экономить, уделять нашей тяжелой индустрии. Мы добились того, что нефть сама себя оплачивает, что нефть стала на твердые ноги. Мы добились того, что Донбасс стал на твердые ноги. Перед нами, в области промышленности, третья очередная задача—металлургия. Так же, как раньше, мы поддерживали уголь, как потом мы поддерживали нефть, теперь придется сосредоточить все наши свободные средства на поднятие металлургии. Для памяти укажу вам, что промышленность взяла у нас громадную долю всего нашего кредита, что из 515 миллионов всех кредитных средств, которые мы имели, 415 миллионов мы отдали на поддержание промышленности. И мы делали это сознательно, по той простой причине, что промышленность не только есть база для диктатуры пролетариата, но что только промышленность может закрепить тот общественный порядок, при котором крестьянство, действительно, будет освобождено от эксплоатации капитала. Поэтому, нет тех жертв, которые мы не должны были бы принести, которые мы остереглись бы принести промышлен-

ности. Но промышленность, с своей стороны, должна понять, что она не может стать насосом; она должна приспособиться к крестьянскому рынку; она должна найти дорогу к крестьянину. Эта дорога лежит через торговлю.

Буду очень краток. — Тот, кто владеет торговлей, в данный момент командует на известных высотах. Тот, кто владеет и овладевает торговлей, тот распоряжается на рынке. Поэтому-то Владимир Ильич два года тому назад учил нас: «учитесь торговать». Странным показался этот лозунг многим и многим коммунистам. Как это — коммунист, советский работник, рабочий и крестьянин должен учиться торговать? А вот теперь, перед лицом этих ножниц, мы видим — да, действительно, социализм строится сейчас через уменье торговать. Тот, кто проторгует, помогает нэпману; тот, кто не умеет торговать, прокладывает дорогу буржуазии. Этот кризис показал, что мы торгуем скверно, что мы не научились делать того, чему учил нас Владимир Ильич. Не надо приходить в панику от того, что частный капитал заработал 200—300 миллионов. Частный капитал, к счастью, охватил у нас покуда только розничную торговлю, распыленную. Крестьянство в деревне обслуживает не госпромышленность, не кооперация, а частный капитал,—поэтому он распылен и лежит мелкими ядрышками. Но мы должны видеть угрозу: этот частный капитал, распыленный по всей деревне, будет собираться один к одному; из мелкого капитала будет составляться крупный капитал, если мы здесь не примем своих мер, если мы не пойдем на перерез.

Каким образом итти наперерез? Кооперацией и государственной торговлей. И вот, для того, чтобы сказать вам кратко и ясно, как обстоит дело с кооперацией, я из превосходного исследования, сделанного тов. Дейчманом, под редакцией тов. Микояна в Югвостс, которое есть худший обвинительный акт против нашего советского и коммунистического неумения торговать, выбрал эту таблицу (диаграмма № 8) Она проста. Здесь представлено движение спички от фабрики до крестьянина. Вот спичка вышла из фабрики. Вот рабочий смотрит, куда она пойдет. Стоит она 100. Проходит она через трест, затем едет в синдикат. Выходя из синдиката она уже стóит 195. Она в'езжает в центросоюз, оттуда выходит и стоит 207. Затем, так как т.т. Дейчман и Микоян обследовали Юго-Восточный край, у них есть там Ростовское отделение центросоюза,—оттуда она выходит и стоит уже 215, потом она идет в Донсоюз — все по порядку — и стоит уже 313, затем в Миллеровское отделение — 407, наконец, в Чертковский пункт — 455 и, наконец, в ЕПО в деревню, и тут крестьянин получил эту спичку за 527. Это — товарищи, дорога не к социализму (смех), это дорога от социализма. Если, где-нибудь какой-нибудь ловкий нэпман поймает эту коробку спичек на одном этапе или на другом этапе, ведь он заработает еще 100% и продаст крестьянину дешевле. И за что же крестьянин этот будет уважать того трестовика, того синдикатчика, того кооператора, который ему таким путем продает? И как вы об'ясните ему о союзе рабочих и крестьян? Вот, поэтому, эта картина, не экономическая картина только, а политическая картина. Она говорит нам, что если таким образом будет двигаться наша торговля и наша кооперация, то мы не сделаем того дела, ради которого взяли власть, так быстро, как нам этого хотелось. Нам

надо сосредоточить все внимание на этом обстоятельстве. Заметьте, ведь тут эта смычка двигалась только в кооперативном кругу, ведь тут нет ни одного частного посредника, нет перекупщика, нет ни одного взяточника, — она шла по всем кооперативным инстанциям. Эти инстанции надо разбить, если они только для того годятся, чтобы то, что сделал рабочий и что стоит 100, продать крестьянину за 527. Тут надо действительно принять самые решительные меры.

Мы запоздали. Мы скверно торгуем. Мы запоздали тем, что кооперацию давно нужно было перевести на добровольные начала. Надо было чистить кооперацию так, чтобы она сокращала свои звенья, чтобы кредит предоставлялся не центросоюзу, а местным организациям, и чтобы этим местным организациям предоставлено было право свободно торговать с трестами и фабриками, а не только через главкистскую верхушку центросоюза. (Аплодисменты).

Мы должны и в этой области сделать то, что сделано в других областях. Главкизм в кооперации нужно уничтожить.

Следующая мера, которая может быть направлена против всякого роста частного капитала, это регулирование цен оптовых и нормирование розничных цен. Мы встали на этот путь в отношении сахара, керосина и соли, где у нас есть известный запас. Там, где мы можем учредить надзор, мы переходим к нормированию цен, к твердым ценам, по которым продукт должен попадать крестьянину.

Я не буду больше останавливаться на вопросах торговли, думаю, что вы понимаете, какое громадное значение имеет торговля, как смычка между рабочим и крестьянином и какие громадные задачи стоят перед нами в этой области. Мы должны помнить завет Ильича: учитесь торговать. Ибо через торговлю, как это ни странно, как ни странен этот поворот исторического пути, создаются элементы социализма. А через торговое растяпство—создаются элементы буржуазного капитала.

Есть еще один канал, через который идут наши пути—это деньги. Тут перед нами величайшие трудности, и мы стоим в этой области накануне реформы, которую, если мы проведем, совершим еще одно дополнительное чудо, к тем другим чудесам, которые показали рабочие и крестьяне Союза Социалистических Республик.

Об'ем нашего денежного обращения в данный момент 366 миллионов червонных рублей. Вот эта линия (диаграмма № 9). Видите, в январе 1922 г. об'ем нашей денежной массы, общее количество денег в стране было гораздо меньше. Мы начали с узкого и все время дальше расширялись. Общий об'ем денежной массы у нас увеличивается,—это есть признак общего роста благосостояния страны. В стране стало больше товаров, товары стали больше обращаться, между городом и деревней завязывается оборот, денег требуется больше, поэтому мы в течение одного года могли увеличить в три раза денежное обращение. Но страна требует не только денег, она требует хороших денег. Хороших денег в январе прошлого года у нас было вот сколько (показывает по диаграмме). (Смех). А теперь, вот сколько хороших денег, их значительно больше (по диаграмме.) А вот это—остаток 16% плоховатых советских знаков, все же остальное переведено в твердые червонцы.

Мы имеем на 366 миллионов общей суммы денежного обращения 300 миллионов твердых червонцев и только 50 миллионов советскими знаками. Завоевание червонца есть живое опровержение того, что будто рабочие и крестьяне, которые не проходили никаких университетов и не учились финансовой науке, не могут поставить правильно своего хозяйства. Вся буржуазная Европа толковала: ну, да, рабочие и крестьяне умеют сражаться, свергать троны, занимать банки. Но вести финансовую политику — куда же им. А теперь мы видим такую картину, что при падении франка, при катастрофе марки, при общем нарушении всех валют, у нас в Союзе ССР введено в обращение на 300 миллионов рублей твердой валюты, а те банкиры, те правительства, которые нас не признают де-юре, очень хорошо признают бумажку, на которой написано: сие считать за 10 рублей и подписано: Сокольников.

Как вы видите, мы жили двумя валютами. Вот эта синяя краска (на диаграмме) показывает валюту советского знака, красная — червонца. Видите, как вся масса расширяется, как все большее место занимает червонец. Четыре пятых уже отвердело, одна пятая еще в советском знаке. Эти две валюты дальше становятся политически и экономически уже невыносимы. Советский знак, ныне орудие размена червонца. Но кто теряет на советском знаке? — больше всего рабочие и крестьяне, особенно крестьяне, которые не научились еще пользоваться сберегательной кассой, которая страхует советский знак, заработную плату рабочего. Существование советского знака дает возможность поднимать цены. Окончание денежной реформы, переход на твердую валюту, вот та задача, которую ставит перед собой правительство. Эта задача заключается в том, чтобы рядом продуманных и систематических мер ту одну пятую часть денежного обращения, которая осталась еще в форме падающего знака, заменить твердым казначейским рублем: один, три, пять рублей, и дополнительно к нему выпустить серебряную монету. Я сказал, что, если нам в течение не недель, а месяцев удастся провести эту реформу и завершить ее, — создать твердые деньги, это будет чудом, достойным новых строителей, нового социалистического общества. Вся Европа, которая бьется над валютным кризисом, должна будет признать экономику страны здоровой, если она могла достигнуть тех результатов, которых мы достигли за этот год, если она создаст твердую валюту. Это дело не простого декрета, не простого распоряжения.

Почему этот переход может быть заторможен, с какими опасностями мы должны считаться? Основная опасность — дефицитность нашего бюджета. Это — последнее, что я имею вам здесь сказать. Бюджет наш мы сводим с максимумом экономии, которая нам предписана всем положением страны. Вы сами все великолепно знаете, на своем опыте, как мы вынуждены резать все потребности. И вот, несмотря на сведение к минимуму наших потребностей, мы все же должны израсходовать в этом году миллиард сто миллионов. Это, товарищи, одна треть того, что расходовало правительство России до войны. Сюда не входят железные дороги и Наркомпочтель, которые представляют народные средства, потому что они тратят то, что получают, с некоторой дотацией. Мы должны израсходовать 1.100.000.000. Откуда мы должны их взять?

Вот почему мы должны быть благодарны советскому знаку, вот почему, когда он уйдет на покой, ему надо будет поставить памятник. Потому что, из 1.100.000.000, которые израсходовало наше государство в прошлом году, 460 миллионов мы покрыли этой эмиссией. Мы не скрываем этого, об этом писалось, об этом говорилось. Это форма налога, тяжелая форма налога, на которую нам надо было пойти, чтобы вырваться из той экономической разрухи, которая была. Но экономическая разруха проходит.

Мы становимся на правильный путь. Силы страны растут. Кризис, который мы имеем, не затрагивает этих основ, только подчеркивает необходимость очередных мер по смычке рабочих и крестьян. И в этот момент общего роста благосостояния страны, мы должны итти на сокращение эмиссии. Оздоровление нашего бюджета заключается в том, что, если в прошлом году 460 миллионов мы получили при помощи налога, который мы условились называть эмиссией, то в этом году мы хотим прекратить эмиссию. Благодаря выпуску бумажных новых твердых денег и выпуску серебряной монеты, мы хотим получить те 180 миллионов, которые нужны нам для покрытия бюджетного дефицита.

Я уже сказал, что мы собираемся в этом году, сжавши все потребности свои, сжавши и зубы и кулаки, израсходовать и на оборону страны, и на культурные потребности, и на промышленность, и на сельское хозяйство 1 миллиард 100 миллионов. Из них 250 миллионов идет на помощь промышленности и крестьянскому хозяйству. Откуда мы возьмем эти деньги? Мы не должны итти на увеличение налогов на трудовое население, поэтому мы должны получить прямыми налогами не больше, чем взяли в прошлом году, приблизительно 250 миллионов. Зато косвенными налогами мы получим 250 миллионов. Государственное имущество: фабрики, заводы, предприятия, наши банки дадут нам еще 200 миллионов. Таким образом, на покрытие самых необходимых наших нужд мы получим 750 миллионов. Нам придется присчитать сюда еще 180 миллионов, которые получатся благодаря тому, что мы выпустим твердые деньги и серебро. Это все вместе составит 900 миллионов. На 200 миллионов придется прибегнуть к кредитной операции.

В общем бюджет следующего года основан на том сокращении эмиссии, на сокращении эмиссионного налога и неповышении какихлибо новых налогов на трудовые слои населения. Вот, товарищи, общие итоги, к которым мы подошли в нашей работе по бюджету.

Вы имеете право спросить, как же мы характеризуем теперь наше общее положение, на что ушел этот год? Я, подводя итоги, сказал бы, что в этом году мы укрепляли свои крепости—те командные высоты, которые мы оставили за собой, открыв дорогу НЭП'у. И мы эти основные крепости нового социалистического порядка укрепили. Мы укрепили промышленность и на этой базе собрали вновь мощную силу пролетариата. Мы научились пользоваться, как орудием восстановления хозяйства, экспортом. Мы впервые в Союзе ССР создали, как орудие хозяйственного возрождения, кредит. Мы подошли к окончательному укреплению нашего денежного обращения. Мы занялись усиленной работой над улучшением нашего торгового аппарата и нашего аппарата

кооперации. Наконец, в области плановой работы мы достигли целого ряда реальных планов.

Я рекомендовал бы всем товарищам обратить серьезное внимание на розданный вам краткий отчет госплана, который показывает, как в практической работе изо-дня в день, не увлекаясь бюрократическими планами всеобщего планирования, а создавая основы и предпосылки для этого планирования, мы продвигаемся вперед в области плановой работы.

Эта работа, конечно, должна быть усилена. И теперь, имея эти крепости в своих руках, осмотревшись в них, укрепив их, отремонтировав, научившись пользоваться плановыми методами работы, мы можем смело сказать, что за этот год в промышленности, экспорте, в денежной системе, транспорте, и т. д. созданы основные предпосылки для планомерного, систематического изо дня в день ведущегося наступления рабоче-крестьянского союза против стихии капитализма, для укрепления начал социализма.

Мы смело можем сказать, что за этот год, несмотря на все карканья наших врагов, элементы социализма в нашем хозяйстве возросли. Возросло общее благосостояние, но в этом общем благосостоянии выросла, укрепилась роль национализированной промышленности за счет других мелко-буржуазных элементов. Мы научились владеть новым орудием строительства, двинулись вперед. Мы работали все вместе при поддержке всего советского аппарата, всей массы рабочих и крестьян для того, чтобы исполнить заветы Ильича. Мы работали по постройке социализма, и методами нашей работы были те методы, которые указал Ильич. Единственно правильное орудие — союз, смычка рабочих и крестьян. Цель наша велика, метод правилен, достижения на лицо. У нас были ошибки, ошибки в этом трудном деле неизбежны, общим коллективным разумом мы их будем исправлять, но с каждым днем мы убеждаемся, что недалек тот день, когда мы покажем всему человечеству, что русские рабочие и крестьяне не только умели разрушать старый мир, но умеют своей энергией революционным энтузиазмом, беззаветной преданностью делу строить новый мир братства и равенства, мир социализма. (Продолжительные аплодисменты).

Калинин. Об'являю заседание закрытым.

Заседание третье.

Утреннее, 31 января 1924 г.

Калинин (председатель). Заседание С'езда об'являю открытым. Приступаем к прениям по первому пункту порядка дня. Слово имеет тов. Элиава.

Элиава. Тов. Каменев от имени рабоче-крестьянского правительства доложил о тех успехах и о той работе, которая проделана после организации Союза Советских Социалистических Республик. Едва ли найдется теперь кто-либо такой, кто стал бы оспаривать целесообразность создания великого Союза Советских Республик. Едва ли найдется кто-либо, кто мог бы сказать, что после создания Союза ССР не было достигнуто успехов отдельных наций в области политического, хозяйственного и культурного развития, в области укрепления советской власти.

Я, товарищи, как человек, работающий в одной из республик этого Союза, на одной из окраин бывшей царской империи, хочу засвидетельствовать перед С'ездом, что только теперь, после создания нашего Союза, мы чувствуем, что диктатура рабочих и крестьян получила прочность и твердость, которую никакие внешние силы сокрушить не могут.

Был такой период на окраинах, когда мы, разрешив вопрос с изгнанием белогвардейцев, меньшевиков и других анти-советских элементов и установив советскую власть, не успели еще установить организационных связей между всеми советскими республиками, и тогда мы испытывали чрезвычайно сильное давление иностранцев, испытывали провокационную работу вышедших из этих окраин анти-советских партий, которые на системе раздробления, на системе отсутствия организационных связей между советскими республиками хотели строить свою политику завоевания этих бывших окраин. Теперь мы можем сказать, что этим поползновениям иностранцев и всех анти-советских элементов положен предел созданием Союза Республик. Только теперь национальные меньшинства бывшей российской империи получили полную гарантию самостоятельного творчества и самостоятельного созидания своей собственной жизни, получили условия для экономического преуспеяния, условия для роста культуры и т. д.

Здесь в данное время мы не смогли бы представить цифр, указывающих на то, какие успехи достигнуты после создания Советского Союза и установления советской власти в области хозяйства, культуры, просвещения и политического положения. Но я думаю, что каждый присутствующий здесь делегат как от коренных русских губерний, так и от инородческих территорий, после доклада, сделанного тов. Каменевым, и после опыта годичной работы должен уйти отсюда с полным убеждением, что равноправие наций, интересы поднятия культуры этих наций, интересы развития хозяйства, интересы укрепления власти трудящихся только с этого момента получили ту прочную основу, которая никакими внешними и внутренними силами разбита быть не может.

Я хотел бы, однако, указать на один чрезвычайно важный момент в нашей дальнейшей работе, который, по-моему, тов. Каменев не оттенил, и даже упустил из виду. Он ничего нам не сказал о том, что сделано и что предпринимается центральной советской властью Союза в отношении приспособления государственного аппарата к тому, чтобы Конституция Союза государственным аппаратом проводилась целиком и полностью на все 100%.

Конечно, многое сделано в этой области: и партия наша и центральная власть в этом отношении поработали много, но я, слушая внимательно тов. Каменева, не слышал от него указаний насчет этого, а это вопрос чрезвычайно важный. Наша Конституция прекрасна, наш Союз великолепен, об этом спора быть не может, но если мы не приспособим всех аппаратов, об'единяющих эти территории Союза, мы можем иметь некоторое искривление и некоторое искажение великой идеи Союза. Грехов таить нечего. Наши государственные аппараты, как в центре, так и на местах, среди мелких наций, не целиком наши—по людскому своему составу. Ведь, всякое государство управляется через посредство людей, и этот момент, мне кажется, имеет чрезвычайно важное и серьезное значение. Второй С'езд Советов Союза должен указать центральному правительству Союза на необходимость произвести решительную работу в области очищения государственного аппарата от всех наслоений, оставшихся после падения старого режима, и нам на местах также следует решительным образом выметать весь тот сор, который заполняет наш государственный аппарат и который остался от прошлого.

При наличии в аппаратах людей, оставшихся нам в наследство от старого мира как в центре, так и на местах, мы можем иметь искажение той работы, которая нам еще предстоит. Организационные формы, которые у нас есть, и организационная схема государства — прекрасна, но ее следует осуществлять посредством соответствующих людей, и на этом С'езд Советов должен остановить свое внимание.

Следующий вопрос: Чрезвычайно большое значение для нас имеет и будет иметь работа хозяйственных органов, об'единенных хозяйственных наркоматов, об'единенных трестов, синдикатов и банковских организаций. Мы за последние три года неустанно говорим, и тов. Каменев говорил об этом же, что мы хотим широко использовать в нашей экономической работе методы, которыми пользовался капита-

листический мир. И здесь тоже есть известная опасность в том отношении, что наши хозяйственные органы, об'единенные синдикаты и тресты, банковские организации могут практически повести работу так, что они могут исказить лицо и исковеркать линию работы нашего Союза. Вот на это обстоятельство я хотел бы обратить особое внимание Союзного С'езда Советов.

Наши достижения в области финансов, наши достижения в области промышленности, в области торговли и в области сельского хозяйства, указывают на большое накопление тех благ, посредством которых государство может жить и управлять. По дальше пойдет работа с нарастанием и развитием этих элементов государственного хозяйства, и наступит вопрос о том, как использовать и как приспособить все эти достижения для того, чтобы равномерно, по-братски, использовать их для широких масс великого Союза республик. И в этом смысле нам надо обратить на этот аппарат особенное внимание, потому что мы знаем, что в прошлом году и банки, и всякого рода тресты и синдикаты вели открыто колонизаторскую работу. Когда мы распространяем эти организации по всей территории Союза, у нас есть опасность, что людской материал, занятый в этих организациях, может исказить нашу линию. На это, товарищи, надо обратить особое внимание.

Из практики и мне, и многим из вас известно, как вели работу некоторые хозяйственные органы. Конкуренция, тенденция к вздуванию цен в погоне за материалом принимали иногда такие формы, что, по существу, эти органы советской власти проводили колониальную политику. Этого допускать нельзя. Товарищи, которые здесь сидят, с'ехавшиеся со всех концов нашего Союза, испытывали на себе давление этих хозяйственных органов, давление, иногда очень искажавшее их работу, но в сознании работников центральных губерний эта работа не преломлялась так, как в сознании тех мест, которые населены группами малых национальностей. Там такая неправильная постановка вопроса принимает иной характер, по иному отражается в сознании масс. То, что здесь может быть понято, как неувязка работы между центром и местами, неувязка между хозяйственными, банковскими и другими организациями, то там это может быть истолковано, как определенная политика, направленная против этих малых наций. Вот почему против этой неправильной постановки вопроса надо принять самые решительные меры и достичь такого положения, чтобы на 3-м С'езде Союза ССР нам было сообщено, что в этой области работа сделана на 75%, и возможность повторения тех приемов, которые были раньше, исключена.

Это может быть достигнуто только при условии, что центральные органы как государственные, так и всякого рода об'единения экономического характера, все они направят свою работу по линии организационной увязки с местами. В конце-то концов, ведь ответственность за всю работу и практическое выполнение всех заданий, которые даются из центра Союза,—все они осуществляются работниками на местах.

Я полагаю, что сейчас 2-й С'езд Союза ССР, после того, как мы оформлены в единое мощное государство, которое на-днях, вероятно, признают и иностранцы, это государство должно теперь обратить свое внимание на отделку всех деталей своего внутреннего устройства. Внеш-

няя сторона нашей государственности прекрасна. У нас прекрасная Конституция, так что теперь наша работа должна пойти по линии отделки всей внутренней работы—связи с местами. Надо нам отделывать наш Союз изнутри. И этот год нашей работы должен быть направлен на эту сторону строительства. Ни на минуту не уменьшая наших стараний, надо накопить средства, улучшить наше денежное обращение, нашу промышленность, но, на-ряду с этим, надо обратить особое внимание на то, чтобы пригнать все отдельные части нашего государственного аппарата к этой великой идее Союза Советских Социалистических Республик.

Если мы эту работу проделаем, мы создадим, действительно, такое государство, которого мир никогда не знал, такое государство, в котором многочисленные нации, стоящие на различных ступенях экономического развития, могут сказать, что только в пределах Союза Социалистических Советских Республик, созданного на развалинах капиталистического государства, все нации получили одинаковую возможность развиваться, получили полное равенство.

Мне думается, товарищи, что тогда перед нашим Союзом поколеблются все враги, и мы двинем идею диктатуры рабочих и крестьян далеко вперед. Поэтому, полагаю я, что в тех решениях, которые будут вынесены С'ездом, должны быть зафиксированы эти два момента, о которых я только что говорил.

Председатель. Слово предоставляется тов. Ржепко.

Ржепко. Дорогие товарищи! Мы приехали сюда со всех концов Союза Республик.

Вчера мы заслушали доклад Союзного правительства, сделанный тов. Каменевым. Видно, что Союзное правительство, в период от первого Союзного С'езда до 2-го, наметило правильно линию своей работы, но в этот период проводить ее пришлось с большим трудом,—это тоже видно из доклада. Буржуазный мир ставил преграды этой работе. Но в настоящее время этот буржуазный мир, как видно из доклада, склоняет голову перед могучим Союзом республик.

Товарищи, я, как представитель Украинской республики, должен сказать, что, если мы будем скрывать перед С'ездом те или другие экономические и политические обстоятельства, то мы предоставим еще больше трудностей в работе нашему Союзному правительству.

Украина когда-то была гнездом бандитизма и шовинизма на почве политической и религиозной.

Благодаря усилиям Союзного правительства, благодаря стальной спаянности коммунистической партии, благодаря разуму тов. Ленина, мы очистили Украину. В настоящее время она очищена от всех бандитов, и прививка коммунистической партии идет удовлетворительно.

В Подольской губернии, где польские паны и румынские бояре старались посеять зерно злобы, старались в корне подорвать советскую власть, в этой губернии крестьянская масса все же узнала, что ее кормили только ласковыми словами, а на деле ее ждал обман. Крестьяне узнали, что коммунистическая партия их не обманывала и не обманывает, что только она выведет их из нищеты и освободит от угнетения капиталистов и крупных землевладельцев.

Но, товарищи, не надо закрывать глаза С'езду, — агентура буржуазии нашла выход. Какой? Она обратила свое внимание на религиозность масс. Буржуазия знает, что народ темен, вот и стали устраивать какие-то чудеса в Подольской губернии, вблизи от границы Польши и Румынии. Они расчитывали, что этими чудесами они выиграют что-то. И, правда, крестьянство начало большими массами паломничать к этим чудесам. Враги наши считали, что коммунистическая партия и Союзное правительство примет меры, вооруженной силой станет препятствовать этим хождениям. Но получилось не то. Я хочу добавить для товарищей беспартийных, что я крестьянин, беспартийный. Так вот, коммунистическая партия пошла не так, как думал враг. Она пошла агитационным путем, мирным, тихим, путем вразумления. И это хождение значительно сократилось. Но Союзному правительству придется еще продолжать начатую агитационную борьбу, хотя бы для этого потребовались большие силы и средства.

Что касается сельского хозяйства Украины, то оно уже значительно поднялось. В настоящее время нужно только ножницы сжать, а то крестьянин Украины попадает в эти ножницы не снизу и не сверху, а прямо посередке. Когда крестьянину приходится поднять свое хозяйство одному снизу, — ему это трудно; когда же помощь идет сверху, — дело движется лучше. Вот отсюда-то и выходит, что нашему Союзному правительству нужно напрячь все силы для того, чтобы открыть правильную, чистую, как хрусталь, кооперацию, которой государство должно оказывать помощь. При помощи этой кооперации и сельско-хозяйственных государственных банков, крестьянство увидит эти ножницы не такими, — они сойдутся.

Товарищи, по единому сельско-хозяйственному налогу линия правильная. Крестьянство смотрело на него, как на настоящую правильную вещь, и сказало: политика единого сельско-хозяйственного налога есть правильный подход в деле укрепления нашего хозяйства. Нам не стучат у двери 15 требований в один день, а сказано: уплатил и сиди спокойно. Правда, по Украине было много недоразумений. Но в настоящее время, я надеюсь, после 2-го С'езда, наше правительство сумеет и эти недоразумения очистить.

Смычку города с селом крестьянин не понял до сих пор. Эти слова — «смычка города с селом» — он раньше считал смычкой крестьянства с купечеством; теперь он начинает понимать, что смычка города с селом, это — смычка рабочего и крестьянина, и что этой смычкой он сможет победить не только свои недостатки, но и весь капиталистический мир.

Калинин. Слово имеет тов. Мендешев.

Мендешев. Товарищи, нет никакого сомнения в том, что правительство социалистических советских республик употребило героические усилия для того, чтобы укрепить социалистические основы нашего Союза. Результаты работы правительства за год так ярки, что против них сказать ничего нельзя. Данные, которые были представлены вчера в докладе тов. Каменева, достаточно основательны. Общее улучшение и политического, и экономического положения нашего Союза вполне установлено. Здесь я хочу сказать о том, что это общее улучшение поло-

жения в наибольшей своей части касается промышленных и центральных районов нашего Союза. Хуже обстоит дело на окраинах.

Здесь тов. Элиава касался положения союзных республик, которые вошли в Союз и которые до этого были самостоятельны. Я хочу коснуться положения автономных республик и областей, которые находятся в Российской Федерации. Эти отсталые, ранее угнетавшиеся нации, с самого начала существования советской власти в России, получили возможность строительства своей жизни, соответственно своим бытовым, национальным и экономическим особенностям. Только в области хозяйственного строительства эти республики тесно связаны с Федерацией в целом. Поэтому все благополучие этих автономных республик и областей находится в зависимости от экономического положения Федерации. В этом отношении я должен, прежде всего, остановится на организации и управлении хозяйством и промышленностью. До последнего времени положение было таково, что в автономных республиках и областях, обыкновенно, открывались филиальные отделения центральных государственных учреждений: пром. бюро, отделения центросоюза, отделения Хлебопродукта и т. д. Эти филиалы не связывались организационно с местными органами власти. Они выполняли исключительно задания, которые давались из центра. Такое положение не давало филиалам возможности приспособляться и обслуживать интересы и нужды местного хозяйства в этих автономных областях и республиках. Может быть, в начале, при слабости аппарата местной власти, ввиду неполного еще оформления этих республик и областей, такое положение было целесообразно, но теперь, после 6-ти лет существования советской власти в этих областях и республиках, такое положение должно быть изменено. Эти республики и области имеют теперь уже достаточный опыт, они достаточно оформлены, и сейчас хозяйственные органы должны быть там организационно связаны с остальными местными органами.

Правда, в прошлом году центральное правительство стало на этот путь, и теперь вместо филиалов, вместо отделений мы начали уже организовывать национальные советы народного хозяйства, советы народного хозяйства в каждой республике, области и затем национальные кооперативные центры. Я здесь хочу указать только на то, что в дальнейшем эту работу необходимо углубить и дальше расширить. Необходимо допустить в этом отношении, в отношении управления хозяйством, в отдельных областях и республиках некоторую децентрализацию, не нарушающую, конечно, общей стройной системы хозяйственного строительства нашего советского Союза. Я здесь целиком присоединяюсь к тому положению, которое здесь выставил тов. Элиава. — эти органы должны быть пополнены людским составом из массы этих республик и областей, чтобы лицо нашего советского Союза не исказилось, не получило бы неправильного отражения в хозяйственных органах.

Дальше, о кооперации и торговле. Тов. Каменев в своем докладе привел пример движения спички от фабрики до крестьянина и указал на тот круг, который должна была пройти эта спичка от фабрики до крестьянина. Все-таки, в конце концов, эта спичка должна была пройти через кооперативные органы, а там, в далеких окраинных республиках и областях, такого положения сейчас нет. Там нет кооперации, там го-

сударственный торговый аппарат до того слаб, что не может снабжать товаром деревню. Там до сих пор товары не доходят до туземца, и он свои насущные нужды в отношении одежды и жилища удовлетворяет теми материалами, которые производит сам. Если же местами товары и доходят, то через частного капиталиста в лице спекулянта и различного рода торговцев. Там этот враг чрезвычайно опасен, и борьба там гораздо труднее и сложнее. Вот на эту сторону,—на сторону организации кооперации в национальных областях и республиках, на постановку государственной торговли должно быть обращено усиленное внимание. До сих пор эта сторона работы была слаба. Автономные республики и области употребляют все свои силы и средства на этот предмет, но их недостаточно, здесь нужна большая поддержка и центра.

За истечением моего времени я не могу дальше развивать свою мысль. Я думаю, что в тех решениях, которые С'езд примет по докладу правительства, должны быть отмечены эти два момента. Во-первых, установление организационной связи хозорганов в автономных республиках и областях с местными органами власти и, во-вторых, развитие кооперации, лучшая постановка государственной торговли в этих республиках и областях, для чего должны быть отпущены средства из общесоюзной кассы.

Председатель. Слово предоставляется тов. Позерну.

Позерн. Товарищи! Для хлебородных мест России, в частности, для юго-востока, от которого я здесь говорю, основным моментом настоящей политики является вопрос об успешности сближения концов ножниц. И нигде, быть может, не чувствовалось так остро это расхождение ножниц, как на юго-востоке. В сентябре этого года покупательная способность крестьян сократилась в 10 раз против довоенного. Крестьянин мог покупать промышленные товары лишь в размере 11% против довоенного времени. Это было в сентябре.

Каковы же результаты того нажима, который произведен сверху, и той работы, которая произведена за это время на местах? В половине декабря мы имели уже покупательную способность крестьян в отношении промышленных товаров вместо 11%—34%. Больше, чем в три раза. Это значит, что работа идет успешно, что она правильна. Но в то же время и сейчас уже ясно, как много остается сделать, чтобы эту покупательную способность с 34% поднять до полных 100%. Это наша ближайшая цель и в этом направлении нужно продолжать работу и в центре, и на местах.

В центре, тов. Каменев говорил нам, снизили цены на ситец с 41 к. до 27 коп. Но мы знаем, что хозяйственники поставили здесь недурную колючую проволоку, которая называется мягким словом «ассортимент». Когда нам нужно для деревни купить дешевый ситец или бязь (например, ситец по 27 коп.), и мы приходим в трест, нам говорят, что на кусок ситца бери 5—6 кусков или сколько там кусков другого тяжелого одежного товара, на который цена трестами так не понижена, и который поэтому лежит на полках кооператива кипами, оставаясь недоступным крестьянам. Я понимаю хозяйственников. Я сам работал в текстильной промышленности не так давно и понимаю законность их стремлений сохранить больший масштаб накопления для большего раз-

вертывания промышленности, но, несмотря на это, твердая линия должна быть продолжена здесь, и колючая проволока должна быть оборвана без милосердия.

Товарищи, успешно ли идет экспортная работа? Юго-восток является, повидимому, одной из главных баз экспортной работы. С 1 июля по сегодняшний день вывезено из юго-востока более 33 миллионов пудов хлебо-фуража, т.-е. ⅓ часть вывоза хлеба всего Союза республик, хотя население наше составляет всего 6% населения всего Союза республик. Здесь мы можем сказать, что в области экспорта—дело двигается вперед. Сближение ножниц есть в значительной части результат удачного экспорта, и цены на пшеницу юго-востока сейчас уже поднялись выше 1 рубля, до 1 р. 10 к.—1 р. 20 к. и доходит до довоенного уровня. Но нужно отметить и то, что кукуруза в Горской области стоит все же 6 с половиной коп. пуд в 10 верстах от станции железной дороги. Я был сам в Кабардинском ауле и справлялся о цене, по которой кооперация принимала кукурузные кочаны. Еще слишком много нужно сделать для того, чтобы захватить экспортной работой все районы, особенно окраинные, поставить правильно работу и для этого нужно сверху обратить внимание на большую эластичность государственных заготовляющих органов, а на местах призвать товарищей к более активной работе в этом направлении.

Успешность работы экспорта тормозится, однако, падением курса нашего советского знака. Тов. Красин как-то сообщил, что экспортная работа несет 22 с половиной процента убытка, вследствие падения курса советских денег, т.-е. на каждый пуд пшеницы крестьяне теряют 10—15—20 коп., благодаря существованию нашего советского знака. А там, где происходят заминки с выдачей червонцев, эта потеря повышается вдвое. Этому у нас есть примеры. Вопрос о ликвидации советского бумажного знака—вопрос острейший и первый. Кооперация в деревне несет у нас от падения курса совзнаков 30% убытка, 30% у нее накладных расходов оттого, что она советский знак не может превращать немедленно в твердую валюту. Значит, к чему сводится кредит сельско-хозяйственный? Когда попытались выдавать советскими знаками сельско-хозяйственные ссуды, то оказалось, что на месте крестьяне, получившие советские знаки и не успев перевести их в червонцы, теряли до 40%. Как они будут возвращать эти ссуды? Кредит деревни оказывается неосуществимым и поэтому советской бумажке должен быть положен конец. Как бы тяжело ни приходилось исполнять налоговое бремя, налоги должны быть собраны для того, чтобы избавить всю страну от тяжелейшего налога, налога на падение бумажного советского рубля. И мы должны твердо сказать: должен быть приближен тот день, когда мы с вами перестанем быть миллионерами и превратимся в копеечников.

Другой вопрос, которого я здесь хочу коснуться. Налоги, о которых я говорил, сами по себе не тяжелы, но тяжело то, что наш аппарат не эластичен, не упруг, и поэтому налог большей своей тяжестью ложится на бедняков деревни.

Перехожу к важнейшему вопросу, которого касался здесь тов. Элиава. Нам нужно прочно построенное здание улучшить внутри. Если тов. Элиава говорил о торговых органах и высших аппаратах, я скажу,

что наше внимание в ближайший год должно быть направлено на низовой аппарат, на низовые звенья, работающие в деревне. Без улучшения этого аппарата, без его поднятия, не будет настоящей смычки с деревней, ибо в ней еще сохранились остатки старого полицейско-крепостнического режима, и на вопрос: есть у нас в деревне взятка? мы должны откровенно ответить—есть. Черепушка с маслом еще играет большую роль в деревне, когда дело идет о защите крестьянского интереса и об обращении его к низшим советским органам. На одном из с'ездов советов на юго-востоке выяснилось, что уполномоченный волости, хлопоча везде и везде получив отказ, пришел к председателю губисполкома на квартиру и принес ему 10 фун. масла и был ошеломлен, когда председатель губисполкома арестовал его за это: «Злого ничего на уме не было, хотели по-хорошему сделать, за что же?». На с'езде крестьяне говорят: «Да что же, мы сами виноваты, напутаешь, напутаешь, остается только черепушкой с маслом распутать дело». На этом же С'езде Советов поступила ко мне другая записка многознаменательного содержания: имеет ли право фининспектор бить по лицу члена волисполкома за то, что он опоздал подать ему лошадей всего на 15 минут? Товарищи, это также целая страничка деревенского быта, может быть, эта страничка только окраинной жизни, хочется именно думать так, но все же мы должны сейчас устремить все свое внимание на низовой аппарат, который должен быть очищен от остатков полицейского режима. Там они еще есть. Речь идет в первую очередь об организационном пересмотре этого аппарата, этим занимается РКИ, этим должны заниматься все на местах, и из центра должно быть дано твердое указание об этом. Но, кроме организационной перестройки, внимание должно быть сосредоточено на упорядочении работы аппарата, в том виде, как он есть сейчас, нужны решительные меры к улучшению положения работников на местах, председателей и членов волисполкомов, чтобы с них можно было спросить и чтобы они могли отмести от себя взятку. Они сейчас фактически этого сделать не могут, получая жалкие несчастные гроши. Сейчас, товарищи, вопрос в том, чтобы низовой советский аппарат поднять, чтобы отсюда, со С'езда, была дана в этом отношении твердая линия, твердое задание на грядущий год и центру, и местам. Необходимо совместными силами Совнаркома и ЦИК'а, с одной стороны, и губисполкомов и уисполкомов—с другой, взяться за этот аппарат, который должен быть превращен в настоящий подлинный советский аппарат, чтобы при помощи его внести в деревню настоящую советскую культуру.

Председательствующий. Слово предоставляется т. Скрыпнику.

Скрыпник. Товарищи, 2-й С'езд Советов Союза впервые разбирает отчет своего правительства, и поэтому можно и следует поставить вопрос о том, что им сделано. На 1-м С'езде Советов Союза мы провозгласили об'единение в один Союз советских республик всех народов, сбросивших с себя власть капитала. Теперь можно подвести некоторые итоги и спросить себя, что сделано для реализации этого обещания, данного нами всему миру трудящихся и угнетенных народов.

Обращаясь к тому, что сделано, можно с удовлетворением сказать: сделано большое, крупное и ответственное дело осуществления

в жизни того, что нами было декларировано и намечено. Заявить о возможности в рамках одного Союза жить жизнью братского союза равноправных народов, раньше угнетавшихся царизмом,—это очень важное и большое дело, но этого недостаточно. Нужно претворить эти начала в жизнь, и вот в текущем отчетном году эта работа была произведена. Кроме декларации, договора образования Союза, выработана Конституция, и нужно прямо и открыто сказать, что Конституция эта является действительным осуществлением того, что в декларации, в договоре об образовании Союза, было намечено. И далее следующий шаг: выработка положений о центральных органах Союза Советских Республик и выработка взаимоотношений между центральными органами Союза и центральными органами союзных республик. Здесь опять-таки нужно признать, что в общем и целом линия, проведенная на практике советским правительством, вполне отвечает тем заявлениям и декларациям, которые в прошлом году на 1-м С'езде Советов Союза были сделаны.

Мы можем с гордостью признать, что за год, прошедший с 1-го С'езда Союза ССР, мы пошли дальше в реализации наших заявлений о возможности осуществления в рамках советского строя совместной и дружной работы народов, независимо от их прежнего положения, от степени государственного их развития, об'единенных только освобождением своим от власти капитала. Здесь работу правительства Союза надо признать вполне удовлетворительной и необходимо дать наказ ему и далее в этом направлении столь же твердо итти. Ибо, товарищи, дело не сразу делается. Мы строим Союз народов на новых, миром невиданных, началах, и поэтому, разумеется, мы сразу не можем все здание этого Союза построить и сразу все остатки, столетиями и веками угнетения накопленные, выкорчевать.

Делается дело постепенно. Оно делается довольно крупно и быстро, но, пожалуй, следует указать на маленькие черточки, на то, что нужно еще сделать. Здесь, мой предшественник по трибуне, тов. Позерн, высказывая всю горечь, накопившуюся от отдельных зол на местах, все это принес к С'езду Советов Союза. Это понятно. Это—об'единяющий нас общий орган. Но когда тов. Позерн начинает говорить о том, что подбор работников в волисполкомах юго-восточной области, где работает т. Позерн, должен стать делом Союза, то мне хочется спросить: а что же будет делать тогда югвостбюро и др. органы этой области и тов. Позерн, работающий на юго-востоке? Это дело наших местных органов. Союз советских республик будет тверд и мощен в меру того, поскольку будут мощны и крепки союзные республики, в союз входящие. Вот почему нужно предложение т. Позерна обратить к советским органам, работающим на юго-востоке РСФСР. Вот почему, между прочим, нам, членам Союза, нужно думать об укреплении и развитии каждого входящего в Союз члена. Вот почему позвольте мне, представителю Украинской Соц. Сов. Республики, здесь указать на необходимость укрепления и развития Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Это необходимо сделать.

РСФСР — центральный стержень нашего союза. Она об'единяет наиболее крепкую, наиболее ранее организовавшуюся в Союз Совет-

скую Республику. И мы все заинтересованы в том, чтобы РСФСР являлась бы наиболее прочной опорой и базой всего нашего Союза. Поэтому-то и нужно пожелать, чтобы в следующем году РСФСР конструировала бы более полно и определенно свои центральные государственные учреждения. Чересполосица, имевшая место до сих пор у центральных органов РСФСР и Союза ССР, в силу их территориального положения в одном городе (ибо Москва является столицей и Союза советских республик, и РСФСР), приводили к тому, что у нас отдельные Союзные органы исполняли вместе с тем и обязанности органов РСФСР. Так было, как-будто, с госпланом, так было с экономическим советом и СТО, и масса других Союзных органов, одновременно исполняли обязанности органов РСФСР. Что это означает? Это означает, что их сила и внимание раздваивались. Они должны были одновременно обслуживать все органы, все нужды всего Союза и вместе с тем иметь в виду специальные нужды РСФСР, и эти специальные РСФСР'ские нужды перед органами Союзными отстаивать. т.-е. отстаивать перед самими собой. Это положение ненормальное. Оно должно быть изменено. Мы должны здесь всем Союзом помочь РСФСР твердо стать на ноги, как наиболее твердому, наиболее мощному, наиболее организованному члену нашего Союза Советских Социалистических Республик.

Товарищи, я не буду критиковать деятельность правительства в области организации Союза. Я заявляю: отдельные вопросы требуют дальнейшего развития, в частности, вопрос о бюджете, но в общем С'езд Союза должен признать ее удовлетворительной.

Теперь позвольте мне только лишь два слова сказать об одной специальной задаче, которая, по моему, должна быть подчеркнута здесь, на 2-м С'езде Союза ССР, перед нашим союзным правительством. В отчете союзного правительства докладчик, заместитель председателя Совнаркома Союза, тов. Каменев, говоря о взаимоотношениях Союза с окружающими нас державами и республиками, говорил о некоторых осложнениях, стоявших на пути признания Союза ССР со стороны соседней с нами Польской республики. Тов. Каменев заявлял о том, — снова и который раз,—что Союз республик готов полностью выполнять взятые нами на себя обязательства и в том числе обязательства, взятые нами на себя по Рижскому договору. Это хорошо. Так и должно быть. Наше слово твердо есть. Но я хотел бы, чтобы было слово твердо и с другой стороны, ибо мы Рижский договор подписывали и брали на себя обязательства, зная, что обязательства берутся и другой стороной. Мы свои обязательства выполняем,—выполняет ли эти обязательства другая сторона — Польская республика? Прямо и определенно с этой трибуны заявляю: нет. По Рижскому договору, Польским правительством было взято на себя обязательство полностью и всемерно соблюдать права национальных меньшинств тех территорий, которые вошли в состав Польской республики. Сотни тысяч и миллионы украинцев и белоруссов и русских находятся на территории Польской республики, и если по Рижскому договору мы заявили, что мы — Россия, Украина, Белоруссия, а теперь Союз ССР, не пред'являем государственных претензий на эти территории, населенные нашими собратьями по крови и по положению, то это не значит, что мы не заинтере-

сованы в выполнении Польской республикой обязательств, взятых ею по Рижскому договору в отношении наших братьев и товарищей. Национальные гонения, испытываемые украинцами, белоруссами, русскими, немцами и евреями в Польше, достигают неимоверных размеров: школы закрываются, культура гонится, все не владеющие польским государственным языком увольняются, все полонизируются и в Холмщине и на Волынщине, и в Подляшьи, и в Галичине. Были протесты по этому поводу со стороны наркоминдела УССР и со стороны наркоминдела РСФСР. Я хотел бы ожидать, чтобы и наркоминдел всего Союза ССР при взаимоотношениях и переговорах с Польской республикой имел в виду этот момент несоблюдения Польской республикой Рижского договора. Это можно и должно сказать именно здесь, с трибуны 2-го С'езда Союза Советских Республик. Мы не можем ожидать и требовать от буржуазных капиталистических правительств, чтобы они были в состоянии строить взаимоотношения внутри своих государств на началах равноправия народов, свободы народов и устранения угнетения. Пример всему миру в этом отношении показывает наш Союз. Но мы можем и должны ожидать, чтобы одновременно с тем, как по всему миру проходит весть о возможности и реальном осуществлении мирной и братской связи народов в Союзе Советских Республик, договоры, обеспечивающие минимальнейшие права угнетенных народов, капиталистическими республиками были соблюдаемы. Это поручение (пусть оно не будет написано, мне это не важно) это поручение Союз республик может дать своему правительству: дальнейшее развитие начал равноправия и свободы освобожденных от власти капитала народов внутри Союза и дальнейшая политика соблюдения договоров, обеспечивающая в минимальной мере эти начала вне Союза. Такова политика Союзного правительства есть и таковой должна быть (Аплодисменты).

Председатель. Слово предоставляется тов. Мусатбекову.

Мусатбеков. Товарищи, в отчете нашего Союзного правительства, мне кажется, прежде всего, необходимо отметить те достижения, которые мы имели в области нашего международного положения.

Если еще год тому назад, до образования великого пролетарского Союза Советских Республик, имелась в наличии некоторая угроза со стороны акул международного империализма, в особенности в отношении малых и слабых наших советских окраинных республик, то после организации Союза мы видим, что буржуазные державы наперекор друг другу стараются теперь завести с нами, завести с Союзом Советских Республик торговые отношения, а некоторые из смельчаков среди них, как Италия, даже ведут переговоры о признании нас де-юре.

Это все показывает, что создание Союза несомненно увеличило нашу военную мощь, укрепило нашу обороноспособность и также увеличило наш международный удельный вес. Если наше международное положение два года тому назад тов. Ленин признал, как нечто большее, чем передышка, то я уверен, что если бы тов. Ленин был среди нас, то наше нынешнее положение он назвал бы почти близким к нормальному. Я говорю «почти близким» к нормальному, потому что мы еще де-юре не признаны, но мы уверены в том, что это признание

не за горами, и не много времени еще нужно, чтобы мы были признаны всем миром.

Наше международное положение сыграло, в особенности, великую роль для слабых окраинных республик, в частности, для Закавказья, представляющего собой узкий коррридор, в котором пахнет нефтью и который представляет собой лакомый кусочек для буржуазии, который находился постоянно под страхом военной интервенции и проч., и проч. Теперь пролетариат Закавказья уверен, что всякие стремления, всякое намерение буржуазии натолкнется на единодушный и дружный отпор со стороны всего нашего Союза.

Переходя к экономическому и внутреннему положению нашего Союза, тов. Каменев в области нашего сельского хозяйства указал, что во всей Федерации достижения равны 75% по отношению к 1916 г. и что теперь мы, главным образом, занимаемся концентрацией рабочих в оживающих фабриках и заводах. Несомненно эти успехи мы имеем на-лицо; я бы даже сказал больше, в некоторых окраинах, в частности в Закавказьи, в области поднятия сельского хозяйства, мы достигли почти довоенной нормы. Указывая на концентрацию, увеличение количества рабочих, тов. Каменев в то же время подчеркнул необходимость развития именно технических культур, что также будет способствовать смыканию ножниц, разрешению проблемы ножниц. В этом отношении надо заметить, что окраинные республики будут играть решающую роль, так как технические культуры могут быть развиты именно на окраинах, в частности, в Туркестане, Закавказьи и т. д.

Для того, чтобы развить эти культуры до нормального состояния, мне кажется, когда речь идет именно об окраинах, о периферии нашего Союза, необходимо учесть еще один момент. Если тов. Элиава коснулся здесь строения нашего аппарата и указал на некоторые дефекты, то я должен сказать, в области развития именно сел.-хоз. промышленности и увеличения технических культур необходимо будет ту политику, которую мы ведем, в смысле индустриализации, особенно усиленно вести именно на окраинах, которые считали себя и были фактически колониями в царское время, для того, чтобы окончательно вырвать всякую почву из под ног мелко-буржуазных и шовинистических элементов. Необходимо, чтобы на окраинах, параллельно с развитием этих культур, мы открывали фабрики и заводы, индустриализировали бы окраины и тем самым увеличивали бы там пролетариат. Мне кажется, что наше правительство должно будет учесть эти моменты.

Если мы теперь укрепили свое международное положение и можем до известной степени свободно и спокойно заняться нашим внутренним строительством, то надо быть уверенными, что на 3-м С'езде мы отметим дальнейшие достижения и победу на внутреннем хозяйственном фронте.

Председательствующий. Поступил ряд предложений о прекращении прений.

Голоса с мест. Сколько записалось?

Председательствующий. 38 человек. В Президиуме есть мнение

дать высказаться двум-трем ораторам, потом поставить вопрос на голосование. Возражений нет? Нет. Слово предоставляется т. Терентьеву.

Терентьев. Здесь выступают ораторы и говорят о международном положении. Товарищи, о международном положении здесь говорить нечего. Тактика, занятая нынешним правительством, является правильной, и никто оспаривать ее не будет, а давайте поговорим о своем внутреннем житье-бытье.

Я, как рабочий, смотрю, что неправилен был экспорт за-границу зерна. Зерно закупают по 20—15 коп. и по 10 к. и вывозят за-границу, а тов. Каменев говорит, что оставили маленький запасец, на случай неурожая. Давайте посмотрим, сколько сейчас есть еще голодающих, которым надо помочь. Это одна сторона.

Затем, вторая.—Здесь т. Каменев указывал на запас угля в Донбассе. Давайте скажем, сколько лесу мы вырубили, когда по 100 пудов дров, как в Харькове, давали. Не дать ли лучше по 20 пуд. дров и 500 угля? И шахтеры работали бы, и нам дали бы в кредит. У нас этого не делается. Ну, и отдавать уголь за-границу даром тоже неправильно. Например, сейчас правительство ввозит английский уголь в Ленинград. А почему мы не могли бы свой уголь из Донбасса послать? Нам скажут, что Донбассовский уголь стоит 60 коп., а английский 45. Я скажу: пускай эти 45 коп. у нас останутся, а не пойдут в Англию—и рабочим будет работа, и 45 коп. останутся.

Третий момент. Тов. Каменев указывал на диаграмме, сколько привезли из-за границы. Тов. Каменев не указал—что же привезли из-за границы? Сельско-хозяйственные орудия, говорит. Хорошо. А что наш внешторг привез? Привезли сельские плуги с левым отвалом, которые нам не годятся. И теперь они заклепаны свинцовыми заклепками. Это не плуги. Ввезли паровозы. Какие? Заграничные, германские.—которые годятся только в Германии, а для нашего пути не годятся—раз поехали и поломали. И ввезли-то даже с нашими марками, которые немцы увезли от нас. Это тоже неправильно.

Затем, говорит, ввезли продовольствие. Ввезли апельсины, лимоны, мандарины. Разве это продовольствие?

Дальше? Дальше ввозили сковородки. Заводы у нас закрывают, а сковородки ввозят из-за границы. На чорта нам сковородки! Мы на своих заводах разве не можем их сделать? (Аплодисменты). На это нужно было указывать, а о международном положении нам говорить здесь не приходится, потому что здесь у нас эта политика правильная.

Тов. Каменев говорит, что сельско-хозяйственные орудия привозят, а сколько у нас на заводах сельско-хозяйственных орудий гниет? Почему их не дать крестьянам в кредит, вместо того, чтобы покупать у англичан и итальянцев. Можно давать.

Тов. Каменев говорит, что у нас есть избыток нефти и керосина, и его будут вывозить за-границу. А почему крестьянину не дать нефти и керосина за пуд ржи? Можно дать. Я считаю, что мы в России могли бы распределить свои богатства без заграничного рынка. Я знаю, тов. Каменев будет выступать и говорить, что мы так поступать не в праве.

Дальше, тов. Каменев ничего не сказал о безработице. Я говорю, как рабочий, я по крестьянскому вопросу ничего не понимаю. Он ни-

чего не сказал о безработице, а у нас в Москве 112 тысяч, в Петрограде—144 тысячи, в Харькове—34 тысячи безработных.

Спрашивается, вы им помощь дасте?

Вывозим за-границу яйца. За-границей не дураки тоже, говорят: «Везите куриц, яйца, масло, а сами жрите рожь». Мы говорим,—не нужно вывозить за границу; построим широкие столовые, каким-нибудь другим образом поможем безработным, а не дадим нэпманам за-границей жить и нашим маслом питаться.

Дальше тов. Каменев говорил о накладных расходах. Давайте поговорим о накладных расходах. У нас, в Харькове, одно время губисполком повел эту политику с накладными расходами—и части автомобилей не стало; а здесь, у вас, в Москве, посмотришь, точь-в-точь, как было в каком-то журнале: приехало трое крестьян, и 3 часа не могли они через улицу перейти—мотается один автомобиль за другим. (Аплодисменты). Это и есть накладные расходы. Тут расход на бензин, на ремонт и проч. Вам этого, впрочем, говорить не надо, вы это и сами знаете. Эти расходы нужно уничтожить.

Дальше накладные расходы. Тов. Каменев показывал, как путешествовала коробка спичек; такие же порядки и в промышленности: директор, помощник, заместитель, трест, синдикат—и все это падает на продукцию. Конечно, тот же плут тут не рубль будет стоить, а три рубля, потому что «трестенята» поедают все. (Аплодисменты). Я это считаю неправильным.

Дальше говорили о потребиловке и кооперации. Да, нужно сказать, что наши новые советские приказчики не могут еще торговать, не могут. В этом надо признаться. Зайдите к частному торговцу, тот вас не выпустит, чтобы не продать, а зайди у нас в кооперацию? Пришел рабочий или крестьянин: «товарищ, у вас ситец есть?». «Есть». «Какой?». «Да, вот этот». Подал, и кончено. «А другого нет?». «Нет». И делу конец. Это я считаю неправильным. Надо поставить дело так, чтобы приказчики знали, как обходиться с рабочим, как обходиться с крестьянином. Надо кредит также давать. Надо обратить внимание на то, как пройдет товар, как у нас, в Харькове, через трое рук, так на 500% и вырастает.

Надо еще сказать и о самом последнем—о наших курортах. Ведь не для того рабочие делали советскую республику, чтобы тот, кто раньше ездил на шее рабочего, буржуазия, и теперь пользовалась всеми благами. Мы считаем, что на этот год ни одного места не нужно давать буржуазии, нэпману. Пускай тот же самый рабочий, крестьянин, который потерял свое здоровье, пускай он там немножко и полечится.

Еще раз хочу я коснуться безработицы. Здесь надо что-либо сделать, чтобы на жен рабочих, которые живут в городе, и на детей их не накладывался налог. Например, почему у нас 140 или 120 тысяч безработных? Потому, что их жены и дети зарегистрированы на бирже. А почему зарегистрированы? Потому что на них накладывается налог. Спрашивается, жена рабочего, какая же она безработная? Приходится здесь сказать, чтобы налог не накладывался, потому что это увеличивает количество людей на бирже.

Еще хочу указать на одно, на страхкассу. Если имеется у кого-либо из вас, нерабочих, сын или дочь 16 лет, и нигде они не работают, их не зарегистрируют на имя отца в страхкнижке, и приходится тому же рабочему платить частному врачу, потому, что говорят: он 16-летний, по закону, на иждивении отца не должен находиться. Этот закон является обременением для семьи.

Вот дефекты, на которые я хотел указать. Пусть тов. Каменев в заключительном слове скажет, что думают делать: думают ли опять привозить из-за границы мандарины, а вывозить масло и яйца, или наоборот? (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово предоставляется тов. Алексеевой.

Алексеева. Товарищи, члены С'езда. Мы слышали вчера доклад тов. Каменева, доклад, который нам яркой молнией осветил все достижения, которых удалось добиться в тяжкой и беспримерной борьбе нашему советскому рабоче-крестьянскому Союзу.

Конечно, отдельные указания, как, например, харьковского рабочего о том, что есть маленькие дефекты, которые бьют нас по башке, такие указания этих достижений затушевать не могут.

Вы помните место из речи тов. Каменева, когда он приводил заметочки из белогвардейских журналов? Там белогвардейщина жалеет о том, что никак, мол, большевики, рабочие и крестьяне, не скидываются с управления. С каждым годом их надежда на то, что они, как говорят у нас на Украине, «прилипнутся до нас, як болячка до тела», с каждым годом эта надежда умирает и умирает. Ясно, что буржуазия уже складывает свои чемоданы. Каждую минуту она ждет, что вот рабоче-крестьянский кулак выпроводит их оттуда, где они засели, как тараканы в щелях.

Здесь надо подумать о самом главном вопросе. Этот главный вопрос—та глубокая и та крепкая связь с рабочим классом, которая есть у коммунистической партии. Вот основной момент. И второе звено одной цепи—связь рабочего с крестьянином.

Товарищи, мы были свидетелями, мы все знаем, весь мир это знает уже, как тысячами рабочие и работницы после смерти Владимира Ильича идут в боевой передовой отряд, который борется за власть рабочих и крестьян во всем мире. Но когда мы подходим к деревне, то здесь дело немножко посложнее. Если мы, к примеру, возьмем нашу украинскую деревню, то увидим там несколько иное соотношение сил, чем оно есть здесь, в центре России. Там мы увидим село, в котором, примерно, на 800 дворов середняцких-крестьянских бедняцких приходится 250. Если взять наших бедняков, как мы их называем, «незаможников», то мы увидим, что 85% этих незаможников являются такими единоличными хозяйственниками, у которых только и есть, что сломанный топор под лавкой.

Если мы посмотрим, идут ли они на единственную дорогу, которая для них возможна, а эта дорога—коллективизация, установление крепкого незаможнического хозяйства,—то мы увидим, что таких коллективных незаможников только 5,7%. А взять хотя бы нашу Донецкую губернию и посмотреть, помогают ли им? Мы увидим, что, например, в смысле инвентаря, хозяйственного оборудования единоличные

хозяйственники незаможники удовлетворены только на 17% этим инвентарем, а коллективы — уже на 75%.

Вот я и хочу сказать, что, если вширь мы махнули, действительно, на весь мир, то теперь наша задача, задача нашего советского правительства, заглянуть вглубь. Эта глубь, товарищи,—150 миллионов крестьянства. На нее надо будет обратить самое серьезное, самое большое внимание.

Я остановлюсь еще на одном моменте. Если говорить про глубь, то надо вспомнить Владимира Ильича, который говорил о работнице и крестьянке: вы начинаете с сотен, которые втягиваются в советское строительство, но вы должны кончить миллионами. Мы знаем, что сейчас мы имеем крестьянок десятки тысяч, но до миллионов мы еще не дошли. Есть путь, при помощи которого мы эти миллионы отсталых крестьянок, сидящих в единоличном хозяйстве, можем взять. Это путь экспорта, о котором говорил тов. Каменев, экспорта тех продуктов, которые еще у нас на этой таблице красными буквами не выведены, красной чертой не проведены. Это экспорт тех продуктов, которые вырабатывает крестьянка, которыми она распоряжается. Это—масло, это—шерсть, это—яйца. Да, яйца. Они нам нужны для того, чтобы росло наше хозяйство. И здесь идет путь через кооперацию. Вы говорите—она плоха. Так сумейте же сделать ее лучше. Разве было дело, перед которым отступала бы наша советская власть, перед которым беспомощно остановились бы рабочие и крестьяне?

Наша история 6-летней борьбы говорит, что не было такого дела, перед которым бы мы отступали. Товарищи, кооперацию надо улучшить, и тогда не будет ни одной минуты сомнения ни у одного рабочего и ни у одного крестьянина. (Аплодисменты).

Председатель. Слово принадлежит тов. Малышеву, но в виду того, что есть категорические требования о прекращении прений, я поставлю этот вопрос на голосование. (**Голоса с мест:** Просим дать высказаться тов. Малышеву!) В виду того, что есть просьба дать высказаться тов. Малышеву, я ему предоставляю слово, а после этого я поставлю на голосование вопрос о прекращении прений.

Малышев. Дорогие товарищи, еще недавно нам, торговым людям, удалось обратить внимание на нашу сложную работу. Но прежде, чем остановиться на этом вопросе, я обращу ваше внимание на то место прекрасного доклада тов. Каменева о промышленности, где он говорил, что, когда вы будете развивать промышленность, равняйтесь по крестьянину.

Я думаю, что, кроме равнения по крестьянству, нашей промышленности необходимо также равняться и по восточным государствам, которые, как наши друзья, хотят включиться в наш торговый оборот. Эти восточные государства с нетерпением ждут наших товаров, которые бы, конечно, имели вполне выравненные цены. Я думаю, что и своем заключительном слове тов. Каменев призовет наших промышленников к тому, чтобы они также равнялись и по Востоку. Конечно, наши торговцы иногда здорово попадают втупик. Нам Владимир Ильич сказал — нужно учиться торговать. Он первый, хотя и не был

торговцем, почувствовал, насколько трудно для нас, пролетариев, это дело.

За этот короткий срок, за 2 года, мы не сумели еще научиться так хорошо торговать, чтобы не быть в тупике, как это случилось в 1923 году. В тупике очутились мы потому, что наша промышленность находилась в поисках оборотного капитала. И на этом основании подняли цены до такого состояния, что рынок их не принял, и все дальнейшее товарное движение на некоторое время было приостановлено. Я думаю, что теперь промышленники наши на местах будут стремиться к понижению цен настолько, чтобы захватить целиком рынок как крестьянский, так и восточный.

Теперь, как организовать торговлю? Конечно, мы должны и будем стремиться организовать кооперацию. За революционный период кооперация превратилась в чиновничий аппарат, но теперь она должна включить в себя население и—исключительно на принципе инициативы и на активности. На местах вы должны стремиться к тому, чтобы все население приняло в этой работе по кооперации свое активное участие. И тогда мы скоро укрепим низовую, начальную кооперацию, что значительно облегчит нам борьбу с частным торговым капиталом. Как организовать торговлю в государственном масштабе, чтобы, посредством ее, можно продвигать все товары от производителя к потребителю, не вздувая цен на них? На днях мне тов. Кржижановский сказал: Как бы нашу Нижегородскую ярмарку приспособить к плановой торговле с крестьянами? Что значит плановая торговля? Это, конечно, не тот поднебесный планизм, которым увлекаются некоторые наши товарищи. Но, все же возможна практическая плановая торговля, которая построена на реальном продвижении всех товарных ценностей по всему Союзу республик. Через Нижегородскую ярмарку эту плановую торговлю можно полностью провести. Вы знаете, что по Союзу республик возрождаются старые торжки, базары и ярмарки. Всего их было прежде, будет и теперь около 2-х десятков тысяч торговых пунктов, которые пропускали через себя 2/3 торгового оборота всей страны. По этим базарам и ярмаркам двигались все крестьянские ценности, в особенности сырье; двигалось к своему конечному пункту к промышленности, двигалось именно через Нижегородскую ярмарку.

Нужно дать указание на места, чтобы там коммерческим путем стали проводить учет всего этого товарооборота базаров, ярмарок и торжков. Учтя все это коммерчески, можно будет ясно видеть, насколько велико будет предложение этих товаров на Всесоюзном торжище—Нижегородской ярмарке. Принимая в расчет это предложение, плюс урожай, мы на Нижегородской ярмарке сможем провести плановым порядком цены на это сырье; а установив цены и учтя предложения, мы сможем легко держать цену и на промышленные фабрикаты. При этих условиях правительство, Госплан и др. госорганы смогут достигнуть через пару-другую лет вполне планового движения товарных ценностей в деревню и обратно. Другого плана, кроме как через Нижегородскую ярмарку, никто из нас не придумает и не придумал.

В прошлом году Нижегородская ярмарка вскрыла все тяжелые недочеты нашей торговли. Только на ней удалось так полно и во вре-

ми нащупать надвигающийся кризис; она первая об этом кризисе стала кричать. Поэтому, я думаю, что тов. Каменев в своем заключении скажет свое веское слово по отношению к этой нашей системе торговли через Нижегородскую ярмарку.

Конечно, в эти 10 минут не скажешь всего по этому вопросу, но в отношении того, что через Нижегородскую ярмарку эта коммерческая система в общесоюзном масштабе может быть проведена, это сказано мною, хоть кратко, но думаю я, достаточно ясно.

Червяков (председательствующий). Голосую предложение о прекращении прений. Кто за? Большинство. Прения прекращаются. Заключительное слово имеет тов. Каменев.

Каменев. Товарищи, правительство чрезвычайно радо, что одна из самых важных отраслей его руководства — руководство международной политикой — на нашем С'езде не вызвала ни сомнений, ни колебаний. Пусть, действительно, все те державы, с которыми нам придется иметь дело, будут твердо уверены, что международная политика советского правительства отражает не только интересы, но и сознательную волю и разум всех делегатов нашего С'езда.

Наше правительство с большим вниманием отнесется к тем заявлениям, которые здесь были сделаны представителем Украинской Советской Социалистической Республики, тов. Скрыпником, относительно угнетения родственных нам масс в соседних с нами государствах. Не только та язва, о которой говорил тов. Скрыпник, у нас болит на нашей западной границе. Нет. Мы, ведь, знаем и другое обстоятельство, мы знаем, что до сих пор чисто захватническим путем от нашего Союза оторвана громадная область — Бессарабия, над трудящимися которой румынские бояре позволяют себе форменные издевательства. Мы сейчас можем сказать только одно. Мы знаем эти факты, мы слышим эти стоны, мы с этим считаемся и будем считаться.

Товарищи, вопрос об обеспечении прав всех национальностей, входящих в наш Союз, является не таким вопросом, который может быть решен одним декретом или одним постановлением. Мы получили в наследство массу предрассудков, массу некультурности, такую традицию угнетения, шовинизма, национализма, которые воспитывались в царской России не годами, не десятилетиями, а столетиями. Вы знаете, что натравливание одной нации на другую, натаскивание всего правительственного аппарата против всех наций, которые царскому правительству казались нижестоящими, эта традиция глубока, она—в нервах, в теле, в уме осталась, и эти традиции нельзя вырвать только одним постановлением, никакой формальной конституцией. Мы должны напрягать все свои силы, чтобы выкорчевать до основания это проклятое наследство национальной розни, национальных предрассудков, национального презрения и национального неравенства. Мы в продолжение 6-ти лет, по указанию Владимира Ильича, ни на минуту не упускали из виду эту громаднейшую задачу. Мы отнюдь не можем сказать, что она уже решена. Из месяца в месяц мы принимаем для этого новые шаги.

Одним из важнейших шагов последнего времени является, предрешенное уже в порядке Союзного правительства, значительное укруп-

ление Белорусской Советской Социалистической Республики. В два с половиной раза увеличивается территория этой республики, и делается это во имя того, чтобы те уезды и части губерний, которые были расположены вокруг этой республики, но в которых большинство населения принадлежало белоруссам, получили возможность организоваться в свою Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. Я указываю на этот пример только для того, чтобы показать, что дело обеспечения национальных прав, дело урегулирования национального вопроса в жизни, на практике, на деле, в правах, еще стоит перед нами. Мы, несомненно, стоим на правильной дороге, но должны будем долго и долго работать над тем, чтобы до конца выжечь из нашего сознания, из нашего быта, из нашей практики все остатки национального недоверия и национального угнетения.

Мы знаем, что одним из огромнейших препятствий к этому является наш государственный аппарат. Прав был тов. Элиава, когда указал на это обстоятельство. Приспособление нашего аппарата к новому порядку национального устройства, как Союза равноправных республик, который мы создали, — громаднейшая задача.

Мы помним, как характеризовал Ильич наш аппарат. Мы знаем, что до сих пор этот советский аппарат отнюдь не всегда является инструментом диктатуры пролетариата. Он не является еще инструментом правильного проведения той политики, которую мы намечаем. В этой области мы можем принять только две меры: во-первых, мы можем провести постепенную замену оставшегося нам в наследство аппарата новым человеческим составом, вырабатывающимся и выдвигающимся снизу, — рабочими и крестьянами. В этих целях Союзное правительство обратило собое внимание на постановку дела подготовки красных спецев во всех отраслях. За последний год мы развернули очень широко сеть школ, высших школ, которые должны нам дать нашего молодого советского деятеля, советского чиновника. Только тогда, когда этот новый состав придет на место старого, спецевского состава, оставшегося нам в наследство, только тогда слово «советский чиновник» потеряет тот неприятный привкус, который он имеет до сих пор, и станет достойным званием. Эта подготовка рабоче-крестьянской молодежи для замены аппарата, для того, чтобы старый неприспособленный аппарат превратить в действительное орудие нашего нового государства,—эта одна наша работа.

Другая заключается в том, чтобы установить над нашим аппаратом строжайший и решительнейший контроль. Мы должны идею орабочивания аппарата, идею постоянного надзора за аппаратом, идею, которая положена в основу создания новой рабоче-крестьянской инспекции, по мысли Ильича, иметь у себя перед глазами. Мы можем уверить вас только в одном, — мы работаем над этой задачей. Это не такая, оказывается, легкая задача.

Аппарат, который мы имеем, охватывает до миллиона человек. В этом аппарате, несомненно, гнездится противодействие, психологическое сопротивление той новой постройке нашего государства, которая базируется на союзе равноправных республик. Дело ваше, товарищи, дело власти на местах, дело руководителей национальной жизни этих

республик—смотреть за тем, чтобы аппарат не вносил в нашу работу старых привычек, старого, неправильного представления о государстве. Вы снизу должны сигнализировать нам о всех опасностях, которые тут могут встретиться.

Да, мы знаем, что централизованное управление железными дорогами, централизованная связь, централизованное управление хозяйством, централизованная армия наша может быть проводником политики, недостойной равноправного Союза, и поэтому борьба с этим извращением национальной политики должна вестись и снизу и сверху. Остатки этой старой психологии будут еще сказываться.

Здесь некоторые товарищи указывали и на то, что не только в советском чиновничестве, но и в моем употреблении слова «Россия» также звучат еще старые остатки. (**Голос:** Правильно!). Может быть. Может быть, всем нам надо переучиваться. Помните слова Маркса, что создание социалистического государства требует не только низвержения буржуазии, но и перевоспитания той массы, которая готовит этот новый социалистический строй. Необходимо перевоспитание сверху до низу, перевоспитание всей массы. Перевоспитываться должны и те, которые поставлены для руководства.

Теперь перехожу к вопросу, который был поставлен не в речах, а в записках—о нашей обороноспособности. Позвольте быть здесь чрезвычайно кратким, по понятным вам причинам. Вопрос об обороноспособности не сходил с нашего порядка дня. Мы должны были помнить и помнили и майский ультиматум Керзона, и убийство светлой памяти тов. Воровского, и угрозы, которые стояли перед нашими дверьми в октябре и ноябре, и вы не можете сомневаться в том, что все эти факты толкали наше внимание к повышению обороноспособности страны. Внимательный анализ нашего бюджета покажет вам, что, несмотря на всю нашу бедность, мы уделяли красной армии, защитнице наших границ, защитнице достояния наших народов, защитнице завоеваний октябрьской революции, все то внимание, которое она может от нас потребовать. И я могу вам сказать, что в смысле материального положения красной армии замечается несомненное улучшение, несомненно, будут предприняты шаги к дальнейшему улучшению. Позвольте ограничиться на этом собрании только этими заявлениями.

Перехожу к следующему вопросу, поставленному здесь,—к вопросу о безработице. Да, товарищи, безработица замечается у нас, в нашем Союзе. Но мы должны принять во внимание, что рядом с этим фактом есть другой, на который я указал в своем докладе: непрерывный, из года в год идущий рост количества пролетариата. Я вам указал, что за последний отчетный год количество пролетариата, занятого только в государственной промышленности, увеличилось на двести тысяч человек. Я могу вам привести такой простой, но чрезвычайно характерный, чрезвычайно важный факт,—в Питере за один год количество только одних металлистов увеличилось вдвое. К тем 30 тысячам металлистов, которые работали в Питере в прошлом году, прибавилось еще столько же, еще тридцать тысяч металлистов. Это накопление, это собирание пролетариата, обратное тому, что нами замечалось в последние годы, есть, несомненно, крупнейший экономический и поли-

тический факт. Но это накопление пролетариата, это увеличение занятых в промышленности пролетариев не поспевает за ростом безработицы.

В настоящее время занято в промышленности 60% всего того количества пролетариата, которое было занято в промышленности в России до войны. Выход тут только один—дальнейшее развитие промышленности, дальнейшее поднятие производительных сил, под'ем от 1/3, которой мы сейчас добились, к 1/2 и дальше. Я указал в своем докладе, что работает только одна треть наших станков, дымит только одна треть наших труб. При этих условиях некоторый резерв безработных для нас неизбежен.

Мы должны принять во внимание, не поддаваясь панике, и то, из какого слоя состоит та безработная масса, которую мы имеем. В ней есть, конечно, известное количество квалифицированных рабочих, но в ней есть и большая доля того советского чиновничества, над сокращением которого мы работаем. Ведь вы нам дали приказ—и этот приказ мы считаем своим долгом исполнять,—что необходимо сокращать советский аппарат. А сокращение советского аппарата есть создание безработицы среди советского чиновничества. Но нельзя же смешивать в этой общей массе того безработного пролетария, которого мы должны впитать обратно, появление которого есть свидетельство болезни, с той советской барышней, безработица которой есть результат оздоровления советского аппарата. И, наконец, мы имеем большой прилив из деревни в города нового слоя, выталкиваемого оттуда вот этими самыми низкими ценами на хлеб, недостаточной емкостью нашего сельского хозяйства. Он появляется на рынках нашего труда, и рассасывание этого слоя будет результатом под'ема нашего сельского хозяйства, которое, получивши кредит, развивая экспорт, подпимая технический уровень своего хозяйства, сможет впитать в себя целую группу тех безработных, которые теперь из голодной деревни, не имеющей правильных цен на хлеб, выталкиваются на городской рынок. Так обстоит вопрос с безработицей. Мы должны прямо сказать, что сразу прекратить, с сегодня на завтра, эту болезнь мы не можем; это работа длительная. На данный момент мы имеем другую обязанность—поддержать тот квалифицированный рабочий состав, который временно, мы надеемся, кратковременно, выброшен в данный момент на рынок безработицы. Мы делаем тут все, что возможно.

Я не буду затруднять вас цифрами, но прошу помнить только одно: мы за последнее время подняли ту ставку, которая дается безработным; но мы—бедное рабоче-крестьянское государство; мы не располагаем достаточными средствами на самые необходимые для нас мероприятия и, между прочим, не располагаем достаточными средствами для той помощи безработному составу рабочего класса, которая была бы необходима.

Что же происходит в той среде рабочего класса, который стоит у станка? Вопрос касается заработной платы. Заработная плата неизменно в течение этого года поднималась. Заработная плата в некоторых местах, как, например, в Москве, по отчетам Московского совета профессиональных союзов, достигла 79,9%, значит 80% довоенной за-

работной платы, в среднем. Мы отнюдь не считаем, что та заработная плата, даже возвышенная в течение года, которую сейчас получает рабочий класс, удовлетворительна или покрывает минимум его потребности. Нет, мы не обманываем ни себя, ни рабочий класс. Мы знаем, что дело оплаты рабочего труда полностью, оплаты, которая покрывала бы все его возросшие материальные и культурные потребности,—дело будущего, над которым мы должны работать. Но мы констатируем процесс возрастания, и мы считаем, что на нас лежит обязанность—уплачивать эту недостаточную плату не так, как мы были вынуждены уплачивать ее в прошлые периоды. Своевременность выплаты заработной платы и не суррогатами, не займами, не теми купюрами, которые фактически понижают заработную плату, а выплаты ее полностью и своевременно—есть ближайшая наша задача. Вы понимаете хорошо, что те меры, которые были приняты: введение в заработную плату суррогатов, займов, больших купюр и несвоевременность выплаты, об'ясняются не отсутствием доброй воли у правительства или у хозяйственников, а тяжелыми хозяйственными затруднениями.

Теперь, когда вы из моего доклада, надеюсь, убедились, что тяжелые моменты, которые мы переживали, оставлены нами позади, что промышленность наша находится на под'еме и что перед ней расчищен путь планомерного, постепенного поднятия, мы можем покончить с этими методами выплаты заработной платы. **И мы с ними покончим.** Своевременность выплаты заработной платы, уплата ее в срок является для нас, для правительства, и по нашему приказу для всех хозяйственников, первой обязанностью. Мы надеемся, что в ближайшие недели или в ближайшие месяцы докажем рабочим у станка, что такую директиву мы сможем выполнить.

Из'ятие из заработной платы всех суррагатов, платеж чистыми деньгами уже проведены нами, поскольку с 1 января запрещена какая бы то ни была уплата какой бы то ни было части заработной платы купюрами или облигациями золотого займа. Окончательное решение этого вопроса связано с окончанием денежной реформы. Мы знаем, что она необходима для того, чтобы рабочий получал полную заработную плату, чтобы он в самой форме выдачи этой заработной платы не имел понижения оплаты своего труда. Мы знаем, что должны платить не советскими бумажками, которые, ежели они переночуют в рабочей квартире, то на следующее утро стоят меньше, и хозяйка — жена рабочего— за них на базаре меньше купит, чем в тот день, когда муж эту заработную плату получил. Интересы реального повышения заработной платы, как и интересы крестьянские, требуют от нас скорейшего завершения денежной реформы для того, чтобы мы могли платить крестьянину за хлеб, за его продукты, рабочему за его труд твердой деньгой, новым денежным знаком, который при наших усилиях не будет падать.

Еще одно замечание по поводу заработной платы. Рабочий и служащий являются одним из главнейших потребителей и нашей промышленности, и нашего сельского хозяйства. Под'ем благосостояния рабочих масс, в результате повышения заработной платы, расширяет рынок для нашей промышленности. Таким образом, курс на рост заработной платы вполне совпадает с общей линией нашей политики как в рабочем

вопросе, так и в вопросе по увеличению и укреплению элементов социализма в нашем хозяйстве.

Теперь я обращаюсь к чрезвычайно знаменательной речи тов. Терентьева. Я думаю, мы все, здесь присутствующие, с громаднейшим вниманием и интересом слушали его речь и, думаю, весь Союз ССР с таким же интересом будет читать ее. Я указал на те затруднения, которые мы имели в этом году, и которые перед нами еще станут. Мы — борцы и должны знать, что нам затруднения придется еще преодолевать. Мы не должны закрывать глаза на это. Один из самых решительных способов преодолеть эти затруднения заключается, как я выразился в докладе, в том, чтобы вся рабочая масса навалилась всей своей силой на те задачи, которые перед нами стоят, чтобы она увеличила свой контроль над теми хозяйственными процессами, которые происходят в нашей стране.

Мы отдаем приказ, мы проводим политику снижения цен. Но разве, действительно, эту политику можно будет провести, если тысячи и сотни тысяч товарищей Терентьевых у себя на фабриках, на местах, в наших кооперациях, в нашей государственной торговле, не будут понимать, что это — их собственная задача, что они должны взять это дело в свои собственные руки. Один советский аппарат приказом сверху этих задач улучшения производства, удешевления товаров, облегчения товарооборота, смычки практической, деловой между рабочим и крестьянином, сверху, без участия товарищей Терентьевых в массе, без приложения их миллионов сил, — один советский аппарат своими силами этой задачи не выполнит. Вот почему, я говорю, что та строгость, то внимательное отношение и к тому, что мы вывозим за-границу, и к тому, как мы ввозим, какие прибыли мы получаем, нельзя ли это сделать как-нибудь иначе, то внимание, которое здесь перед нами показал тов. Терентьев, служит для меня лучшим признаком того, что то очередное хозяйственное дело, которое перед нами стоит, будет всеми нами, товарищами Терентьевыми, в массе их, разрешен.

Это не исключает, впрочем, и того, что тов. Терентьев сделал несколько практических ошибок, которые я считаю своим долгом раз'яснить. Он поставил чрезвычайно важный вопрос, который, в общем, можно формулировать так: можем ли мы обойтись без заграничного рынка? Зачем, говорил тов. Терентьев, вывозить нам хлеб за-границу, разве у нас нет голодных? Зачем вывозить уголь за-границу, разве мы не можем раздать его рабочим, часто еще холодающим? Зачем вывозить керосин за-границу, не лучше ли его отдать крестьянам? Да, товарищи. Если бы, действительно мы могли существовать и поднимать наше хозяйство вне мирового рынка, вне связи с мировым хозяйством, программа, которую высказал тов. Терентьев, была бы хороша. Но это для нас в данный момент, недостижимо. Да, мы находимся в таком положении, что должны и хлеб, и уголь, и керосин вывозить за-границу. Я скажу более того,—чем больше мы будем вывозить за-границу этих продуктов, оставляя, конечно, себе все то, что нам необходимо, тем быстрее пойдет у нас дело восстановления промышленности и нашего сельского хозяйства.

Мы оказались в данный момент перед таким явлением, что у нас

70 миллионов пудов угля в Донецком бассейне, которые не могут быть размещены на внутреннем рынке. Эти 70 миллионов пудов давят мертвым грузом на производство Донецкого бассейна. Для того, чтобы нам развивать Донецкий бассейн, нам надо реализовать эти 70 миллионов, и, увы, тов. Терентьев, не в кредит, не в длительный кредит, потому что рабочему-шахтеру надо заработную плату платить из месяца в месяц, каждые 1-е и 15-е число. Эти деньги надо иметь, и их откуда-нибудь надо получать. Когда мы имеем эти 70 миллионов пудов угля, то для того, чтобы обеспечить дальнейшее развитие Донбасса, для того, чтобы платить в Донецком бассейне во-время заработную плату, а тов. Терентьев—харьковец, и знает, как знаем и мы, к чему приводила в Донецком бассейне несвоевременная выплата заработной платы, — для этого нам надо не в кредит, а поскорее на чистые денежки реализовать эти запасы.

Вопрос может быть поставлен таким образом: а не продаем ли мы за-границу то, что нам самим абсолютно необходимо? Нет, товарищи, этого мы не делаем. Мы имеем в данный момент 3 миллиарда пудов хлеба. Из этой цифры мы определили вывезти за-границу 250 миллионов пудов — только всего. Это значит одну двенадцатую часть общего количества.

Пусть вспомнят товарищи, обеспокоенные нашей политикой вывоза, что до войны наше сельское хозяйство вывозило около 1 миллиарда пудов хлеба за-границу, и на этом получало около 1 миллиона рублей золотом, что наша нефть шла за-границу, и что мы в этом году имеем вывоз наших нефтяных продуктов всего только на 20 миллионов рублей золотом, в то время, как наша нефтяная продукция может быть повышена до того, что мы можем из-за границы получать сотни миллионов рублей. Значит, задача не в том, чтобы отгородиться от заграничного рынка китайской стеной, чтобы прекратить туда вывоз. Нет, мы вывозим излишек. По мере того, как будет подниматься наше народное хозяйство, нам потребуется больше хлеба для себя, потому что возрастет пролетарское население, возрастут города; потребуется больше керосина, потому что крестьянский рынок поднимется, и крестьянин не захочет освещаться лучиной. Нам потребуется больше нефти, больше угля для возрастающей промышленности. Тогда, действительно, произойдет сравнительное сокращение вывоза, но только на этой почве общего под'ема нашего хозяйства. И вопрос для нас заключается не в том, что мы не будем вывозить,—мы будем вывозить, а в том, куда мы будем употреблять те доходы, которые получим от этого вывоза.

Тов. Терентьев имеет полное право спросить: куда вы направляете те доходы, которые получаются от заграничного вывоза? Я должен сказать, прежде всего, этот доход очень мал. Я вчера вам показывал диаграмму, которая ясно характеризует, что мы только-только добились того, чтобы наш вывоз превышал наш ввоз, чтобы мы имели разницу в нашу пользу, а не в пользу заграничных купцов. Ведь, дело обстоит не так, тов. Терентьев, что мы вывезли так много и заработали так много денег на этом вывозе, чтобы можно было обеспокоиться и сказать: может быть, мы слишком много вывозим, давайте сокращать.

давайте сами потреблять! К сожалению, дело обстоит, наоборот,—мы только-только начали поднимать наш вывоз над нашим ввозом. Баланс в нашу пользу только-только начал складываться. Мы до 1923 г., до середины 1923 г., доплачивали иностранным купцам. За что?—А вот, например, за 20 миллионов зерна, которое было ввезено из Америки во время голодного 1921—22 г. Что у нас здесь есть ошибки, это несомненно. Для того-то нам и нужны эти С'езды, нужен и внимательный глаз т. Терентьева и других товарищей, чтобы эти ошибки отмечать.

Одно мы можем сказать, что всякая копейка, полученная на вывозе леса, хлеба и нефти идет на исключительную цель—под'ема нашей промышленности, под'ема сельского хозяйства.

Нам нужно вносить капитал в крестьянский банк. Мы, по бедности своей, говорим, что положим 40 миллионов. Но, ведь, 40 миллионов—это капля в море. Нам для дешевого крестьянского кредита надо было бы сейчас положить не 40 миллионов, а 400 миллионов. Тогда мы помогли бы крестьянской кооперации, тогда мы дали бы возможность крестьянину улучшить свое хозяйство, обзавестись машинами, семенным материалом. А мы, поскребши во всех наших государственных закромах, наскребли только 40 миллионов.

Для того, чтобы эта цифра росла, а с нею параллельно увеличивалась бы дотация тем металлургическим заводам, которые близко интересуют т. Терентьева и которые на крестьянский рынок работать не могут, мы говорим т. Дзержинскому—заказывай паровозы!. Тов. Дзержинский говорит: мне ваших паровозов не надо, я на 5 лет обеспечен теми паровозами, которые у меня есть.

Тов. Дзержинскому мы привыкли всегда верить, а он говорит: какие бы требования вы—хозяйственники к нам ни пред'явили, я гарантирую вам полные перевозки с теми паровозами, которые у меня есть. Избавьте наркомпуть от необходимости платить по заказам за те паровозы, которые и в Харькове, и в Москве, и на Урале заказаны и которые не нужны наркомпути. И при таком положении вещей, мы говорим тов. Дзержинскому—нет, заказывай!—Почему?—Потому, что мы не можем пойти на закрытие паровозостроительных заводов. Мы говорим, заказывай впрок те паровозы, которые понадобятся тебе через 5—10 лет.

Мы в Архангельской губернии рубим лес для вывоза в Англию, которой он необходим. И при помощи этих денег мы можем впрок, на 5 лет вперед, готовить паровозы, которые в данный момент нам экономически не нужны, но которые нужны нам политически, потому что только на работе этих паровозов окрепнет, не распылится рабочий класс, и наши крупные пролетарские крепости сохранятся. Нам надо было бы закрыть Путиловский и Брянский заводы, потому что экономически они нам невыгодны. К Путиловскому и Брянскому заводам мы приплачиваем миллионы. Откуда же мы берем эти деньги? Мы вывезли за-границу нефти на 20 миллионов, мы лес вывозим за-границу.

Вот почему взгляд т. Терентьева, который выражает здоровое пролетарское беспокойство, здоровую тревогу, законную тревогу,—он в данный момент, в данной обстановке—неправилен.

Дальше тов. Терентьев говорит о том, что вы вывозите то-то и то-то, а ввозите всякую дрянь. Я не отрицаю, товарищи, что у нас могли быть здесь ошибки. Я не слышал о том, чтобы специально ввозили мандарины, за это надо было бы не мандаринами, а камнями побить на советских площадях. Но, товарищи, я думаю, что дело не обстоит так трагически. Я вам вчера показал диаграмму, по которой вы видели, как рост предметов потребления сокращается из года в год и из месяца в месяц. С другой стороны, рост предметов производства растет за этот счет. У нас имеется, — и это один из элементов нашего планового хозяйства, — импортно-экспортный план. Мы сидим над этим планом ввоза и вывоза как над одной из самых важных частей нашего хозяйства, и мы вытравляем оттуда какие бы то ни было элементы ввоза того, что мы можем произвести в своей стране, своими собственными силами. Вы можете быть спокойны, что ни один предмет, который может быть произведен у нас, мы не позволим ввезти.

Да, много есть жуликов, мошенников, воров в нашем советском аппарате, этот род человечества также имеет своих представителей, это несомненно, и поэтому всякое мошенничество возможно, но разве мы не помним, что борьба с воровством, взяточничеством, мошенничеством есть одна из основных наших задач, что это мы одним приказом не прекратим, что рабочий контроль для этого необходим? Но поскольку этот план есть сознательный план советской России, он основан на следующих принципах—долой все предметы роскоши, никакого ввоза мандаринов, шелкового белья и т. д., сокращай ввоз предметов потребления. Не допускай ничего, что может быть произведено внутри нашей страны, ввози только то, что мы не можем произвести и что необходимо, как средство производства, для нашего сельского хозяйства и для нашей промышленности. Вот из чего должен складываться наш ввоз.

Я сейчас, прослушав речь тов. Терентьева, развернул таблицу ввоза, которая по нашему плану состоит из следующих предметов: 13% всего нашего ввоза, больше одной десятой, относится к хлопку. Почему мы ввозим хлопок? Потому, что Туркестан, который был базой для всей нашей текстильной промышленности (а текстильная промышленность самая старинная и одна из основных промышленностей нашего Союза, и, вместе с тем, промышленность центрального пролетарского района, кроме того, эта промышленность больше всего связывает нас с крестьянином)—не может дать необходимое количество хлопка. Можем ли мы здесь останавливаться? Нет. А между тем, гражданская война и английское нашествие в Туркестан сделали то, что посев хлопка сократился на 90%. В этом году мы подняли посев на 300%. Мы имеем засеянных 153 тысячи десятин. Но это капля в море. Это даст нам максимум 6½—7 милл. пуд. сырца или 2—2½ милл. пуд. волокна. Для того, чтобы наши текстильные фабрики работали и для того, чтобы крестьянин имел ситец, нам нужно вдвое, втрое, вчетверо больше этого количества волокна. Мы должны покупать хлопок за-границей, если хотим, чтобы текстильный пролетариат работал и крестьянин имел дешевый ситец, потому что, чем больше работает фабрика, тем больше мы производим, и тем дешевле обходится каждый аршин ситца. Чем меньше фабрики работают и чем больше лежит на нашей шее мертвого

груза, который мы должны охранять, смазывать и т. д., тем дороже производство. Следовательно, вы видите, что мы должны покупать хлопок за-границей. Хлопок составляет 13% нашего ввоза.

Дальше мы поставили задачей техническое переоборудование наших фабрик. Не надо забывать, что мы, хозяева-пролетарии, получили наследство в области промышленности, которое совершенно не соответствует нашему плану. Фабрики создавались не по какому-нибудь плану приспособления к интересам народного хозяйства нашего Союза, а строились, создавались, выбирались места для них, создавался их размер в интересах бельгийского, французского, шведского капиталов. Масса фабрик была построена для обороны, для таких целей, которыми мы с вами не занимаемся и не собираемся заниматься в таких размерах. Это наследство давит на нас. Кроме того, 10—15 лет эти фабрики не подвергались переоборудованию, машины износились, станки не годятся, понижается производительность труда не только потому, что наши рабочие голодные и не могут дать всего того эффекта, который дают, когда получают достаточную заработную плату, но и потому, что орудие его производства износилось, ослабло, не годится. Переоборудование фабрик, снабжение новыми машинами и инструментами — это одна из основных задач.

А электрификация? Мы же помним и будем вечно помнить, что настоящий под'ем нашего хозяйства, поднятие его на высший уровень решается не какими-нибудь частными мерами, а коренной задачей перехода от паровой силы к электрификации. Это задача на десятилетие. мы никогда ее не выпустим из виду. Мы в прошлом году на электрификацию отдали 32 миллиона рублей. В этом году мы повысили сумму и даем 39 миллионов рублей. В этом году мы хотели закончить одно из величайших технических чудес мира — Волховстрой. Я хотел бы, что бы вы имели хотя бы маленькую возможность, хотя бы краешком уха, послушать то заседание СТО и СНК и всех других высших инстанций, когда мы обсуждали вопрос, — дать ли в этом году 20 миллионов рублей на окончание Волховстроя. Какое, действительно, трагическое положение было у нас, как трудно было нам решить эту задачу. Мы знали, что Волховстрой — величайшее достижение, он даст в ближайшие годы громадную экономию в угле, поднимет питерскую промышленность, двинет хозяйство, уровень нашего хозяйства на новую ступень, а вместе с тем взять 20 миллионов в моменты кризиса, ножниц, когда товары лежали без движения — трудно было. Мы долго мучились, чтобы найти правильное решение этой задачи, посылали несколько комиссий, проверяли — можно ли остановить работу, не снесет ли Волхов те сооружения, которые возведены, и мы, которые желали получить экономию, не потерпим ли ущерба? И после долгого, мучительного и честного труда решили, что на этом фронте мы не отступим, Волховстрой в срок кончим, на электрификацию 39 миллионов — больше, чем в прошлом году — даем. Но, товарищи, это переоборудование заводов, снабжение новыми машинами, снабжение необходимыми предметами оборудования этих мощных электрических станций требует заказов за-границей. Вот почему доставка нам металлических изделий типа турбо-генераторов,

громадных машин и т. д. в нашем ввозе занимает 33%. Нет, мы не мандарины ввозим.

И, наконец, последняя крупная статья: химические продукты. Вы знаете, что химическая промышленность была очень слаба у нас в России до революции. Она очень слаба и сейчас, а между тем, необходимы химические продукты для того же текстиля, для фармацевтического производства и, наконец, лекарственные изделия — мы всего этого ввозим 12%. Если посмотрите ввоз, то увидите, что 33% — одна треть всего, есть ввоз металлических изделий, которые мы у себя произвести не можем и которые должны поднять и нашу промышленность и сельское хозяйство; 13% — хлопковое сырье для наших текстильных фабрик; 12% всяких химических продуктов, которые мы произвести не можем. Эти данные говорят о том, что здесь достигнуты значительные улучшения. Не все еще достигнуто и есть мерзавцы и воры, которые, может быть, пользуясь этим, провозят и мандарины, и сковородки. Мы будем продолжать с этим бороться, имея в руках монополию внешней торговли, которой мы контролируем каждый фунт чего бы то ни было, что мы ввозим, потому и важна монополия внешней торговли, иначе у нас ввозили бы чорт знает что. Мы будем монополию всячески улучшать, контроль увеличивать, и он может быть лучше и крепче, поскольку тов. Терентьев и другие своим пролетарским глазом будут строго глядеть на это дело. Орабочение нашего аппарата, рабочий контроль над всем ходом нашей хозяйственной жизни, начиная с цены продуктов и кончая тем, что мы ввозим и вывозим за-границу, есть настоятельная, — необходимая задача, и только при этом улучшении нашего аппарата, при этом привлечении рабочей массы, при этом заинтересовании рабочей массы снизу до верху тем, чтобы ситец был дешев, чтобы накладных расходов не было, чтобы никакой автомобиль не повышал цены спичек, чтобы кооперация не превращалась в орудие отталкивания между рабочим и крестьянином, а наоборот, стала бы аппаратом сближения, только привлечением всей рабочей массы партийной и беспартийной, в линие профсоюзов, ближе к производству, что нами взято, как партийная директива для нынешнего времени, только этим можно решить хозяйственную задачу для данного момента.

Товарищи, подходя к концу заключительного слова, я хотел бы еще раз повторить общую мысль моего доклада в самых кратких чертах. Я пытался доказать и думаю, что это было доказано перед всяким беспристрастным наблюдателем, что кризис, который мы имеем, не есть кризис нашей экономической политики, что мы имеем рост во всех областях народного хозяйства и что этот кризис есть только кризис нашего роста. Мы растем, но растем не гладко, в этом росте мы переживаем определенный кризис. Поэтому нет места ни для каких сомнений в том, что основа нашей экономической политики остается неизменной, что она по старому будет служить нам путеводной звездой, что из этого кризиса мы сделаем только один выход: сделать все возможное в советском аппарате, сверху до низу, чтобы работа по смычке рабочего и крестьянина была в десять раз усилена и приняла чисто практические формы. Надо понять, что эта смычка достигается не ре-

золюциями, не митингами, а ценой ситца, расторопностью нашего советского приказчика в кооперации, ценой керосина, нашим умением доставить этот керосин в деревню. Вот где настоящая смычка. Эта задача не только не неразрешимая, но, если мы навалимся всеми силами, то мы эту задачу разрешим, мы будем разрешать эту задачу планомерно.

Много было в нашем деле хаоса. Мы должны помнить, что мы строили среди хаоса, среди руин, что поэтому точного определенного плана нашей постройки у нас еще не могло быть. Попробовать построить единый план, который охватил бы нашу промышленность, живущую на социалистических началах, и 18.000.000 крестьянских частных хозяйств, это значит вдаться в чисто бюрократический утопизм. Но мы работали над другим, мы создавали предпосылки плана и смело можем сказать,—эти предпосылки созданы. Не могло быть плана ни общегосударственного, ни общенародного, ни общехозяйственного, не могло быть плана отдельных фабрик и заводов, если у вас нет твердой деньги, если вы не знаете, в чем считать, если деньга каждый день падает, если нет мерки для того, чтобы был план, чтобы наше наступление носило бы планомерный характер. Надо было разрешить предварительно задачу—дать твердую мерку в виде твердой деньги. И мы дали ее за последний год в виде червонца, и мы хотим дать ее в течение последних месяцев в виде твердой деньги. Не может быть плана, пока не было маневрового фонда, не было накопленных запасов, которые мы могли бы по плану бросать в том или другом направлении, в то или другое место.

Нет плана без кредита. Мы в этом году создали кредит, как главное маневровое средство, которое мы кидаем то в сельское хозяйство, то в промышленность, то на Нижегородскую ярмарку, которую, конечно, прав т. Малышев, надо развивать, как связь между нашей страной и восточным рынком. Он прав. Эти рынки имеют громадное значение. Кредит есть необходимая предпосылка планового хозяйства. Мы его создали в этом году. Мы в этом году добились более или менее точного государственного бюджета. Вы здесь все практические работники, вы все составляете местный бюджет, и вы должны знать, что еще два года тому назад мы не могли еще мечтать о том, чтобы создать твердый государственный бюджет, который мало-мальски походил бы на действительность. Вы знаете, что в 1921 году мы такую попытку делали, бюджет создали и даже Владимир Ильич его подписал. В этом бюджете было учтено все, но одна беда была в этом первом нашем бюджете—в нем не было ни одной цифры, которая была бы похожа на действительность. Бюджет был сам по себе, а жизнь развивалась сама по себе. Мы тогда поняли, что замахнулись слишком широко,—на год нельзя составлять; давайте, мы сказали, создадим бюджет на месяц. И мы жили месячным бюджетом. Какой-либо из наркоматов, скажем, наркомпрос, спрашивал: сколько, ты, правительство, даешь мне на школы в год? Я буду знать, сколько мне учителей нанять, сколько школ открыть, сколько топлива иметь. А мы ему говорили: нет, этого сказать мы не можем. На этот месяц ты получишь столько-то, а сколько на следующий месяц,—не знаем.

Потом от этих месячных планов мы перешли к 3-месячному плану, и только в этом году мы впервые имеем бюджет, о котором все, самые большие скептики, — а в этом деле чем больше скептиков, тем лучше, — говорят: этот бюджет на 15% только, вероятно, будет разниться от действительного исполнения. Ну, если только на 15%, то мы получим некоторую действительную ориентировку. Вот теперь, когда мы подходим к решению задачи о твердом измерителе в виде твердой деньги, когда мы накопили маневровые фонды, когда мы научились орудовать экспортом, кредитами, когда мы имеем более или менее твердый государственный бюджет, когда наркомпрос может знать, хотя бы на полгода, сколько он получит, когда промышленность может составить план на год, когда транспорт может знать годовой размер своей работы,— теперь мы можем сказать: основные элементы плановости у нас, действительно, есть. При таких условиях даже расширение плана не будет уже чисто бюджетным измышлением, измышлением, которое все хочет покрыть. Нет, реальный план частично создан, и потому усиление плановости в нашем хозяйстве, несомненно, идет. Для этого, и в связи с этим, было реорганизовано СТО, и из комиссии междуведомственной, которая должна была согласовывать разногласия между ведомствами, мы в средине этого года перестроили его так, что он должен быть центральным направителем всей нашей хозяйственной экономической жизни. Мы составили его не из представителей ведомств, а поставили персонально туда таких крупных товарищей, которые могли бы, имея перед собой общий план хозяйства, развивать, направлять его целиком.

Мы пошли дальше. Одного из заместителей председателя Совнаркома—Цюрупу—мы назначили председателем Госплана. Не потому, конечно, что мы были бы, хотя бы мало-мальски, недовольны работой нашего заслуженного и уважаемого экономиста тов. Кржижановского. Нет, заслуги тов. Кржижановского в деле создания плана электрификации, в деле проведения Госплана, никогда не будут забыты, как заслуги строителя, как одного из важнейших строителей советской экономики. Но нам необходимо было Госплан подтянуть к правительству, поднять его авторитет, связать тех, которые изо дня в день руководят плановым делом, с той плановой работой, которая идет в Госплане, и поэтому тов. Цюрупу, как одного из пяти заместителей председателя Совета Народных Комиссаров, мы назначили председателем Госплана.

Таким образом, усиление плановости в нашем хозяйстве несомненно, а эта плановость нам необходима тоже для того, чтобы исполнить завет Ильича и из периода отступления перейти в период систематического постоянного нажима в сторону наступления. Нам нужно сейчас наступление. Прежде всего, наступление против всех остатков старья, которые хранятся в нашем организме, против старья в нашем аппарате, против старья в решении национального вопроса, против старья в культуре, против старья в нашей отсталости, выражающейся во взяточничестве, в хозяйственной распущенности, — против этого нужно наступление.

Еще одно наступление нам нужно, — наступление против частного капитала. Мы допустили создание новой буржуазии, мы позволили ей развиваться, но мы сказали в той же резолюции—до известного пре-

дела. Чем определяется этот предел? Нашей хозяйственной мощью в той борьбе, в той схватке, которая идет между элементами социализма в нашем хозяйстве, плановости его регулирования, роста пролетарской базы, роста об'единения с крестьянством, — в этой борьбе между этими элементами и элементами свободной торговли, частного рынка, скупщика, деревенского ростовщика, кулака, который эксплоатирует чужой труд, — в этой борьбе нам необходимо наступление. Нам необходим систематический под'ем элементов социализма.

Вы, товарищи, можете быть уверены, что здесь мы ни в чем не изменим заветам тов. Ленина. Политика нашего правительства есть продолжение политики Ленина. Никаких изменений не будет. Политикой Ленина мы побеждали до сих пор. Мы будем побеждать этой политикой и дальше. (Продолжительные аплодисменты).

Червяков (председательствующий). Слово для предложения предоставляется тов. Коркмасову.

Коркмасов. Товарищи, я имею сделать следующее предложение по поводу доклада правительства:

«Заслушав и обсудив доклад замредседателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и РСФСР, тов. Л. Б. Каменева, о деятельности советского правительства за истекший 1923 год, 2-й С'езд Союза ССР целиком одобряет деятельность правительства». (Аплодисменты).

Председательствующий. Разрешите это предложение поставить на голосование. Прошу приготовить мандаты. Может быть, есть другие резолюции? Других резолюций нет. Тогда я голосую эту резолюцию. Кто за принятие означенной резолюции, прошу поднять мандаты. Прошу опустить. Кто против? Кто воздерживается? Таковых нет. Резолюция принимается единогласно (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово для доклада по второму пункту порядка дня предоставляется т. Енукидзе (Аплодисменты).

Енукидзе. Товарищи, второму С'езду Советов Союза предстоит утвердить Основной Закон или Конституцию Союза Советских Социалистических Республик. В своем кратком докладе я не буду подробно останавливаться на Конституции по существу, полагая, что она достаточно известна не только делегатам, но даже и широким массам. Я только вкратце коснусь истории составления и принятия нашего Основного Закона.

Ровно год и один месяц тому назад был заложен фундамент нашему Союзу Советских Социалистических Республик и тогда же, 30 декабря, на 1 С'езде Советов были приняты декларация и договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Эта декларация и договор легли в основу настоящей Конституции. Декларация об образовании Союза, указывающая на природу советских республик и на причины, побудившие советские республики об'единиться в одно Союзное государство, остается в силе и поныне, и поэтому декларация почти целиком, в том виде, в каком она была принята на 1 С'езде Советов Союза, входит и в настоящий Основной Закон.

Что касается договора, то в первоначальной редакции его были указаны только некоторые основы структуры верховных органов Союза и их взаимоотношений; в последующем, однако, при разработке этих

вопросов, договор, как часть Конституции, подвергся значительным изменениям и дополнениям. I С'езд Советов в основном декларацию и договор об образовании Союза утвердил, но, в виду важности этих актов, было поручено Центральному Исполнительному Комитету озаботиться тем, дабы декларация и договор были подвергнуты подробному обсуждению центральных исполнительных комитетов союзных республик и были выслушаны и приняты во внимание все их замечания и поправки. Лишь после всего этого Центральный Исполнительный Комитет должен был составить текст Основного Закона, принять его и ввести немедленно в действие. Вместе с тем, так как согласно 2-й статьи нашего Основного Закона, утверждение и изменение основных начал Конституции составляет прерогативу верховной власти Союза, т.-е. С'езда Советов, то Основной Закон должен был быть предложен на утверждение С'езда Советов.

Вся эта работа и все поручения I С'езда Советов были проделаны с величайшей тщательностью. Договор и декларация были тогда же разосланы всем ЦИК'ам союзных республик, где на местах и подверглись тщательному рассмотрению. Все их замечания и поправки были затем приняты во внимание той комиссией, которая была образована ЦИК'ом Союза из представителей всех союзных республик и, таким образом, был составлен вчерне проект Конституции, которая предлагается сегодня на ваше утверждение. Эта же Конституция в обеих своих частях подверглась рассмотрению специальной партийной комиссии, которая, в свою очередь, внесла некоторые в нее поправки.

Проект Основного Закона был внесен на 2-ю июльскую сессию ЦИК'а Союза ССР, которая и утвердила его, за исключением двух новых статей, которые ныне вносятся на ваше рассмотрение. Ни один закон у нас не подвергался такой тщательной обработке, как наша Конституция. И это понятно, ибо каждый параграф, каждая статья его имеет колоссальное значение как в отношении законодательной работы наших органов, так и в смысле установления взаимоотношений между центральными органами Союза и центральными органами союзных республик.

При составлении второй части Основного Закона, т.-е. договора, как раз наибольшее внимание обращалось на то, чтобы, с одной стороны, сохранить полностью суверенитет союзных республик, с другой— сделать законодательство Союза жизнеспособным и отвечающим интересам всех союзных республик. Эта же основная мысль имелась в виду и при построении центральных органов власти.

Что вынудило советские республики об'единиться в одно Союзное государство? С одной стороны, вынудило то обстоятельство, что, как это указывалось и в декларации, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения. С другой стороны, возрождение нашего расстроенного в корне хозяйства как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства, без об'единения общих усилий в этом деле и без концентрации всех ресурсов в Союзном масштабе, было невозможно. Все эти обстоятельства побудили создать единое Союзное государство при сохранении суверенитета союзных республик.

Наше государственное об'единение — об'единение разных национальных союзных республик,—имеет колоссальное значение не только для них самих, но и для всех угнетенных народностей, которые, в силу исторических условий, безусловно должны будут брать и берут пример с нашего Союза. Впервые в таком громадном масштабе, как наш Союз, производится во всемирной истории об'единение и сотрудничество различных национальностей. Ничего подобного нет в буржуазных странах, которые даже не в состоянии так построить свои законодательные органы, чтобы они целиком отражали интересы широких трудящихся масс, интересы рабочих и крестьян.

Наша Конституция, в отличие от всех существующих конституций, отличается и той особенностью, что она создает двухпалатную систему, при чем такую, которая коренным образом отличается даже вообще от принятого понятия о двухпалатной системе. Всюду, где существует двухпалатная система, она существует на совершенно ином принципе, а именно, всюду одна из палат превалирует над другой. У нас же классовое представительство имеет свое отражение в Союзном Совете; в Совете же Национальностей у нас пропорционально представлены все национальности, населяющие наш Союз, при чем Союзный Совет отнюдь не имеет больших прав в сфере законодательства, чем Совет Национальностей, который составляется поровну из представителей всех национальных республик и автономных национальных областей. Принцип построения наших законодательных органов совершенно иной: если один орган строится на принципе классового пропорционального представительства, то другой — на принципе национального представительства, и несмотря на это, несмотря на их численное различие, они по всей линии законодательной работы имеют совершенно одни и те же права. Ни один закон, который должен пройти через верховный орган власти Союза — через ЦИК, не может получить силы закона, если он не пройдет и через Союзный Совет и через Совет Национальностей и не получит там одобрения.

Более того, Конституция указывает, что при разногласиях палат по поводу того или другого закона, вопрос передается в создаваемую согласительную комиссию. При недостижении соглашения в согласительной комиссии устраивается совместное заседание обеих этих частей Центрального Исполнительного Комитета для совместного обсуждения законопроекта. Принятие законопроекта на совместном заседании должно происходить при раздельном голосовании, т.-е. таким образом, чтобы не могло иметь места подавление более многочисленной частью ЦИК—Союзным Советом другой, менее многочисленной части Центрального Исполнительного Комитета — Совета Национальностей. При голосовании раздельном закон считается принятым лишь в том случае, если большинство в обеих палатах будут голосовать за данный законопроект. В случае отсутствия большинства голосов Союзного Совета или Совета Национальностей, вопрос, по требованию одного из этих органов, может быть передан на разрешение очередного или чрезвычайного С'езда Советов Союза.

Из этого ясно, что у нас имеется полная гарантия для того, чтобы всякий законопроект обсуждался и принимался в обеих палатах, при чем, в одной палате будут подходить к законопроекту с точки зре-

ния классовых интересов, а в другой законопроект подвергнется рассмотрению по преимуществу с точки зрения интересов национальностей, входящих в Совет Национальностей. Такова первая попытка в мировой истории построить верховные законодательные органы.

У нас еще нет опыта, ибо обе части нашего Центрального Исполнительного Комитета до сих пор вместе не функционировали, до сих пор не было ни Союзного Совета, ни Совета Национальностей; но есть полная надежда, что такое построение верховных органов власти и их взаимоотношения на равных правах в области законодательной работы, дадут те именно результаты, каких мы ожидаем от действительного сотрудничества всех наций нашего великого Союза. Такое сотрудничество даст блестящий пример не только более развитым народам Западной Европы и Америки, но будет иметь колоссальнейшее значение, главным образом, для сотен миллионов угнетенных народностей в колониях.

У нас государственная власть является вообще тем рычагом, при помощи которого мы разрешаем все экономические и политические вопросы в мировом масштабе. Рабоче-крестьянская власть, диктатура рабочего класса и сотрудничество его с крестьянством, привели нас к тому, что мы оказались в состоянии и хозяйственно несколько возродить нашу страну, и политически сделать наш Союз одним из самых величайших государств в мире (как бы ни открещивались юридически от нас разные буржуазные государства). Поэтому мы уверены, что национальное представительство, как наш Совет Национальностей, докажет всему миру, что только такое построение высших законодательных органов, как наше, только такое государство, как советское, может служить гарантией того, что угнетенные и порабощенные национальности выйдут, наконец, из того состояния, в котором они теперь находятся.

Когда мы строили свои законодательные органы, мы имели в виду об'единение советских республик как в области политической, так и в области экономической. В области политической мы об'единили нашу внешнюю политику, ибо только организованно, единым фронтом, мы можем успешно выступить против того натиска, который мы испытываем извне. Мы установили для граждан союзных республик единое союзное гражданство. Мы отнесли вопрос о правах иностранцев в области союзного гражданства в ведение верховных органов Союза. Мы об'единили нашу внешнюю торговлю. Мы об'единили в руках центрального Союзного органа все концессионное право. Все эти вопросы имеют колоссальное значение, как в связи с тем местом, которое наш Союз занимает в среде окружающих его буржуазных государств, так и для экономического развития самого Союза. Мы об'единили также главнейшие отрасли в области экономики. Мы об'единили и сделали общесоюзной всю крупную промышленность. Мы об'единили главнейшие функции внутренней торговли, мы об'единили наши силы для защиты как от внешних, так и от внутренних врагов, т.-е. организацию и руководство вооруженными силами Союза. Мы об'единили дело народной связи, почту и телеграф и один из главнейших экономических факторов всякой страны—пути сообщения.

Быть может, товарищи, при несовершенстве еще наших законодательных органов, при малом опыте нашего аппарата, в тех или других частных случаях могут пострадать интересы некоторых национальностей, но, изучая наши ошибки, мы будем совершенствовать наш центральный государственный аппарат, так же, как в области нашего местного аппарата мы прилагаем все усилия к тому, чтобы его постепенно улучшать и усовершенствовать. В интересах сохранения единства Союза и в интересах скорейшего развития нашей экономической и политической мощи, мы должны были, безусловно, все указанные отрасли об'единить.

Что касается чисто бытовых, национальных или культурных сторон жизни наших республик и областей, то в этом отношении им предоставляется достаточный простор, достаточно самостоятельности. Их суверенные права специально охраняются нашим Основным Законом, и свою культурную жизнь, свои особенности, свои бытовые условия они могут развивать у себя так, как это соответствует их экономическому и политическому состоянию, а также внутренним и внешним условиям жизни. Поэтому те органы власти, которые касаются культурных и бытовых сторон жизни республик и областей, вопросов народного просвещения, юстиции, внутренних дел, народного здравия, в общем и целом оставлены в руках союзных республик. Союз республик берет в свои руки только общие мероприятия как в области народного просвещения, так и в области здравоохранения, и др. меры, ведущие к укреплению союза.

Наша Конституция очень молода, товарищи: она введена в жизнь только в июле месяце 1923 года и, разумеется, за этот короткий период мы не накопили еще достаточно опыта, чтобы сейчас, на этом С'езде, внести в нее те или другие изменения. Но наше основное законодательство отличается от буржуазного законодательства уже тем, что мы его строим по мере развития тех отношений, которые у нас устанавливаются. Мы пользуемся каждым нашим шагом, каждой проделанной работой, как опытом, для того, чтобы внести те или другие улучшения или поправки, в основные наши законы. Такое отношение к нашим законам придает им величайшую силу и жизненность. Вот этой величайшей силой и жизненностью, несмотря на некоторые внешние недостатки наших основных законов, отличается наша Конституция. Я уверен, что приезжая на последующие С'езды Советов, мы все принесем сюда опыт с мест, и годовая работа наших центральных органов и опыт годового взаимодействия наших центральных органов с органами союзных республик даст нам достаточный материал для того, чтобы на 3-м С'езде Советов мы внесли те или другие поправки и изменения в структуру нашей Конституции. Есть, однако, нечто, что остается для нас незыблемым, — это основные принципы советской власти. Они, разумеется, останутся неизменными, все же остальное мы будем перестраивать, улучшать и совершенствовать.

На 3-й сессии ВЦИК, в ноябре месяце 1923 года, были приняты положения о центральных органах нашей власти, о ЦИК'е, о Совнаркоме и о наркоматах. Все эти акты имеют, несомненно, конституцион-

ное значение, ибо в них отчасти повторяется то, что имеется в основном законе; многое там развито, разработано более подробно, но мы не решились на этом С'езде предложить вашему рассмотрению положения, которые были приняты на последней сессии, и включить их в Конституцию. Мы подождем, мы испытаем их на деле, и то, что выявит свою жизнеспособность, что засвидетельствует полное соответствие интересам всех союзных республик, то мы примем в качестве дополнения к нашей Конституции на следующем С'езде.

Но и сейчас Конституция в таком виде, в каком мы ее сегодня рассматриваем, вполне удовлетворяет тем требованиям, которые стоят перед нами. В ней подробно перечислены те вопросы, которые составляют прерогативу верховной власти Союза, т.-е. исключительно С'езда Советов; перечислены вопросы, которые подлежат исключительному ведению Центрального Исполнительного Комитета, т.-е. Союзного Совета и Совета Национальностей. В Конституции указываются достаточно ясно пределы полномочий или законодательной компетенции и инициативы Совнаркома. В ней указаны основные принципы, на которых должен быть построен наш верховный союзный суд. И тут же указывается, как должно быть построено наше об'единенное государственное политическое управление.

Главное, однако, что внесено в этот Основной Закон, в сравнении с тем договором, который был принят на 1-м С'езде Советов, это вопрос, как я уже говорил, о двухпалатной системе, вопрос о Союзном Совете и Совете Национальностей. К вопросу о национальном представительстве пришлось подходить чрезвычайно осторожно. Он был предметом обсуждений задолго до принятия первого договора и первой декларации на 1-м С'езде. Этот вопрос подвергся наиболее тщательному обсуждению на XII партийном С'езде, а также национальном совещании представителей всех республик и областей. Мы построили этот орган—Совет Национальностей—на принципе паритетного или равного представительства от национальных республик и от национальных автономных областей, т.-е. каждая союзная или автономная республика в Совет Национальностей посылает пять своих представителей, каждая автономная область посылает в него по одному представителю. Совет Национальностей выделен, как одна из двух палат Центрального Исполнительного Комитета,—этого верховного органа власти Союза. И, как я уже говорил, во всей своей законодательной деятельности Совет Национальностей имеет совершенно одинаковые права с Союзным Советом, который выбирается непосредственно С'ездом Советов и который строится на принципе пропорционального представительства всех республик и областей.

Наши палаты будут собираться не менее трех раз в год на свои сессионные работы; на разрешение их будут восходить, несомненно, все важнейшие законопроекты, имеющие общесоюзное значение, и дальнейшая работа нам покажет, правильно ли мы построили эти органы. Сейчас приходится теоретически подходить к этому вопросу, ибо никакого опыта в истории на этот счет не имеется. Тем не менее, нам кажется, что, если принять во внимание опыт всей нашей предшествующей работы, то мы подошли к этому вопросу совершенно правильно. Я уве-

рен. что сессии Центрального Исполнительного Комитета, которые будут состоять из отдельных сессий Союзного Совета и Совета Национальностей, внесут величайшую ясность и придадут величайший авторитет своей законодательной работе. Эта работа даст толчок и самим союзным и автономным республикам в их законодательной работе. На этом будет учиться каждая республика, а, главное, будут учиться все народы, взоры которых, несомненно, будут обращены на построенные таким образом, наши законодательные органы.

По Конституции еще на первом С'езде Советов Союзный Совет был определен в числе 371 члена, а Совет Национальностей—по паритетному представительству союзных республик и автономных союзных областей.

Но в проект Конституции, который роздан вам, вносится такое изменение, что Союзный Совет увеличивается численно до 414 человек. Разумеется, это увеличение, отнюдь, не нарушает пропорционального представительства, как союзных, так и автономных республик и областей в этом органе. Это увеличение было вызвано тем обстоятельством, что сессии Центрального Исполнительного Комитета будут функционировать правильно, и более длительно, чем это было до сих пор. Мы полагаем, что на разрешение этих сессий будут восходить все коренные вопросы, имеющие общесоюзное значение, в особенности, в области нашего сельского хозяйства, промышленности и торговли. Исходя из того, что на сессиях Центрального Исполнительного Комитета не имеют возможности присутствовать в достаточном количестве товарищи, работающие на местах, то, чтобы вполне обеспечить кворум этих органов и чтобы дать возможность, если не всем. то части товарищей отлучаться для работы на сессиях Центрального Исполнительного Комитета на более длительное время, мы увеличили число представителей с мест в этот орган. Мы полагаем, что тем самым мы сделаем более работоспособными эти органы и дадим возможность большему числу членов Союзного Совета участвовать в законодательной работе.

Что касается Совета Национальностей, то мы пока остановились на норме: 5 представителей от республик и 1 представитель от областей. Если дальнейший опыт работы сессий Совета Национальностей покажет нам, что это число далеко недостаточно, то мы на следующем С'езде Советов эту ошибку исправим или же признаем, что эти числа—5 и 1—вполне обеспечивают правильную работу Совета Национальностей, и оставим то соотношение, которое мы сейчас в Конституции выдвигаем.

Далее вносится изменение в 4-ю главу проекта Конституции в ст. 26. Ст. 26 говорит об образовании Центрального Исполнительного Комитета и Президиума Центрального Исполнительного Комитета. Нигде в Конституции не было определенно сказано, что во всех случаях (даже и тогда, когда мы составляем такие рабочие органы власти, как Президиум или Совет Народных Комиссаров) голосование на совместных заседаниях Союзного Совета и Совета Национальностей происходит раздельно. Поэтому, чтобы не получилось впечатления, что персонально эти органы составляются путем майоризирования одной частью ЦИК другой части, мы вводим вполне определенное

и ясное добавление в 26 статью Конституции следующего содержания:

«Для образования Президиума ЦИК Союза ССР и Совнаркома Союза ССР, согласно ст.ст. 26 и 37 настоящей Конституции, устраивается совместное заседание Союзного Совета и Совета Национальностей. Голосование на совместном заседании Союзного Совета и Совета Национальностей производится отдельно Союзным Советом и Советом Национальностей».

Ничего страшного в этом добавлении нет, ибо при том условии, что наша власть в основе является рабоче-крестьянской и что все национальности, входящие в состав нашего обширного Союза, преследуют одни и те же цели и одни и те же интересы, то и в вопросах составления наших центральных органов больших споров и разногласий быть не может. Если возникнут разногласия, то они потом будут нами изжиты и устранены путем согласительных комиссий, путем совместного обсуждения тех или других кандидатур и т. д.

Что касается самих палат, то Конституция указывает, что Союзный Совет, т.-е. классовое представительство, выбирается С'ездом Советов, и от этого С'езда Советов, от этого источника верховной власти Союза, — Союзный Совет получает свои полномочия до следующего с'езда, как верховный орган власти.

Что касается Совета Национальностей, то отдельные элементы этого Совета выдвигаются ЦИК'ами союзных автономных республик и автономных областей, но в целом состав Совета Национальностей получает утверждение С'езда Советов. Это сделано для того, чтобы эта палата, эта часть нашего ЦИК'а получила законодательные полномочия, как верховный орган власти между С'ездами Советов, от самого же С'езда Советов. Такой принцип — выбора одной палаты и утверждения другой палаты—в целом придает ЦИК'у тот авторитет, который имеет сам С'езд Советов.

Я не буду останавливаться далее на отдельных главах, полагая, что вы прекрасно знакомы с отдельными частями построения нашего Основного Закона. Скажу лишь о ст. 71, которая подверглась изменению на III сессии ЦИК'а Союза ССР,—о нашем государственном флаге. Первоначальный текст этой статьи, утвержденный II сессией в июле 1923 г., гласил, что государственный флаг Союза представляет из себя красное или алое полотнище, с изображением государственного герба. Мы в начале сделали некоторую ошибку, об'единив две эмблемы государственности—герб Союза и флаг вместе. Эти эмблемы мы должны иметь совершенно отдельно. Государственный герб—у вас, товарищи, имеются листы, где он изображен,—был принят и одобрен еще 2-й сессией ЦИК'а в том виде, как он здесь изображен, т.-е. на земном шаре имеются изображения серпа и молота, этого символа рабоче-крестьянского союза, и такое понимание серпа и молота уже облетело весь мир, так его везде и понимают.

Земной шар обрамлен колосьями и колосья переплетены лентами. На лентах имеются надписи на основных языках нашего Союза. Если суждено будет (эта уверенность у всех у нас есть) разрастаться нашему Союзу, то хватит места и для других надписей, когда Союз будет увеличиваться дальше.

Что касается флага, то новый текст говорит, что флаг остается таким же, т.-е. красное полотнище, с изображением в правом верхнем углу, у древка, серпа и молота и красной звезды, обрамленной золотой каймой. И в этом простом и чрезвычайно выразительном виде, наш государственный флаг уже знаком всем, кто внимательно следит за развитием и укреплением нашего Союза.

Кроме того, в примечание к ст. 15 вносится добавление: после слов «Юго-Осетия» добавляются слова: «Нагорный Карабах и Нахичеванская».

Вот, товарищи, все то основное, что я хотел вам сказать. Я должен повторить, что некоторые недостатки, с точки зрения недоговоренности, неясности и т. д. в нашем Основном Законе, несомненно, имеются. Но, утвердив этот Основной Закон, Конституцию, вы должны будете поручить своему Центральному Исполнительному Комитету, принимая во внимание опыт работы всех наших законодательных органов, представить к следующему С'езду Советов Союза все поправки и изменения, которые будут соответствовать нашей дальнейшей работе, и будут необходимы для постепенного развития и улучшения нашего законодательства.

Наш великий строитель Союза народов, тов. Ленин, умер, но в этой области он оставил нам такое громадное наследство, такие заветы, что если мы со всей энергией будем стараться проводить их в жизнь, на наше поколение хватит. И мы уверены, что, если хоть часть этих заветов будет выполнена и союз трудящихся и угнетенных всех национальностей будет итти твердо и решительно по указанному тов. Лениным пути, мы дадим гигантский толчок пробуждению всех народностей, которые и до сих пор обращали свои взоры в сторону нашего великого вождя. Тов. Ленина не стало, но лучшим и первейшим руководителем всех угнетенных народов останется им продуманный, им вдохновленный и им созданный Союз Советских Социалистических Республик, Конституцию которого мы с вами сегодня утвердим.

Председатель. Слово для предложения предоставляется тов. Гринько.

Гринько. Товарищи, так как текст Конституции вырабатывался в целом ряде многочисленных собраний и комиссий, при участии всех республик и областей, мы предлагаем прений по докладу тов. Енукидзе не открывать и принять следующее постановление:

«Заслушав доклад тов. А. С. Енукидзе об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик. 2 С'езд Советов Союза ССР постановляет:

Конституцию (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, представленную, во исполнение резолюции 1 С'езда Советов Союза ССР, на окончательное утверждение 2 С'езда Советов Союза ССР, — утвердить.

Председатель. Разрешите, товарищи, поставить на голосование этот вопрос. Кто за то, чтобы предложение тов. Гринько принять? Кто против? Нет. Кто воздерживается? Нет. Таким образом, предложение тов. Гринько принимается единогласно.

Заседание закрывается.

Заседание четвертое.

Вечернее, 31 января 1924 года.

Червяков (председательствующий). Заседание об'являю открытым. В порядке дня—доклад о бюджете Союза ССР. Слово для доклада предоставляется тов. Владимирову.

Владимиров. Товарищи, финансовая политика охватывает два круга вопросов: к первому относятся вопросы, главным образом, бюджетного характера, как государственного, так и местного, ко второму—вопросы денежного обращения и кредита, которые гораздо ближе соприкасаются со всеми сторонами нашей народно-хозяйственной жизни.

Между обоими кругами вопросов существует, конечно, самая тесная связь, но, тем не менее, их можно рассматривать более или менее самостоятельно. Разбирая их, мы более ясно и конкретно можем установить их значение и влияние на все наше народное хозяйство.

В любом буржуазном государстве вопросы государственного бюджета имеют самостоятельное значение, вне непосредственной, прямой зависимости от народного хозяйства. Это об'ясняется тем, что в капиталистическом государстве народное хозяйство состоит из суммы отдельных частных хозяйств. Эти хозяйства борются между собою на основе конкуренции. Эта конкуренция выдвигает, обычно, развитие производительных сил, которые увеличивают богатство и могущество данной страны, но это развитие не является предметом регулирования со стороны государства.

У нас, в условиях советской власти, дело обстоит иначе. Вопрос государственного бюджета имеет громадное значение, в силу его влияния на все народное хозяйство. Народное хозяйство в определенной мере регулируется непосредственно государственной властью, а в той мере, в которой оно непосредственно не регулируется, находится под большим ее воздействием. Поэтому, если в буржуазном государстве вопросы государственного бюджета,—сведения его с дефицитом или без дефицита,—имеют крупное самостоятельное значение, то у нас они должны быть теснейшим образом связаны с основными условиями народного хозяйства. Это, конечно, относится в равной мере и к вопросам кредита и к вопросам денежного обращения.

Товарищи, если под таким углом зрения подойти к вопросам финансовой политики, то нужно помнить, что мы сейчас переживаем в

области народного хозяйства ряд в высшей степени важных явлений, которые необходимо зафиксировать, чтобы точнее и яснее установить роль государственного бюджета. Если взять последние два—три года—период новой экономической политики, и поставить пред собою общий вопрос—что представлял собою за эти годы наш народно-хозяйственный баланс, иначе—что представляла собой продукция страны за этот период времени, в каком направлении она развивается и какое влияние оказывал на нее и может оказывать государственный бюджет и денежное обращение,—то окажется, что эти вопросы гораздо легче поставить, чем на них ответить во всеоружии точных и ясных цифр. Это об'ясняется не только состоянием нашей статистики. Даже в государствах с очень хорошо налаженной статистикой, дело учета национального дохода или национальных капиталов связано с громаднейшими трудностями. У нас же в обстановке 1921—22 года, когда мы едва приступили к этому учету в 1922—23 году, когда мы имели дело с падающей валютой—учет представлял собой исключительно большие затруднения. Но, тем не менее, если собрать воедино все различные данные, которые имеются у всех наших государственных органов, и внимательно, критически разобраться в них, то мы должны были бы сделать следующий упрощенный вывод.

В 1921—22 хозяйственном году наше народное хозяйство, понимая под ним как государственное, так и частное, было дефицитным; этот дефицит оно покрывало за счет с'едания своего капитала. Это мы наблюдали в области нашей промышленности и в области крестьянского хозяйства, почти во всех областях нашей народно-хозяйственной жизни, за исключением, может быть, отдельных уголков ее, главным образом, среди части торгового класса, где, может быть, было некоторое накопление.

В 1922—23 году картина значительно по существу меняется. Нужно думать, опять-таки на основании сводных данных, которые имеются в нашем распоряжении, что в 1922—23 году мы получили известное равновесие между доходами и расходами. Это, конечно, не означает, что в отдельных областях нашего хозяйства мы не имели превышения расходов над доходами, а в других областях имели обратное. Если взять хозяйство в целом, то, безусловно, наши доходы более или менее равнялись нашим расходам. Но утешиться этим мы никак не можем, ибо нужно принять во внимание, что это выравнивание произошло только потому, что мы необычайно сжали наши расходы, что и частное, и крестьянское, и государственное хозяйство, как финансовое, так и промышленное, должны были до крайности сжимать свои потребности; и только путем сжатия потребностей оно вышло из дефицита. На почве необычайного сжатия потребностей, на почве отказа от удовлетворения иногда самых важных потребностей, наше народное хозяйство не могло сделать необходимого нам быстрого скачка вперед. Бюджет 1922—23 г. имеет уже громадный плюс по сравнению с 1921—22 г.

1923—24 г., судя по началу, говорит о том, что мы, очевидно, вступаем в ту полосу, когда мы будем иметь не только равновесие между доходами и расходами, при чем расходами повышенными, но и изве-

стное накопление, увеличение нашего национального капитала. Это вытекает из всей обстановки—будете ли вы отдельно рассматривать промышленность как государственную, так и частную, будете ли брать наше сельское хозяйство, в котором все большую роль начинают играть более ценные технические культуры и промыслы, которые в 1920—21 году почти никакой роли не играли.

По целому ряду губерний наблюдается, что полеводство, которое прежде являлось основным источником дохода крестьянского хозяйства, теперь иногда отодвигается на второй, а, может быть и на третий план. Т.-е. мы совершенно определенно имеем перед собой на 1923—24 год довольно быстрый и заметный рост народного хозяйства. Если об'ективно создаются такие предпосылки, то задача государства и, главным образом, задача государственных финансов заключается в том, чтобы всеми финансовыми средствами, которые имеются в распоряжении государства, помогать и облегчать развитие производительных сил, развитие народного хозяйства, развитие товарооборота и т. д. Ибо эта, сравнительно благоприятная, об'ективная обстановка может очень легко нарушиться неправильной финансовой политикой. Достаточно нам принять непосильный для нас государственный бюджет, иметь слишком крупные расходы, не имея возможности покрывать их нормальным способом, достаточно прибегнуть к помощи эмиссии для покрытия бюджетного дефицита, как мы одновременно нанесем громаднейший удар и нашему денежному обращению и, вместе с тем, всему нашему хозяйству.

Достаточно указать на то, что переживает сейчас наше крестьянское хозяйство, благодаря неустойчивой валюте. Мы в целом ряде случаев видим, как крестьянство отказывается от продажи своих продуктов и не покупает товаров. Наши советские предприятия не могут точно производить расчетов, не могут точно определить себестоимость продукции, благодаря неустойчивости совзнака. Поэтому в этом году больше, чем когда бы то ни было, когда создаются об'ективно благоприятные предпосылки для развития нашего народного хозяйства, задачей финансовой политики является—всеми средствами, которые имеются в ее распоряжении, максимально способствовать этому процессу.

Каковы же финансовые средства, которые имеются в распоряжении советской власти? Их для простоты можно разбить на 4 группы. К первой группе относятся налоги, ко второй, так называемые, доходы неналогового характера; к третьей—доходы от денежной эмиссии и, наконец, к четвертой—доходность кредитных операций. Разрешите мне остановиться несколько подробнее на каждом из этих главнейших моментов и начать с налогов. Что представляют собою наши налоги, если взять их в историческом развитии, главным образом, за период новой экономической политики? Можно сказать без всякого преувеличения, что они за 1921/22 года представляли собою один из самых ярких образцов наиболее грубого налогового обложения.

Если отвлечься от обычной бюджетной терминологии, то можно сказать, что эти налоги падали, главным образом, на валовой доход, независимо от того, в какой степени этот валовой доход, хотя бы в ми-

нимальной мере, покрывая необходимые потребности того или другого налогоплательщика.

Эта грубость налогового обложения, применялась ли она к отдельным частным хозяйствам или к хозяйству государственному, всюду, конечно, наносила громаднейший ущерб. Но тогда мы не могли раздумывать, не могли тогда выбирать. Нам приходилось строить финансовый аппарат, а для того, чтобы создать налоговые поступления, приходилось итти грубыми шагами, лишь бы добиться своей цели.

Мы добились своей цели, товарищи, но мы даем себе совершенно ясный отчет в том, что одновременно мы вносили много отрицательных элементов в наше народное хозяйство.

В 1922—23 году мы делали иногда довольно решительные попытки пересмотра наших налогов. Мы избавились от целого ряда самых грубых видов обложения, вроде общегражданского налога, трудгужналога. Целый ряд местных налогов ликвидирован, и мы пытаемся все налоги, которые затрагивали иногда имущество, иногда капитал, заменить подоходно-поимущественным налогом.

Этот налог уже прошел две кампании. Мы сейчас подходим к третьей. Первая кампания была исключительно грубой по приемам работы и мало дала по результатам. Мы только нащупывали налогоплательщиков для того, чтобы выяснить точные размеры их доходов, и в зависимости от этог размера, их обложить. Вторая кампания протекала значительно более нормально. И мы думаем, что третья кампания даст нам еще лучшие и более ценные результаты.

Когда мы внимательно присматриваемся к подоходному налогу, то мы должны констатировать одно очень тяжелое явление: если мы пытаемся реформировать наше налоговое обложение и взимать налоги с дохода, то оказывается, что этот чистый доход пока-что необычайно ограничен. Тут есть два момента: с одной стороны, то обстоятельство, что 22—23 г. был годом только лишь равновесия между доходами и между крайне суженными расходами; тут еще не было простора для развития подоходного обложения. Подоходным обложением мы еще не нащупали многих групп плательщиков, которые, несомненно, уже имеют крупные доходы, но которые, по целому ряду обстоятельств, умеют ускользать от обложения. Я приведу вам одну маленькую справку, которая покажет, как неблагополучно у нас обстоит дело в этом отношении. Если общее число плательщиков подоходного налога в минувшем году разделить в зависимости от главнейших категорий источников дохода, то окажется, что по доходам от торговли и промышленности облагались 410,000 налогоплательщиков, по владению имуществом—50.000, по доходам от свободных профессий—38.000 и от денежного капитала—всего 1.260 плательщиков. И эти 1.260 плательщиков показали свой доход в 448.000 рублей.

Совершенно достаточно огласить эту цифру, чтобы показать, в какой степени наши налоги, или вообще советский аппарат, не могут еще найти этот частный денежный капитал, в то время как он сейчас в нашей социально-экономической жизни играет очень крупную роль.

Нужно помнить, что наши кредитные учреждения: Промбанк, Госбанк, Мосгорбанк лишь в незначительной мере обслуживают частную

промышленность и частную торговлю. Общества взаимного кредита, которые этим заняты, играют ничтожную роль во всей кредитной системе. Не может-же эта частная промышленность и торговля существовать и развиваться без того, чтобы в определенные моменты не обращаться за займами, не платить по ним очень крупных процентов. У нас имеется определенная категория владельцев денежных капиталов, но именно потому, что их капитал находится в денежной форме, он необычайно легко ускользает от фиска. Мы их не нащупали, несмотря на то, что они, несомненно, играют очень крупную роль в частном товарообороте.

Второй дефект нашего подоходного обложения,—судя, по крайней мере, по тем цифрам, которые у нас имеются,—заключается в том, что подоходное обложение иногда слишком большой тяжестью падает на средний слой и гораздо меньшей тяжестью падает на наиболее зажиточный, крупный слой. Тут, с одной стороны, виноваты и известные недостатки аппарата, но, главным образом, обычное умение крупных капиталистов (это характеризовало их и в царской России, характеризует их и в любом буржуазном государстве) уменье припрятать, уменьшать свои доходы. Стоящая перед советским государством задача—настигнуть эти капиталы и обложить их,—имеет громадное значение.

Усиление классового момента в подоходном обложении, гораздо более резко, чем это было до сих пор, является нашей чрезвычайно крупной задачей на 1923—24 г.

Другой наш крупный налог, так называемый, промысловый налог, который составляется из патентного и уравнительного сбора, в нашем бюджете играет очень видную роль. Уравнительный сбор и патенты представляют собою один из мало совершенных типов обложения: это—сбор, который берется с общего оборота, он сравнительно мало позволяет нам индивидуализировать обложение предприятий по степени их доходности. Кое-какие, и довольно значительные, исправления в этот уравнительный сбор мы внесли: понизили ставки, сделали его менее обременительным и значительно упростили и усовершенствовали способ его исчисления. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что нам придется промысловое обложение еще более реформировать. И в отношении государственной промышленности мы надеемся провести это в самое ближайшее время. Из налогов эти два налога—промысловый и подоходный являются самыми важными и крупными в государственном бюджете.

Теперь я перехожу ко второй категории налогов, к так называемым косвенным налогам. Тут я должен оговориться. Обычное деление налогов на прямые и косвенные не имеет того экономического значения, которое нас интересует. По существу, нет никакой разницы между акцизом и уравнительным сбором, ибо когда какое-нибудь предприятие ВСНХ уплачивает уравнительный сбор, то оно в калькуляции себестоимости продукта пишет: «уплачено налога столько-то и столько-то» и включает этот уравнительный сбор в цену того фабриката, который оно продает населению,—иначе говоря, перелагает этот налог на население. А как обстоит дело с косвенными налогами—с акцизом? Точно

так же: если сахаротрест платит столько-то акциза на пуд сахара, то на такую же сумму он увеличивает цену продукции. Поэтому, если отвлечься от подоходного обложения, то, например, уравнительный сбор по существу гораздо точнее мог бы быть назван косвенным налогом, именно потому, что он необычайно легко перекладывался на потребителя, что несет его не предприятие, которое уплачивает, а потребитель, покупающий данный товар. На это необходимо указать для того, чтобы подчеркнуть, в какой степени нам важно этот вид промыслового налога реформировать как можно скорее.

Я перехожу к акцизам. Мы к концу года сделали опять-таки крупный шаг вперед путем снижения акцизов на те предметы, которые играют большую роль в крестьянском хозяйстве. Акциз на соль составлял 45 коп. Сейчас он составляет 22½ коп. Мы понизили акциз на керосин. Раньше он составлял 80 коп., теперь—60 коп. Затем мы понизили акциз на сахар. Когда мы понижали эти акцизы, у нас было почти твердое убеждение, что это, в известной мере, отразится на состоянии государственного бюджета; тем не менее, мы пошли на это уменьшение, так как считали, что поскольку это—продукты массового потребления, в которых кровно заинтересованы десятки миллионов крестьян и рабочих, постольку выгодно для государства в целом понизить сейчас доход государственного казначейства и увеличить потребление этих продуктов. Это сейчас же скажется и на улучшении положения промышленности, и на удовлетворении потребностей крестьянского населения. Вот почему, несмотря на очень тяжелые условия нашего бюджета, мы все-таки пошли на понижение акцизов. Товарищи, мы не считаем, что вопрос этот уже решен. Нам придется в области акцизного обложения пойти на систему дифференциации, т.-е. применения различных ставок акциза, в зависимости от качества товаров, их цены, т.-е. в зависимости от степени спроса на тот или другой товар в широких массах, нам придется акцизные ставки понижать или повышать: на продукты, которые потребляются, главным образом, имущим классом, мы можем повысить; если же речь идет о продуктах массового потребления, нам придется ставки понижать.

Кроме выправления нашего акцизного обложения, нам придется продолжать работу, которую мы начали в 1922—23 г., по еще большему сокращению числа местных налогов. Беда наша, беда народного хозяйства и каждого налогоплательщика в отдельности заключается в том, что он строит свое хозяйство, не имея определенного расчета, не имея возможности приспособиться к нашему налоговому законодательству. Мы имеем слишком много налогов. Правда, теперь их меньше, чем год тому назад, но если взять государственные и местные налоги, то все же слишком много налогов и сроки уплаты их установлены совершенно неопределенные. Поэтому мы считаем, что в интересах устойчивости, нормального и планомерного развития народного хозяйства нам необходимо иметь как можно меньшее количество налогов и как можно более точно фиксированные сроки их взимания, чтобы каждое хозяйство совершенно определенно могло знать, сколько в общей сумме ему придется платить налогов и в какие сроки ему придется их вносить.

Я отвлекусь от целого ряда других деталей, которые необходимо

провести в жизнь, чтобы улучшить наше обложение, и перейду к главному вопросу, который интересует всех,—к вопросу об едином сельско-хозяйственном налоге.

Мы, приступая к реформе какого-нибудь налога, проводим ее на основании определенного учета той практики, которая перед нами прошла, на основании подробного анализа положительных и отрицательных сторон данного налога. Когда мы под таким углом зрения подходим к единому сельско-хозяйственному налогу, то мы должны раньше всего сказать, что система установления единого сельско-хозяйственного налога в натуральной ржаной единице нанесла тяжелый ущерб как государству, так и крестьянскому хозяйству. До сих пор мы не имели единых, прочно связанных между собою, хлебных рынков, и цены на рожь значительно колеблются в различных районах, а иногда и внутри данного района (вы можете легко найти районы, находящиеся в расстоянии один от другого 20—25 верст, где, в зависимости от расстояния до станции железной дороги, в зависимости от отдаленности крупных рынков, вы имеете различные цены). Опыт показал, что никакой советский аппарат не в состоянии быстро приспособить налоговую стоимость ржаной единицы к рыночным денежным ценам ржи. Это первое крупное неудобство системы взимания налога в натуральной ржаной единице. Второе крупное неудобство состоит в том, что мы имеем определенную денежную систему, что отказ государства от взимания налога деньгами равносилен отказу государства от своей платежной единицы. Нам необходимо с этим покончить. В расчеты каждого крестьянина будет внесена большая ясность, если он будет знать, что ему на протяжении года необходимо будет заплатить, скажем, 1—2 рубля с десятины. Применительно к этому он будет заранее готовиться и рассчитывать, сколько ему нужно будет продать тех или других продуктов, как он должен будет использовать рабочую силу, чтобы такую-то выплату произвести, не думая о том, какова будет цена пуда ржи, как эта цена будет колебаться и т. д. Само собой очевидно, что установление этого налога в твердых денежных единицах придаст гораздо большую устойчивость, облегчит элемент предвидения каждого крестьянского хозяйства. Мы считаем, что опыт 1923—24 г.г. с полной неопровержимостью показал, что нам надо категорически отказаться от системы исчисления налога в натуральных ржаных единицах и перейти к денежной форме. Правда, это связано с другим—с денежной реформой, о которой я еще буду говорить особо.

Второй крупный дефект нашего с.-х. налога заключается в том, что мы как бы одной меркой мерим всю нашу громадную территорию Союза. У нас имеются различные районы по степени их экономического могущества, по степени их близости к рынку, по их возможностям реализации тех или других продуктов. Вы можете иметь одно и то же количество десятин посева, одно и то же количество рогатого скота, одно и то же количество шерсти, но общая сумма вашего денежного дохода будет различна, в зависимости от того, в какой губернии вы находитесь. Когда мы устанавливаем в общем и целом одну и ту же скалу, которая зависит только от урожая, количества едоков или скота, мы ни в какой

мере не определяем реальную налогоспособность данного крестьянского хозяйства.

Мы считаем, что в этом году необходимо внести в построение единого с.-х. налога момент, который позволил бы гораздо более внимательно изучить наши экономические районы, чтобы иметь возможность, применительно к этим районам, устанавливать определенную скалу обложения; мы должны в этой области предоставить больше прав областным, губернским и даже уездным органам, и тогда мы получим в результате такое исчисление налога, которое наиболее соответствовало бы реальному доходу данного крестьянского хозяйства. Это тем более необходимо, что наступило время, когда мы должны сделать еще крупный шаг в сторону обложения чистого дохода крестьянского хозяйства. К способам, к которым мы прибегали до сих пор, мы не будем возвращаться—ни к разверстке, ни к продналогу.

Даже единый с.-х. налог в его современной конструкции не позволял нам подходить более внимательно к каждому индивидуальному крестьянскому хозяйству и строить скалу обложения в зависимости от его дохода. Перед нами стоит исключительно сложная задача. Кто знает крестьянское хозяйство, тот знает, насколько трудно нам, да и самому крестьянину, правильно учесть его денежный доход и применительно к размерам этого дохода, установить тот или другой налог. Нам в этом году придется еще только нащупывать почву для более правильного, индивидуального, прогрессивного подоходного налога. Мы должны установить ставки, гораздо более отвечающие экономическому положению данного района, а внутри данного района—гораздо более отвечающие реальной доходности каждого крестьянского хозяйства.

Опыт прошлого года неопровержимо говорит о том, что практику единого сельско-хозяйственного налога мы должны во что бы то ни стало закрепить и уточнить. Налог должен быть, действительно, единым. В этом году нам удалось в целом ряде районов, губерний и областей, действительно, приблизиться к единому сельско-хозяйственному налогу. Мы в значительной степени уже ликвидировали так называемое самочинное обложение. Правда, кое-где оно еще осталось. Что касается волостного сбора, то его нельзя назвать вторым налогом, ибо, когда издавался декрет об едином сельско-хозяйственном налоге, было указано, что для ликвидации самочинного обложения или самообложения нужно установить волостной сбор. Тем не менее, в 22—23 году мы имели еще известную налоговую кашу, известное налоговое творчество. Нам необходимо в 24—25 г. окончательно и бесповоротно это ликвидировать. Налог должен быть действительно единым. Каждый крестьянин должен получить единый окладной лист, и на этом едином окладном листе должно быть точно написано—сколько с него причитается и в какие сроки нужно налог платить.

Я мельком упомянул относительно сроков.

Но я думаю, вряд ли еще какой-нибудь вопрос имеет для крестьянского хозяйства такое громадное значение, как вопрос о сроках уплаты налога. Не подлежит сомнению, что те низкие цены на хлеб, которые мы наблюдали в начале налоговой кампании, в сентябре и октябре ме-

сяцах, в громаднейшей мере зависели от того, что это был период, когда крестьянство было обязано сдать очень большую часть налога.

Когда крестьянство стоит перед дилеммой как можно скорее сдать налог, потому что срок ограничен, то крестьянин торопится реализовать свой хлеб. Он вывозит его на рынок в большом количестве; и, если в данный момент нет должного числа покупателей, цены на хлеб понижаются, крестьянин проигрывает от этого. Отсюда—крупнейшая наша задача заключается в том, чтобы установить удобные для крестьянина сроки уплаты единого сельско-хозяйственного налога. Эти сроки удержат крестьян от лихорадочного выбрасывания на рынок хлеба, независимо от того, какие цены будут на рынке в это время. Мы думаем, что от правильного установления срока единого сельско-хозяйственного налога в значительной степени зависит более нормальная и необходимая для крестьянского хозяйства цена на хлеб. Вы скажете—цены на хлеб зависят не только от этого. Но это—одно из обстоятельств, которое оказывает на цены чрезвычайно крупное влияние. Вот в основных чертах то, что нужно будет изменить.

Мне придется отметить еще одно обстоятельство, которое вызывает очень крупные и серьезные затруднения, и преодолеть их мы должны во что бы то ни стало. Мы имеем различные типы крестьянского хозяйства. Мы имеем хозяйства, в которых полеводство, зерновое хозяйство играет главнейшую роль, составляя от 70 до 75% всего дохода. Мы имеем другие районы, в которых зерновое хозяйство играет гораздо меньшую роль, и где технические культуры занимают первое место. Наконец, есть районы, где не технические культуры, не зерновое хозяйство, а промышленность дает крупнейший источник дохода крестьянскому хозяйству.

Если мы наш единый сельско-хозяйственный налог будем строить только по полеводству, только по зерновому хозяйству, что может произойти? Мы можем прийти к чрезвычайно неравномерному обложению различных частей Союза, мы можем всей тяжестью ударить, скажем, на наши южные хозяйства, где преобладает именно полеводство; мы можем слишком мало обложить другие районы, в которых полеводство играет гораздо меньшую роль. Чтобы единый сельско-хозяйственный налог был построен возможно более правильно, чтобы он отвечал реальной экономической силе каждого района и каждого крестьянского хозяйства, нам при обложении крестьянства нужно исходить не только из доходов от полеводства, не только от его зернового хозяйства, а из всех составных частей его дохода. Но как его учесть? Повторяю, это сделать очень трудно. Сейчас мы имеем уже более или менее достоверные сведения о том, как распределяются различные части дохода крестьянского хозяйства по различным районам. И то обстоятельство, что мы предоставили районам, исполкомам, нашим республикам в этом году гораздо больше прав в установлении налога, гарантирует нам, что в этом году удастся до некоторой степени обложить налогом в крестьянском хозяйстве не только земледелие, но и все прочие виды его дохода. Таковы наши основные задачи в области налогового обложения. Чем совершеннее будет наша налоговая система, чем больше она будет упорядочена, чем меньший процент в отношении дохода хозяйства бу-

дет составлять налог, тем более приемлемым он будет для народного хозяйства. Но нужно помнить, что налогами не исчерпываются доходы государства. В нашем бюджете доходы от государственных предприятий, от государственных имуществ уже сейчас играют преобладающую роль, и в этом нет ничего удивительного. Государству принадлежат все железные дороги. Государству принадлежат главнейшие торгово-промышленные и сельско-хозяйственные предприятия. Государству принадлежат главнейшие кредитные учреждения. Государству принадлежат громадные лесные богатства. Что же удивительного в том, что даже сейчас, когда наша хозяйственная работа только еще начинает развиваться, доходы неналогового характера играют такую крупную роль.

В высокой степени важно в этом отношении учесть пример с транспортом. Наш транспорт сейчас усиленно развивается, но если вы возьмете процент его перевозок по отношению к довоенному времени, то получите около 15 или 16%. Очевидно, что по мере того, как будет расти товарооборот, развиваться промышленность и торговля, эти доходы будут увеличиваться, как и доходы от прочих наших доходных источников. Поэтому наша задача и заключается в том, чтобы, в целях облегчения налогового бремени, с особым вниманием отнестись к правильному использованию всех доходных возможностей неналогового характера.

В числе доходных возможностей неналогового характера главную роль играет, во-первых, наше лесное хозяйство, которое в этом году должно дать около 45 миллионов рублей, против 15 миллионов, которые мы получили в прошлом году. Развитие лесного хозяйства нам важно не только потому, что увеличивается государственный доход, но еще и потому, что всякий шаг вперед в области развития лесного хозяйства дает дополнительный заработок рабочему и крестьянину. Он же развивает, оживляет товарооборот в данном районе. Короче говоря, развитие лесного хозяйства играет роль экономического возбудителя жизни всей страны. Поэтому придется обратить чрезвычайное внимание на наше лесное хозяйство.

Не меньшее внимание нужно обратить на наши государственные предприятия. Уже сейчас они дают нам некоторую прибыль. Трудно сказать — во что она выльется. Мы думаем, по государственному и местному бюджетам вместе она составит в этом году не меньше, чем 25—30 миллионов. Товарищи, я подчеркиваю—по государственному и местному бюджетам, 25—30 милл.—цифра, конечно, очень большая в сравнении с тем нулем, который мы получили в прошлом году, но очень малая в сравнении с теми капиталами, которые вложены в эти предприятия. И теперь наша задача заключается в том, чтобы путем ускорения рассмотрения балансов всех промышленных, торговых и сельско-хозяйственных предприятий, во-первых, выявить ту часть прибыли, которая может пойти в распоряжение государства, а с другой стороны, выяснить те пути и средства, которые могут помочь нам увеличить эту прибыль и оздоровить наши предприятия. Само собой очевидно, что, если нам удастся уже в этом году сделать дальнейший шаг в области доходов неналогового характера, это увеличит ресурсы как государственного бюджета,

так и всего народного хозяйства и в значительной степени облегчит его развитие.

Перехожу к вопросу о государственном бюджете. Мы, к сожалению, не можем еще представить вам на утверждение бюджет на 1923—24 г. Мы столкнулись с очень большой сложностью его составления. Дело в том, что каждая республика, входящая в состав РСФСР, в этом году должна была представить нам, в Москву, свой подробный бюджет. Эта работа была для них довольно сложной и вызвала некоторую задержку в присылке бюджета, поэтому бюджет Российской Федерации был составлен с большим опозданием, что, в свою очередь, задержало составление Союзного бюджета. Еще и другое затруднение задержало своевременное представление вам на утверждение бюджета. Судя по тем предварительным данным, которые имеются в нашем распоряжении, бюджет 1922—23 г. был в конечном счете сбалансирован в размере, приблизительно, около 1.420 милл. рублей. По проекту бюджета, составленному наркомфином, расходы на 1923—24 г. и доходы должны составить, примерно, 1.709 милл. без Дальне-Восточной республики, а вместе с ней—1.750 милл.

Товарищи, мы имеем перед собой чрезвычайно крупный скачок. Я лично убежден в том, что рост бюджета несколько опережает развитие нашего народного хозяйства. Это представляет собой очень серьезную опасность. Если темп развития наших государственных расходов будет быстрее темпа развития народного хозяйства, которое еще до сих пор не может накапливать капитала, то мы, несомненно, будем задерживать самое развитие народного хозяйства в области накопления капитала и расширения производства. Тот проект, в котором цифра расходов и доходов исчислялась нами в 1.750 м. р., к сожалению, далеко не удовлетворил наши ведомства, и они пред'являют целый ряд дополнительных требований. Для нас же, для наркомфина, никакому сомнению не подлежит, что если мы серьезно ставим перед собой задачу восстановления и укрепления нашего народного хозяйства, проведения реформы денежного обращения и создания твердой, устойчивой денежной единицы, то мы никоим образом не можем выйти за пределы этой цифры. Ибо, как только мы выйдем за ее пределы, получится одно из двух: или мы не будем додавать, каждый месяц будем сокращать определенную часть кредитов—это худший способ разрушения нашего хозяйства,—или же мы вынуждены будем вновь возвратиться к печальным временам чрезвычайного использования бумажной денежной эмиссии для покрытия нашего бюджета. И тогда—будьте уверены—никакого твердого, устойчивого денежного знака мы не будем иметь. Крестьянское хозяйство опять будет задерживать реализацию продуктов, каждый торговец будет надбавлять цены, страхуя себя от падения денег. Мы возвратимся к худшим временам 1922—23 г. Мы не сможем использовать тех благоприятных обстоятельств, которые имеются сейчас в нашем народном хозяйстве.

Вот почему окончательное утверждение бюджета задерживается. Потребуется очень большая работа по примирению различных интересов, но я подчеркиваю нашу глубокую уверенность, что если мы только перешагнем за эти рамки, мы нанесем крупнейший и серьезнейший удар

всему нашему народному и, в частности, сельскому хозяйству. Эта опасность нас ожидает не только в отношении государственного бюджета, где мы имеем скачок от 1.420 миллионов до 1.750 миллионов, но и в области местного бюджета. Товарищи с мест в этом году, по целому ряду имеющихся у нас сведений, необычайно размахнулись, и вместо бюджета прошлого года, который по губерниям составлял около 300 миллионов рублей, в этом году можно ожидать местный бюджет в размере, примерно, 650 миллионов рублей, т.-е. увеличение, которое не соответствует ни росту местной промышленности, ни укреплению крестьянского хозяйства и которое об'ективно будет означать, что мы большую часть общественных продуктов, результат общественного труда, будем забирать на удовлетворение потребностей нашего государственного аппарата.

Наш государственный аппарат, конечно, нуждается в увеличении расходов на его содержание; но нельзя сейчас путем урезывания тех небольших накоплений, которые могут быть у нашего хозяйства, увеличивать наши государственные потребности. Вот почему мы считаем, что если нам необходимо в этом году, во что бы то ни стало, способствовать всеми финансовыми средствами и мерами развитию нашего народного хозяйства, увеличению его товарооборота, укреплению экономической смычки между крестьянским и городским хозяйством, то не менее необходимо нам так же твердо и жестко противостоять расширению нашего государственного бюджета. Если мы этого достигнем, мы сделаем крупнейший шаг вперед. Если же мы этого не добьемся, я не сомневаюсь, мы сделаем очень крупный шаг назад. Вопрос доходов неналогового характера и местного бюджета составляет первую категорию вопросов финансовой политики.

Теперь разрешите мне перейти ко второй категории вопросов, к вопросу нашего денежного обращения. Мы получаем за последнее время сообщения с мест относительно того, что на многих с'ездах советов товарищи крестьяне выражали самое резкое недовольство тем, что мы имеем как бы две валюты: одну валюту, предназначенную для города—червонец, и другую валюту, предназначенную для деревни—советский знак, при чем одна валюта устойчивая, а вторая валюта неустойчивая.

В таком виде, конечно, обвинение по адресу наркомфина или советской власти совершенно неправильно. Неверно, что червонец—валюта города, а совзнак—валюта деревни. Рабочий класс получает заработную плату, главным образом, денежными знаками. За последние несколько месяцев мы очень сократили нашу банковскую червонную эмиссию, и все наши платежи по государственному бюджету мы производим сейчас советскими знаками. Верно только одно, что поскольку речь идет о крупном обороте, в этом обороте фигурирует, главным образом, червонец. Поскольку речь идет о среднем и мелком товарообороте, там червонец, меньшая купюра которого составляет 10 рублей, конечно, не мог найти себе применения, и там действует совзнак. Но нам могут задать вопрос: если совзнак падает и падает так быстро довольно давно, а особенно стремительно в последние месяцы, почему мы задержали до сих пор денежную реформу? На этот вопрос нужно ответить со всей ясностью и со всей прямотой.

Денежная реформа производится не по желанию правительства, ни, тем более, по желанию наркомфина. Конечно, любое государство, и особенно рабоче-крестьянское государство, кровно заинтересовано в том, чтобы у каждого хозяйственного крестьянина, у каждого промышленного предприятия были крепкие устойчивые деньги, ибо, по выражению одного экономиста, «деньги—это зеркало хозяйства». Но не от нас зависит изобрести это хорошее хозяйство. И если хозяйство плохое, дефицитное, если хозяйство не умеет вести правильного учета своему производству, если хозяйство не умеет правильно калькулировать и правильно предвидеть,—в такой обстановке никаких хороших здоровых денег мы иметь не сможем. За что нам приходилось бороться в прошлом году и в этом году? За то, чтобы поставить более или менее правильно наше хозяйство. Червонцем начинается наша денежная реформа, но это был первый шаг, за которым последуют другие. Мы отдавали себе ясный отчет в том, что для того, чтобы завершить дело денежной реформы, нам раньше всего нужно упорядочить наше государственное и финансовое хозяйство. Нам нужно было отучить и нашу промышленность, и наши торговые предприятия от привычки в моменты затруднений приходить к государству и требовать денег. Когда наше хозяйство было в таком положении, нелепо было думать о возможности какого-то устойчивого, прочного денежного обращения, о том, что можно иметь здоровые деньги, ибо количество денег, которое должно находиться в обращении, определяется не нашим желанием их выпустить, не нашей потребностью в их выпуске, а потребностью самого торгового оборота, в зависимости от количества товаров, от скорости их обращения, в зависимости от целого ряда других моментов экономического характера. Приучившись выпускать деньги вне соответствия с нуждами оборота через наши государственные предприятия или учреждения, мы тем самым убивали, уничтожали всякую возможность упорядоченного денежного обращения. Вот почему мы вынуждены были задерживать эту денежную реформу до тех пор, пока не определилось более или менее ясно, что как наше финансовое, так и промышленное хозяйство начинают серьезно оздоровляться, что мы отучились более или менее от привычки возлагать все надежды на казенный сундук и научились понимать, что казенный сундук должен иметь ровно столько денег, сколько он получит от доходов и от налогов—ни больше и ни меньше.

Когда мы постепенно уничтожили эту веру, эту надежду в эмиссию, которая все может спасти, все может выручить, только тогда постепенно, шаг за шагом, мы приняли все подготовительные меры к тому, чтобы дело денежной реформы поставить на должную высоту.

Правда, вы можете мне сказать, что и в данный момент еще, быть может, не созрели все условия для денежной реформы, что мы еще имеем дефицит в нашем государственном бюджете, что мы еще далеки от идеала, поставленного нашим предприятиям и учреждениям, что кое-какие скверные привычки у нас еще остались, что мы еще плохо торгуем и т. д. И вы будете правы. Известные отрицательные моменты в нашем народном хозяйстве имеются. Но когда мы стоим перед вопросом: серьезнее ли для нас тот громадный ущерб, который сейчас

народному хозяйству приносит расстроенное денежное обращение, чем та относительная опасность, которая угрожает денежному обращению от некоторых плохих привычек и от некоторой дефицитности бюджета, мы без всякого колебания отвечаем: наступил момент, когда необходимо стране вместо падающего денежного знака дать твердый устойчивый казначейский билет. Если бы этому твердому казначейскому билету угрожала какая бы то ни было опасность со стороны какого бы то ни было органа, то задача рабоче-крестьянского государства, задача правительства была бы обеспечить этот казначейский билет от всяких притязаний. Рабоче-крестьянское правительство должно отдавать себе совершенно ясный отчет в том, что, если мы хотим создать нормальные и здоровые условия для развития крестьянского хозяйства, то нужно ему дать к весне такую денежную единицу, которая осенью составляла бы то же самое, а не изменилась бы в несколько раз. Необходимо, чтобы у крестьянина была уверенность, что он может спокойно накапливать деньги, что ему не нужно торопиться израсходовать деньги, которые попали ему в карман, иногда не на самое важное. Без этого нельзя ожидать серьезного дальнейшего поступательного движения нашего народного хозяйства и, в частности, крестьянского хозяйства.

Нужно помнить, что, хотя продукция сельского хозяйства в этом году, да, по всем вероятиям, и в следующем году, будет несколько ниже довоенной, но крестьянство более, чем когда бы то ни было, заинтересовано в том, чтобы иметь возможность по выгодным для себя ценам, большую часть своей продукции реализовать на рынке, ибо в крестьянском хозяйстве очень многого недостает. Ему не достает оборудования, ему не достает инвентаря мертвого и живого, ему не достает целого ряда основных хозяйственных принадлежностей, и поэтому крестьянин вынужден продавать очень много своей продукции. Но когда он перед собой имеет падающую валюту и скачущий денежный знак, он воздерживается от продажи, и на рынке он практикует натуральный товарообмен. Он не может выбирать наиболее выгодный для него товар в наиболее выгодное для него время.

Падающая валюта является главным бичом, главной опасностью для крестьянского хозяйства. Кроме того, поскольку крестьянское хозяйство находится на большем расстоянии от города, постольку товар прежде, чем от наших крупных городов дойдет до деревни, проходит много различных стадий: через разные районные, губернские и уездные органы; каждая из этих инстанций делает надбавку к цене, на страховку, от обесценения совзнака, и крестьянское хозяйство, благодаря этим страховкам, получает продукцию по безумно дорогой цене, по которой оно покупать не в состоянии. Все это говорит за то, что нам необходимо немедленно выпустить в обращение твердый казначейский билет, придать ему максимальную устойчивость, ликвидировать совзначную эмиссию и создать у крестьянства прочную уверенность в твердости этой валюты. Мы вынуждены будем всеми мерами и всеми средствами способствовать тому, чтобы казначейский билет был действительно устойчивым, действительно твердым, а не падающим.

Поэтому мы очень просим вас в резолюции подчеркнуть обязательность для всех государственных и кооперативных органов оказать наркомфину свое содействие в этом крайне серьезном и тяжелом деле денежной реформы, которую мы на протяжении февраля и марта месяца должны закончить.

Я должен еще остановиться на одном вопросе, который затрагивает даже основы нашей Союзной Конституции.

Речь идет о взаимоотношениях между бюджетом Союзным и бюджетами республиканскими. Эту работу, к сожалению, мы еще не закончили. Я лично думаю, что мы совершили бы громаднейшую ошибку и громаднейшую оплошность, если бы мы слишком форсировали решение этого вопроса. Нам приходится искать таких форм взаимоотношений между общесоюзным бюджетом и республиканскими бюджетами, которые, с одной стороны, давали бы максимум простора, максимум бюджетных прав каждой республике, но которые, с другой стороны, в ответственный момент денежной реформы уточнили бы денежный бюджет, не нанося ущерба. Все попытки, которые мы производили до сих пор, пока-что, привели нас к одному результату, а именно, что в 1923 — 24 г. в основу бюджета союзных республик нужно положить доходные источники.

Один из важных вопросов, который касается интересов отдельных союзных республик, это—вопрос о праве вводить у себя республиканские налоги. Нам придется очень внимательно подумать о том, целесообразно или нецелесообразно в 1924 году вводить республиканские налоги. Перед нами стоит исключительно сложный вопрос относительно взаимоотношения между Союзом и республиками в области кассы. Нужно помнить, что в единую кассу наркомфина поступают все деньги по республиканскому и по Союзному бюджетам, и нам нужно из этой кассы покрывать кредиты как общесоюзного, так и республиканского значения.

Как обеспечить правильное расходование кредита — это один из важнейших вопросов, над которым придется ломать голову не в течение одного месяца, а гораздо больше. Поэтому мы думаем, что нельзя форсировать какое-нибудь искусственное скороспелое решение этого вопроса. Опыт в течение этих месяцев дал нам много чрезвычайно важного. Мы полагаем, что ближайшие 2—3 месяца дадут еще новые дополнительные материалы, и было бы самым правильным, если бы Союзный С'езд Советов поручил наркомфину к следующей сессии Союзного ЦИК'а представить более подробный проект установления бюджетных отношений между Союзом и республиками.

Разрешите мне лишь в самых беглых чертах остановиться на вопросе, который непосредственно Союза касается мало и который больше затрагивает республики. Я имею в виду наш местный бюджет. Мне хотелось бы коснуться этого вопроса только под углом зрения необходимости создания во всем Союзе основы единой организации, которая будет иметь не только узко-финансовое, но и громадное хозяйственное значение. Я имею в виду систему нашего волостного бюджета. Союзному С'езду Советов необходимо твердо и ясно сказать, что это должно быть проведено в виде общей системы.

Наш волостной аппарат должен управлять, должен хозяйствовать. Но хозяйствовать и управлять без бюджета нельзя. И если мы хотим

придать волостному аппарату определенную силу, авторитет и значение, то ему нужно дать в руки самое могучее орудие хозяйствования—именно бюджет. Этого мало. Дело не только в том, что волисполком при помощи бюджета будет управлять и строить хозяйство. В целом ряде случаев наши государственные доходные источники находятся именно в волостях, ближе всего к волисполкомам, и нам приходится ставить перед собою серьезный вопрос о том, как наши низовые советские аппараты привлечь к участию в эксплоатации, к наблюдению за эксплоатацией наших доходных государственных источников. Чем мы скорее введем волостной бюджет, тем скорее на основе его будет укреплен наш волостной аппарат, тем больше заданий в общесоюзном масштабе мы сможем ему давать.

Все те мероприятия финансового характера, которые мы сейчас намечаем, могут, по нашему глубокому убеждению, дать максимальный размах и максимальное развитие производительным силам нашего Союза, могут дать очень крупный толчок развитию товарооборота в сторону установления тесной спайки, смычки между крестьянством и рабочими. Но мы должны от имени наркомфина сказать, что какое бы значение мы ни придавали этим этим финансовым мероприятиям с точки зрения оздоровления народного хозяйства, мы считаем, что одних финансовых мероприятий недостаточно. Если одновременно с этими финансовыми мероприятиями, с упорядочением государственного бюджета, с упорядочением налоговой системы, с установлением твердой денежной единицы не будут приняты меры по улучшению и оздоровлению всего нашего хозяйства, торговли, промышленности, тех громадных предприятий, которые находятся в распоряжении государства,—то трудно будет расчитывать на какое бы то ни было прочное поступательное движение. До тех пор, пока мы не научимся дешево производить товары в стране, которая не может дорого за них платить, пока мы не научимся правильно коммерчески и дешево торговать, пока мы не научимся находить покупателя, во время давать ему именно те товары, которые ему нужны—до тех пор финансовые мероприятия, как бы они сами по себе хороши ни были, не могут оздоровить наше народное хозяйство, не могут оказать решающего влияния. Поэтому, на-ряду с финансовыми мероприятиями в области государственного бюджета или в области кредита, или в области денежного обращения, необходимо, чтобы С'езд Советов категорически высказался за необходимость оздоровления обстановки работы нашего хозяйства, промышленности и торговли. В этой области, конечно, нельзя быть особенно большими оптимистами, но успехи, которые мы имели в 1922—23 г.г., работая в исключительно сложной обстановке падающей валюты и при целом ряде внешних осложнений, гарантируют нам еще более быстрое движение вперед в области восстановления нашего хозяйства и более широкого удовлетворения его потребностей. Мы сможем тогда добиться и более быстрого улучшения материального положения рабочих и крестьян. Но все это требует от нас в текущем году громадного напряжения, работы во всех областях нашего хозяйства.

Если это громадное напряжение мы сделаем, мы можем не сомневаться, что будущему С'езду Советов Союза республик придется с торжеством и радостью констатировать громаднейший сдвиг, громадное

улучшение. И это в то время, когда в громадном большинстве буржуазных государств мы видим, несомненно, элементы разложения, упадка, советское же рабоче-крестьянское государство двигается вперед.

От нашей энергии, настойчивости зависит, чтобы эти шаги вперед были более тверды, крепки и уверенны. (Аплодисменты).

Председатель. Слово в порядке прений предоставляется т. Инкину.

Инкин. Товарищи, доклад народного комиссариата финансов является основным вопросом в повестке дня. Все мы стремимся к построению прочного как государственного, так и местного бюджета. Но при построении местного бюджета приходится сталкиваться на местах с теми недоразумениями, которые получаются по вине органов наркомфина, и которые противоречат основным законоположениям центра. Поэтому местным работникам трудно ориентироваться при построении местного бюджета. Я постараюсь вкратце указать те ненормальности, те шероховатости, которые выходят из распоряжений и центроналога и других органов наркомфина.

Согласно положению о местных финансах, в местные средства из промыслового налога должно быть отчислено 50%, распоряжением же центроналога запрещено отчисление до 1 января. Финансовая отчетность по местному бюджету начинает составляться с 1 октября, поэтому и отчисления должны быть с 1 октября. В силу этого распоряжения места не могут ориентироваться и построить прочный бюджет. Продналог 22—23 г. почти всеми губерниями выполнен полностью, поэтому недоимки должны полностью поступать в местные средства. Распоряжением того же центроналога от 7 декабря предписано губернским финансовым отделам эти поступления зачислять в доход казны.

Теперь относительно лесных доходов. Во-первых, укажу, какие вообще убытки получает государство. За лесные делянки покупатель уплачивает лично лесничему. Лесничие могут на эти деньги торговать и делать свои обороты. Если эти ненормальности мы здесь не ликвидируем, то лесничества в дальнейшем будут продолжать эту работу. Лесничий находится на расстоянии около 100—150 верст от финотдела, и поэтому будет вполне справедливо, если он сдаст деньги в финотдел через две-три недели.

Во-вторых, согласно распоряжения, из местных доходов должно быть отчислено 30%, между тем, как за крупные лесные разработки расчеты производятся здесь в центре, и местные исполкомы лишаются этого процентного отчисления. При проведении тех или иных налогов получаются ненормальности на местах. Заминка, которая здесь происходит, приводит к неправильной политической линии.

Распоряжение о введении какого-нибудь налога получается 15 числа, центр указывает, что нужно выполнить распоряжение к 20 или 25,—для технического же проведения этого распоряжения требуется около полумесяца. Когда пред'является окладной лист налогоплательщику и требуется за 10 дней пени, то это политически неправильно и несправедливо.

Дальше подоходно-поимущественный налог. Согласно распоряжения наркомфина, под подоходно-поимущественный налог подходят и те рабочие, которые имеют в городе конурку, стоющую около 15 зо-

лотых рублей. Когда пред'являешь ему окладной лист об уплате подоходно-поимущественного налога, выходит, что он уплачивает подоходно-поимущественный налог наравне с тем кулаком, который имеет имущество, стоющее не 15 руб., а больше. Придется в резолюции предложить наркомфину изменить законоположение о подоходно-поимущественном налоге.

Далее, об отчислении в местные средства натуральной части единого сельско-хозяйственного налога; согласно распоряжения центроналога, места или местные финотделы должны отчислять определенную часть натурального налога по сентябрьскому эквиваленту. Но мы имели в виду рост эквивалента по зерновой единице, поэтому нам приходится здесь указать, чтобы наркомфин указал своим местным губфинотделам, чтобы натуральная часть единого сельско-хозяйственного налога в местные средства отчислялась по эквиваленту того дня, когда будет произведен расчет. Если это не представляется возможным, пусть предоставят право губфинотделам производить отчисление натурой.

Теперь о некоторых изменениях в тех параграфах расходных статей, которые преподаны губфинотделам после построения местного и государственного бюджета. На-днях получено распоряжение от наркомфина о том, что пособие инвалидам должно выдаваться из местных средств. Мы спрашиваем здесь наркомфин: из какого параграфа? Если он укажет, из какого параграфа, мы будем из него производить. Конечно, ни тов. Владимиров, ни кто бы то ни было не может указать, откуда производить отчисление на инвалидов.

Несколько слов о волостном бюджете. Вопрос очень затруднительный. На местах в настоящее время вряд ли мы можем в этом году произвести какой-нибудь волостной сбор. Самовольное обложение в каждой волости уже было. И когда мы приняли декрет об едином сельско-хозяйственном налоге, то теперь волостной сбор будет неполитичен.

Второй вопрос—построение волостного бюджета. Юридически мы с 1 января сделали волостной бюджет самостоятельным, но фактически, до настоящего времени, вести этот волостной бюджет самостоятельно мы не можем. Поэтому те шероховатости, которые я, как местный работник, заметил, необходимо устранить.

Относительно приема единого сел.-хоз. налога теперь и в будущем мы имеем в виду взимать единый сел.-хоз. налог исключительно деньгами, но в губернии, в уезде—недостаточно приписных касс. Это будет заставлять крестьянина везти деньги за 150 за 200 верст. Это будет неправильно и политически, и экономически, поэтому в резолюции необходимо указать наркомфину, чтобы в будущем году или же с настоящего времени он приступил к организации приписных касс.

Председательствующий. Слово имеет тов. Ларин.

Ларин. Советская власть вносит на утверждение этого С'езда в области финансов три основных меры. Во-первых, денежную реформу; во-вторых, развитие сельско-хозяйственного кредита деревне путем учреждения сельско-хозяйственного банка и, в-третьих, усиление обложения буржуазии. О первой из этих мер, о денежной реформе, уже подробно говорил тов. Каменев, о второй,—о сел.-хоз. банке, будет сделан

особый доклад завтра. Я поэтому буду говорить здесь только о третьей—об усилении обложения буржуазии, о том значении, которое оно имеет, и о тех средствах, какими можно его достигнуть. Резолюция, которую наркомфин вносит на наше утверждение, по этому поводу гласит следующее:

«Необходимо в области налоговой всемерное развитие подоходно-поимущественного налога и выявление его классового значения, как регулятора накопления».

Вот это развитие подоходного налога и выявление его значения, как уменьшающего сумму накопления в руках буржуазии и переводящее его на производительное употребление государства, и является в наших руках одним из могущественных орудий и для общего поднятия народного хозяйства в стране, и для уменьшения эмиссии, и для увеличения кредита в деревне, и для уменьшения безработицы, и для разрешения целого ряда задач, стоящих перед нами. Провозглашение этой меры, предлагаемой нам резолюцией наркомфина, означает политически напоминание нашей буржуазии о том, что если она допущена у нас к существованию и хозяйственной деятельности, то не с тем, чтобы она уклонялась, как это правильно подчеркнул т. Владимиров, от несения на себе тягот государственного бюджета, но с тем, чтобы в полной мере служила в этом отношении государству. Мы не можем потерпеть такого положения, какое в этом отношении существует сейчас.

Вы знаете, что по бюджету на этот год всего от подоходного налога ожидается около 40 миллионов рублей золотом. Известная часть этой суммы идет не от действительно крупной и средней буржуазии, а от мелких слоев, от низших слоев, отчасти даже от высшего слоя рабочих и служащих. Какие меры могут и должны быть приняты для увеличения? Прежде всего, следующие четыре меры.

Во-первых, исправление несовершенства существующего закона о подоходном налоге. Вы знаете, что у нас ставки подоходного налога в золотом исчислении были установлены законом 27 июля; потом к ним прибавилось размещение среди буржуазии в принудительном порядке шестипроцентного займа, который фактически удвоил этот налог; а затем в ноябре месяце были даны новые ставки подоходного налога также в золотом исчислении, при чем сохранено было и размещение этого принудительного займа. И вот оказывается, что те ставки подоходного налога, которые были установлены в ноябре, благодаря тому, что спецовские части нашего административного аппарата, сплошь и рядом, как указывал вам в своем докладе тов. Каменев, работают с недостаточной надежностью и подсовывают нам лечение, в котором мы не сразу разбираемся, оказывается, эти ставки подоходного налога, установленные в ноябре, по сравнению со ставками, установленными по закону 27 июля, были повышены для доходов мелких и низших слоев и, наоборот, были понижены для доходов буржуазии, для лиц, имеющих доход от сорока и до 100 червонцев в месяц. Наркомфин роздал большую толстую книжку, под названием «Состояние государственного хозяйства России в 1923 году», — свое издание. Здесь он произвел сопоставление ставок подоходного налога по закону 27 июля (на странице 706) и этих же ставок по

закону ноябрьскому (на странице 750). Оказываются такие результаты (все в золотом счете): лица, имеющие доход в течение полугода от 2.500 до 3.000 руб., по старым июльским ставкам платили 230 рублей; по новым—227 руб.; им уменьшено на 3 рубля. С доходов от 3.000 р. до 3.500 р. золотом в полгода по старому закону, июльскому, платили 315 р.; по новому, ноябрьскому, закону должны платить 295 руб., т.-е. на 20 рублей меньше. Лица с доходом от 3½ тысяч до 4 тысяч рублей золотом в полгода по июльскому закону платили 415 рублей; по ноябрьскому должны платить только 370, т.-е. на 45 рублей меньше. Лица с доходом от 4 тысяч до 4.500 р. золотом в полгода по июльскому закону должны были платить 540 р.: по ноябрьскому закону платят 451 р., т.-е. на 89 р. меньше. Лица с доходом от 4½ тысяч до пяти тысяч в полгода по старому закону должны были платить 600 руб.: по новому закону платят 539 руб., т.-е. на 61 рубль меньше. Лица с доходом от пяти до шести тысяч рублей в полгода по старому закону должны были платить 720 р.; по новому—они платят 682 р., т.-е. на 38 р. меньше.

Таким образом, вы видите, что средние и высшие слои буржуазии с доходом от 40 до 100 червонцев в месяц получили по ноябрьскому закону значительное понижение обложения по совокупности всех имеющихся у них доходов. Наоборот, слои населения с доходами менее значительными получили повышение налогового обложения. Например, лица, имеющие в течение полгода от 650 до 800 рублей.—по июльскому закону платили 21 рубль, а по ноябрьскому—24 р., т.-е. на 3 р. больше; лица с доходом от 800 до 1.000 р. в полгода по июльскому закону платили 31 рубль, а по ноябрьскому закону должны платить 36 рублей, т.-е. на пять рублей больше и т. д., и т. д., вплоть до лиц, имеющих менее 40 червонцев в месяц.

Вот это несовершенство закона, разрабатывавшегося в наших спецевских недрах, вызывает перед нами необходимость не только ярко подчеркнуть справедливые указания тов. Каменева о необходимости для нас, коммунистов, стоящих во главе аппаратов, сугубое внимание обратить на работу этих аппаратов, но вызывает необходимость внести значительные поправки в самые ставки подоходного налога, для того, чтобы обложение высших слоев буржуазии было не понижено против того, каким оно было установлено раньше, а, наоборот, — было повышено. Это первая поправка.

Вторая: мы значительную часть берем у высших слоев буржуазии не прямыми ставками подоходного налога, а дополнительным распределением среди них принудительного займа. Этот заем распределяется, приблизительно, в такой же сумме, какую составляет с них и подоходный налог. Гораздо проще—просто удвоить эту ставку налога с них и не платить за заем 6% из средств государства. Сейчас, с одной стороны, мы берем с них мало налогов , а с другой—платим им же еще проценты за то, что они нам займом выдают. Второе исправление, следовательно, должно заключаться в замене увеличением подоходного налога для буржуазии нынешнего распределения среди них займа, за который мы платим проценты.

Третье и очень серьезное заключается в том, что наш закон не дает достаточно средств улавливать те слои буржуазии, которые не

имеют торговых предприятий. Благодаря этому, наш закон охватывает чрезвычайно малое количество лиц со средствами. По моей просьбе центроналог наркомфина вручил мне сегодня официальную справку об общем количестве лиц, с которых собирается подоходный налог во всем Союзе, включая все союзные республики, за вторую половину бюджетного 1923 г. Оказывается, что всех лиц, имеющих доходы более 7 червонцев в месяц, наркомфину известно по всем нашем Союзе только 214 тыс. человек, включая сюда не только нэпманов, но также и тех государственных служащих и даже тех рабочих, которые имеют больше 75 руб. золотом дохода в месяц. Как вы знаете, если считать тех служащих, которые имеют не менее 7 червонцев в месяц, тех рабочих, которые имеют не менее 75 рублей золотом (высший их слой), технический персонал и, наконец, нэпманов и торговцев, которых здесь имеется, то в одной Москве наберется, пожалуй, почти 200.000 людей, имеющих доход не менее 7 червонцев в месяц. Между тем, у нас, благодаря несовершенствам нашего закона, на которых я сейчас остановлюсь, во всей России мы улавливаем в сети подоходного налога всего около 214.000, имеющих свыше 7 червонцев. Что-то тут нужно сделать.

Вопрос заключается в том, что у нас имеется обширный слой людей, не имеющих своих лавок, а имеющих очень крупные доходы. Один из членов ЦК. горнорабочих, который здесь в Москве состоит одновременно председателем жилищного товарищества того дома, в котором он живет, представил мне интересную справку о некоторых живущих в его доме нэпманах, которые не имеют торговых заведений, и поэтому обложены сравнительно скромным подоходным налогом.

Эти цифры показывают, сколько они платят квартирной платы этому жилищному товариществу (без коммунальных услуг) и сколько, с другой стороны, они платят государственного подоходного налога. Оказывается, нэпман Шустер занимает две комнаты, платит за них в течение полугода 1.500 червонных рублей жилищному товариществу, а подоходного налога платит 45 червонных рублей. Другой нэпман, по фамилии Стефан, занимает одну комнату, платит за нее жилищному товариществу за полгода 800 рублей червонных, а подоходного налога платит 22 рубля. Вы здесь видите, что тот человек, который в течение полугода платит 800 рублей за комнату, при чем он никоим образом не ведет бедственного существования, может свободно не менее 800 рублей заплатить и государственного подоходного налога, и лишь благодаря несовершенству нашего обложения платит только 22 рубля.

Какими средствами нужно итти такому положению на помощь? Я представляю себе, что основных средств два: 1) система усиления пролетарского элемента в управлении нашими домами. Нужно совершенно выбросить из управления и членов жилищных товариществ всех лиц с месячным доходом не менее 20 червонцев, всех открытых и скрытых нэпманов и обеспечить, чтобы управление и руководство домами находилось, главным образом, в руках пролетарских элементов. Если поставить своего рода пролетарских комиссаров над этими домами в городах, тогда мы будем знать, кто из живущих в этих домах является таким элементом, который можно построже притянуть к подоходному налогу.

Второе средство—закон о подоходном налоге нужно дополнить правилом, что для тех лиц, которые вносят квартирную плату на основании обложения их жилищными товариществами, как нэпманов, размер подоходного налога должен определяться не менее размера их квартирной платы. Тогда не будет таких смешных примеров, что за комнату они платят 800 руб., а государственного подоходного налога 22 рубля, потому лишь, что они не имеют торговли, и государство не может уловить источника их доходов, а источником этого дохода может быть и ростовщичество, и торговля валютой и т. п.

Вы знаете, что недавно из Москвы высылали валютчиков и арестовывали. Ответственный представитель ГПУ сообщал мне факты, что у одного из валютчиков было обнаружено 60 тысяч долларов в наличности, что составляет 120 тысяч рублей золотом на одно лицо. А ведь, неизвестно, все ли деньги, которые были у этого валютчика, попали в руки ГПУ. У другого—оказалось 20 тыс. долларов, т.-е. 40 тыс. рублей золотом и т. д. Наличность людей, имеющих очень много денег без торговых магазинов, совершенно несомненна.

Третий очень важный момент заключается в том, что надо заставить наши государственые и хозяйственные органы, как промышленные тресты, синдикаты, издательства, кооперацию, всякого рода торговлю и проч.. приходить в этом отношении на помощь наркомфину. Сейчас нет такого твердого порядка, что каждое советское и хозяйственное учреждение обязано сообщать наркомфину фамилии тех лиц, которые являются по отношению к нему посредниками, комиссионерами, агентами, контр-агентами и т. д. В силу этого для наркомфина невозможно захватить сетью подоходного налога многих из этих людей, которые фактически в тех или иных целях нашего государственного хозяйства наживаются. В наших хозяйственных органах развивается сплошь и рядом, к сожалению, слишком часто для нас, такая антигосударственная коммерческая мораль, что, в силу отсутствия принудительного закона, этих людей от наркомфина укрывают, не дают сведений о них. Я знаю, например, случай, когда наркомфин обращается к бирже одного крупного города с предложением, чтобы она сообщила ему фамилии лиц, делающих там соответствующие дела. И она отказывается сообщить, чтобы сохранить коммерческую тайну. Мы знаем такие же случаи и в печати. Я недавно в печати упомянул одного из посредников в книжной торговле, некоего Фонера, и в ответ на это заведующий госиздатом Шмидт заявил, что Фонер это «наш госиздатский служащий», он работает на проценты и получает каких-нибудь 7 червонцев в месяц. После этого другие издательства засыпали меня собственноручными расписками Фонера в получении от них денег за разного рода посредничества. Вот вам и скромный человек! Вот таким обходным путем, благодаря тому, что один хозяйственый орган борется с другим хозяйственным органом, мы узнаем иногда, как такие посредники укрываются от государства.

Чтобы положить этому конец, нужно наркомфин вооружить в этом отношении твердым правом и обязать все кооперативные и хозяйственые государственные органы без жалости и пощады обслуживающих их посредников и комиссионеров выдавать наркомфину. Это

на много миллионов увеличит поступление наших государственных доходов.

Дальше возникает вопрос, если мы проведем меры такого рода, то что нам, приблизительно, это может дать? По вопросу о том, кто платит нам подоходный налог, позвольте сообщить следующие сведения, которые я получил от наркомфина. Из всех плательщиков подоходного налога во второй половине бюджетного 1923 г., имевших более 40 червонцев в месяц, наркомфину было известно только 9.000 человек во всей России, и они заплатили около 40% всего подоходного налога, который был собран за это время. Затем лиц с месячным доходом, от 20 до 40 червонцев было 22.000, и они заплатили около 20%, остальных, имевших менее 20 червонцев, было сотни тысяч и они заплатили около 40%, это сравнительно маленькие люди, ремесленники, советские служащие и проч. Из этого вы видите, что главную часть подоходного налога заплатили 33.000 человек из высшей и средней буржуазии. Из этого вы видите, какое значение для увеличения подоходного налога будет иметь, если мы охватим не 33.000, а хотя бы сотни тысяч крупных плательщиков, и если мы среднюю величину ставки налога повысим. Средняя величина по нынешним ставкам для этих разрядов является от 5 червонцев и выше, это составляет около 12 — 13% их дохода. Это, конечно, величина очень малая. Кто имеет в месяц несколько сотен рублей золотом, тот может свободно заплатить не 12—13 процентов, а может заплатить и 30 и 35 и 40%, и все-таки у него останется во много раз больше того, что имеют у нас хотя бы члены правительства. Тут имеется полная возможность не только увеличить подоходный налог расширением круга буржуазных плательщиков, если мы введем квартирную поправку и поправку пролетарского управления домами, но и возможность увеличения за счет повышения ставки в 2—3 раза. Все это может дать нам в этом году во всяком случае сумму до 100 миллионов рублей.

Кончаю следующим сопоставлением наших национальных доходов. Они распределяются в настоящее время по всей совокупности данных за 1923 хоз. год приблизительно следующим образом: около 14% получает рабочий класс, включая служащих, во всех отраслях народного хозяйства, составляющий в общем с членами семей 16% населения; далее около 78% получает вся мелкобуржуазная масса города и крестьянской деревни, взятая вместе, что составляет около 83 с половиной процента населения. Затем, средняя и высшая буржуазия, составляющая вместе менее ½% населения, получает около 8% национального дохода. Из этого следует, во-первых, что доля буржуазии в нашем национальном доходе в настоящее время в несколько раз меньше той доли, которую буржуазия имела перед революцией. В этом отношении наша революция уменьшила экономическую мощь буржуазии и помещиков, по крайней мере, в 4—5 раз, во-вторых из этого следует, что наша буржуазия свои 8% в национальном доходе, как вы видите из сравнения долей каждого класса в доходе с долей каждого класса в количестве населения, получает отчасти за счет пролетариата и отчасти за счет крестьянства и мелко-буржуазных масс города. Она

получает приблизительно ⅓ за счет рабочих и служащих и приблизительно 2/3—за счет крестьян и ремесленников.

Таким образом, наши намерения в отношении развития подоходного налога имеют характер оборонительных мер союза рабочих и крестьян против того нэпмана, который наживается и за счет рабочих и за счет крестьян. Отрыв у него части накопленных средств дает возможность усилить и государство и крестьянство путем роста деревенского кредита, и рабочих путем развития государственной промышленности, и роста заработной платы. Та резолюция, которую вносит наркомфин, означает в этом отношении напоминание буржуазии на денежном налоговом языке того обстоятельства, что, если она допущена у нас к существованию, то с тем, чтобы советская власть наложила на нее свою твердую руку и вела ее вместе с ее карманом туда, куда этого требуют хозяйственные силы страны, интересы нашего народного хозяйства. (Аплодисменты).

Председатель. Слово предоставляется тов. Богданову.

Богданов. Я взял слово, главным образом, по двум моментам, связанным с нашим налоговым аппаратом. Мы знаем, что по окончании периода военного коммунизма, мы главное свое внимание обратили на наш финансовый орган. Этот вопрос остро стоит здесь на С'езде. Так же остро стоял он и на всех сессиях ВЦИК и Союзного ЦИК'а, так же, конечно, остро стоит этот вопрос и на наших губернских и других с'ездах.

Сегодняшний доклад тов. Владимирова критиковать не придется потому, что та работа, которая была проделана, конечно, колоссальна. Но все-таки нельзя не остановиться на некоторых моментах, которые мы ощущали на местах. Я укажу на два маленьких примера и думаю, что в дальнейшем эти примеры послужат к устранению указанных дефектов.

Первый. Мы знаем, что наши кредитные операции должны служить пополнением нашего дефицитного бюджета. Хлебный заем выпускают с той целью, чтобы сумма денежных знаков, необходимых для пополнения нашего бюджета, вернулась хотя бы в нашу промышленность. Что же мы видим? Хлебный заем, выпускаемый нашим Союзом республик, докатывается на места почти в момент сбора единого сел.-хоз. налога. Какая же цель выпуска этого налога, когда он появляется и покупается мужиком тогда, когда он должен везти обратно, в зерне, причитающийся налог? Конечно, на этих операциях не только нет какой-нибудь прибыли, но, наверное, имеется убыток, потому что, когда выпускают хлебный заем дешевле той цены, которая существует на рынке на зерно, то тут мы проигрываем.

С этим же хлебным займом есть и другой минус. Сейчас мы на местах у себя погашаем хлебный заем отчасти в счет единого сельскохозяйственного налога и частью, конечно, возвращаем рабочим, главным образом, деньгами. Получится, что рыночная цена хлеба 70—80 коп. золотом, а когда приносят для погашения облигации рабочие или крестьяне, мы уплачиваем только 35—40—45 коп. Где же логика вещей? На той же самой облигации, с одной стороны, написано, что при возвращении облигации она будет оплачена целиком в 100% рыночной

цены, но когда погашаем в нашем районе, то получаем не больше 45% рыночной стоимости. Здесь имеется недочет. В связи с этим тов. Владимирову придется обратить внимание вообще на заем, и, может быть, его реорганизовать.

Остановлюсь в нескольких словах на множественности налогов, которые у нас имеются. Хотя я был уже взрослым в царское время, но я не помню, чтобы вводился на какие-то мелочные статьи тот или иной налог. Мы же с нашим финансовым аппаратом достигли того, что начинаем взимать налог с поросят, с коз и мелкой скотины, которая даже является главным об'ектом обложения. Возьму наш район. В общей сложности в нашем местном доходном бюджете имеются эти об'екты обложения приблизительно на 1% всех наших доходов, и приходится заниматься этим сбором приблизительно на 4 с половиной тыс. граждан. Таким образом, финансовый аппарат загружается такой работой, которая никакой прибыли государству не дает. Я приведу цифры. Например, по мелкому скоту получается каких-нибудь 10 коп. в то же время, как на него нужно затратить приблизительно, по подсчетам финансового аппарата, 11—12 коп. Тут, конечно, нет прибыли, а есть убыток. Помоему, в будущем, может быть, в 1924 г., нужно эти налоги унифицировать, как-нибудь укрупнить. У меня по этому вопросу имеется маленькое предложение, о котором я сейчас скажу. Скотина вся должна войти в подоходно-имущественный налог и, если сейчас не собирают полностью еще этого налога (он еще не усовершенствован), то, если к нему прибавить 20—25% того, что мы собирали, мы соберем этот налог с этой мелкой скотинки, которая ныне загружает наш финансовый аппарат. Я думаю, что тов. Владимиров в своем заключительном слове что-нибудь об этом скажет. Я не слышал указания относительно унификации налогов в резолюции С'езда РСФСР, и это не было отмечено сегодняшним докладом. Я думаю, что тот пункт, который принят в резолюции РСФСР относительно перехода во что бы то ни стало к подоходному налогу с крестьянства, в ближайшем будущем поглотит мелкие налоги, которые у нас имеются. Этим самым мы избавимся от тех трений, которые происходят на местах, и от той загруженности, которая имеется в финансовых аппаратах.

Председатель. Слово предоставляется т. Левину.

Левин. Товарищи, я свое время использую на то, чтобы осветить те основные задачи в области налоговой политики как в городе, так и в деревне, которые в ближайшее время встают перед финансовым аппаратом и всеми советскими органами.

В вопросе налогового обложения деревни, прежде всего, необходимо признать, что та реформа, которая была произведена в нынешнем году в области крестьянского обложения, выразившаяся прежде всего в унификации крестьянского обложения, в соединении всех существовавших до нынешнего года налогов в единый, и получившая свое выражение в том, что определенная часть налога должна уплачиваться деньгами, — эта реформа безусловно себя оправдала. Из той кампании, которую мы провели в нынешнем году по взиманию единого сельско-хозяйственного налога, первый и самый большой вывод заключается в том, что шаги в сторону денатурализации крестьянского обложения, в сторону

его унификации должны быть на будущий год сделаны более решительно. Мы предполагали в нынешнем году, что крестьянство добровольно заплатит 50% причитавшихся с него платежей натурой. На деле же оказалось, что развитие товарности крестьянского хозяйства пошло настолько далеко, что крестьянство предпочитало уплачивать налог, главным образом, деньгами.

С другой стороны, значительный шаг, сделанный в нынешнем году в сторону унификации крестьянского обложения, должен быть продлен в смысле того, что та частица, то небольшое отступление от единства крестьянского обложения, в виде волостных сборов, которые по целому ряду причин были сохранены в этом году, должно быть на будущий год ликвидировано. На будущий год крестьянское обложение должно быть едино до конца, едино в буквальном смысле этого слова. Здесь может возникнуть вопрос — каким образом будет возмещен тот пробел, который окажется в волостном бюджете в связи с ликвидацией волостного сбора, факультативно допущенного законом в нынешнем году? Это может быть достигнуто путем комбинирования или отчислений или надбавок в едином крестьянском обложении.

Второй шаг, который нам необходимо сделать в крестьянском обложении в предстоящем году, заключается в том, что необходимо внести в него, в возможно большей степени, начала подоходного обложения. Тот единый с.-х. налог, который действует в настоящее время, является прежде всего налогом на крестьянское земледелие. Такая структура крестьянского обложения имела свое полное оправдание в то время, когда налог взимался натурой, имела свое полное оправдание в обстановке натуральности крестьянского хозяйства. Сейчас, когда рост товарности в крестьянском хозяйстве достиг довольно высокой степени, когда крестьянство делает быстрые шаги к полной своей денатурализации, включение в него элементов доходности, отказ от исключительного обложения только крестьянского полеводства, переход к обложению крестьянского хозяйства в целом, должен быть произведен возможно быстрее и наиболее решительно.

Я сейчас не буду останавливаться на структуре того нового крестьянского налога, который охватил бы не только крестьянское полеводство, крестьянское земледелие, а явился бы налогом на крестьянское хозяйство в целом. Скажу лишь, что первым и наиболее существенным шагом в этом направлении, мне представляется, отказ от принципа единой ставки на всю страну, какая имеется сейчас. Сейчас каждая десятина земли облагается в советской России совершенно одинаково, независимо от того, находится ли она на Южном побережьи Крыма или в Архангельской губернии, Самарской губернии или в какой-нибудь губернии центрального промышленного района. Имея в виду прежде всего различные типы нашего крестьянского хозяйства и совершенно различную роль земли в них, нам необходимо перейти к установлению районных ставок, ставок, которые учитывали бы структуру, тип данного крестьянского хозяйства. На самом деле, роль скота в хозяйстве Вологодской губернии одна, совершенно другая в хозяйстве киргизской губернии и третья — в хозяйстве украинском или кубанском. Роль земли совершенно различна в районах зернового крестьянского хозяйства и в районах технических культур. Учесть пре-

жде всего эти районные особенности, учесть различные типы крестьянского хозяйства, разную роль различных внешних признаков в крестьянском хозяйстве вот первейшая необходимость для совершенствования дальнейшего нашего крестьянского обложения.

Для крестьянина имеет значение не только та сумма налога, которая на него падает, не только то, как налог исчисляется, но еще и то, как взимается этот налог. Техника взимания налога имеет сплошь и рядом не меньшее значение, чем сумма налога.

Нам представляется (ибо этому нас учит опыт той кампании по единому сельско-хозяйственному налогу, которую мы провели в нынешнем году), что благодаря усилению советской власти, благодаря внедрению в широкие слои крестьянства сознания необходимости налоговой дисциплины, благодаря тому, что крестьянство советской страны совершенно неоспоримо поняло всю необходимость платить налоги советской власти, нам представляется, что мы сейчас приближаемся к такому моменту, когда взимание налога с крестьянства можно поручить первичным органам, выборным органам самого крестьянства — волостным исполнительным комитетам. Эта реформа будет иметь не только большое политическое значение в том смысле, что она поставит сборщиками податей людей, близко знающих местные условия, близко знакомых крестьянству данной волости, данного села, но она будет иметь и большое бюджетное значение. Она даст возможность значительно сократить тот фискальный аппарат и расходы на его содержание, которые выражаются сейчас кругло в 5% по отношению к сумме налогов, которая поступает в доход казны.

Что касается области городского обложения, то, когда здесь выступают товарищи с заявлением о множестве существующих налогов, мне кажется, они несколько увлекаются. Действительно, у нас налогов много, но надо иметь в виду следующее. Во-первых, глубоко ошибочно думать, что количество налогов, существующих сейчас в Союзе ССР, больше того количества, которое существовало в дореволюционное время. Выступавший до меня оратор весьма неточен, когда он заявляет о том, что в дореволюционное время не было всех тех мелких налогов, которые существуют сейчас.

Наше прямое обложение, как и все обложения в стране, можно разделить на две части — на обложение местное и обложение государственное. Прямые государственные налоги, которые сейчас взимаются в деревне, выражаются в едином сельско-хозяйственном налоге. Никаких других государственных налогов в деревне не существует. В городе прямое обложение исчерпывается промысловым налогом и подоходным налогом. К этим двум налогам в настоящее время сведено все государственное обложение. Все же остальные налоги, количество которых достаточно велико, налоги мелкие, это — налоги, прежде всего, местные. Проводить тот или другой местный налог входит в компетенцию исполкома данного города. Поэтому, когда товарищи с мест здесь бросают нам упрек в том, что у нас существует слишком много налогов, городских прямых налогов, мы позволим себе напомнить факты о тех сообщениях и письменных опросах, которые производились наркомфином, в целях сокращения местных мелких налогов.

Когда мы решили сократить тот или другой местный налог, места против этого возражали. Мы будем всячески поддерживать каждое предложение, которое будет исходить со стороны С'езда о том, чтобы количество мелких местных налогов сократить. Мы считаем, что если многие из этих налогов существуют до настоящего времени, то, прежде всего, это об'ясняется тем, что сами места сплошь и рядом предпочитают иметь длинный список местных налогов. Мне хочется привести вам пример из той практики, которая имеется в моем распоряжении. Недавно один из губисполкомов (я не буду называть его) возбуждает перед нами ходатайство о том, чтобы мы разрешили ему сохранить местный налог, введенный в порядке исключительном, с разрешения центральной власти, на будущий бюджетный год. Когда же мы поинтересовались, сколько этот губисполком получил по этому местному налогу за истекший год, то мы получили ответ, что он дал дохода 362 рубля. Эта справка является достаточно показательной для того, чтобы сказать, что необходимо добиваться сокращения длинного перечня местных налогов, которые вызывают значительные фискальные операции.

Товарищи, я должен указать, что в том подоходном налоге, который мы провели на последней сессии ЦИК, уже ликвидируются наиболее крупные местные налоги. В области городского прямого обложения дальнейший рост налоговых поступлений уперся в очень серьезный барьер. Этот барьер заключается в том, что дальнейший рост наших налоговых поступлений, прежде всего, зависит от того, насколько аппарату по взиманию прямых налогов удастся находить отдельных плательщиков.

Сейчас перед нами встала задача, возможно тщательнее изучать, выяснять доходы каждого отдельного плательщика. Тот период, когда рост налогов постепенно шел за счет того, что налоговому аппарату удавалось хватать за шиворот того или другого плательщика, прошел и остался позади. Сейчас налоговый аппарат в своей работе вступил в такую стадию, когда результаты работы зависят исключительно от того, насколько квалифицированно, качественно высоко будет работать этот аппарат. Когда здесь тов. Ларин заявляет о необходимости усилить тяжесть обложения, падающего на буржуазию, то я думаю, едва ли здесь найдется кто-нибудь, кто не горел бы желанием с буржуазии взять не только 50, не только 75% ее доходов, а и все 100%. Но, товарищи, одно дело наложить тяжесть обложения, определить сумму падающего налога, а другое дело этот налог взять. Если вы вспомните о тех разговорах, которые многие из вас, как представители губисполкомов, зачастую ведут с наркомфином, указывая хотя бы на тяжесть промыслового обложения, то вы достаточно представите себе картину,—какая существует разница между тем, чтобы определить ставку налога и взять определенную сумму налога.

Председатель. Слово имеет тов. Устинов.

Устинов. Товарищи, наркомфин сделал нам обстоятельный доклад. Из него мы увидели, как должен строиться государственный бюджет и какие меры применяет наркомфин для того, чтобы этот бюджет в 1924 году был бездефицитен. Для нас с вами не секрет, что налоги являются в каждой стране основным ее доходом. Но не все налоги бывают

хороши. Рассматривая положение нашей рабоче-крестьянской страны, мы увидим, что налоги на буржуазию—вещь хорошая. Товарищ Ларин подчеркнул это. Но когда часть крупных уравнительных сборов промыслового налога ложится на нашу государственную промышленность и на кооперацию, то эти налоги бывают не всегда хороши, и вот по каким соображениям.

До тех пор, пока еще наша промышленность не стала на твердые ноги, не имеет под собой твердого фундамента, этот налог для нее подчас является большим бременем. Ни для кого не секрет, что покупательная способность нашего крестьянства в данный момент низка, а поскольку это так, то тот товар, который в каком-нибудь тресте или синдикате лежит на полках, не идет. Застой у нас осенью был, а налог за него нужно платить. И выходит что же? Одно время мы говорим, что нужно восстановить во что бы то ни стало государственную промышленность, нужно во что бы то ни стало развить нашу торговлю, научиться торговать, а в другое время наркомфин налоговым прессом как раз задерживает развитие этой торговли. Я бы внес такое предложение—освободить до некоторой степени от этих налогов часть нашей кооперации, которая должна сыграть в истории нашей страны громадную роль.

Я обращаюсь к крестьянскому подоходному налогу. Тов. Владимиров говорит, что не все доходности у нас исчерпаны со стороны крестьянских налогов, и нужно, чтобы эти налоги прогрессировали. Совершенно верно,—подчас у нас крупное крестьянское хозяйство платит столько же, сколько платит и мелкое. Эту тяжесть нужно перенести на более имущие слои; но в остальном крестьянское хозяйство перегружать налогами тоже нельзя. Ведь до тех пор, пока промышленность не может вместить в себя те пролетарские слои, которые во время революции и гражданской войны выбыли, обременять крестьянское хозяйство до чрезвычайных размеров нельзя—иначе эти батрацкие крестьянские слои вынуждены будут бросить свое хозяйство. Мы им должны помочь. На батраков нужно обратить серьезное внимание, иначе они создадут наплыв в города.

Я перейду к крестьянскому денежному обложению. И тов. Владимиров говорит, и мы все прекрасно знаем, что натуральное обложение государству не давало всех нужных ему ресурсов, и потому сейчас нужно перейти на денежное обложение. Но это денежное обложение потребует этих проклятых денег, а мы прекрасно знаем, что наш внутренний рынок, при хорошем урожае в стране, весь хлеб воспринять не может. Экспорт за-границу прекрасно показал, что за-границей в нашей ржи не очень-то нуждаются, и значит, туда потребуется громадное количество пшеницы. Эту пшеницу отправлять за-границу зерном невыгодно. Вам известно, что мельничная промышленность в республике хромает, тем более в Поволжье. Значит, на нее нужно обратить серьезное внимание. Нужно привлечь к этому делу кооперацию. А для того, чтобы ее привлечь, государство должно помочь кооперации. Тогда она сумеет взять мельницы и пустить их в ход, а хлеб вывозить не зерном, а мукой. Нам нужно учесть этот опыт. Те отруби, которые у

нас останутся, пойдут на усиление нашего животноводства в республике и принесут нам громадную пользу.

Тов. Владимиров говорил, что наш транспорт дает очень мало доходов, а я бы сказал,—когда мы обременим государственную промышленность очень сильными налогами, то кто даст этому транспорту грузы для перевозки? Что такое транспорт? Он сам ничего не производит. Он только ремонтирует вагоны и паровозы и в этих вагонах потом возит. Поскольку же будет развиваться промышленность, постольку она будет давать пищу транспорту, и транспорт будет работать правильно. А раз он будет работать правильно, он станет содействовать развитию нашей страны.

Здесь товарищи указывали, что у нас на местах дошло до того, что обложили самые мелочи, которых облагать не нужно. Это не так. Тов. Ларин указал, что буржуазный элемент в стране еще обложен не настолько, насколько его можно было бы обложить. Почему это так? А вот почему. Наркомфин, наш финансовый аппарат, с этими налогами немного пересолил—погнался за воробьем, а в это время пролетела утка. Вот эту утку и нужно взять. А на козлятах и на поросятах мы многого не добьемся. Это, товарищи, нужно разуметь, потому что, работая в низах, среди рабочих, я знаю, как там говорят, говорят, что в этих вопросах товарищи пересаливают.

Подоходно - поимущественный налог — вещь хорошая. Но бывают и такие явления в жизненной практике: рабочий, имеющий домишко и два жилья, не имеет одной квартиры и получает по второму разряду. «Из-за налога,—говорит он,—впору ее сломать, эту хибарку». На эту сторону надо обратить тоже серьезное внимание. Надо к налогам подходить осторожно. Надо, повторяю, дать возможность государственной промышленности и кооперации развиваться. Иначе дела наши не наладятся так быстро, как мы этого желали бы. Я на этом закончу.

Председатель. В Президиум поступило много записок с предложением прекратить прения. Президиум присоединяется к этому предложению. Кто за то, чтобы прения по докладу тов. Владимирова прекратить? Кто против? Нет. Заключительное слово предоставляется тов. Владимирову.

Владимиров. Товарищи, я начну со слов последнего оратора, потому что, хотя я в своем докладе все время и обращал ваше внимание на то, что нам необходимо нашу налоговую политику строить так, чтобы как можно меньше тормозить народное хозяйство, все же я должен сказать, что, если бы кто-нибудь стоял на той точке зрения, которую защищал только что говоривший товарищ, то, вообще, от рабоче-крестьянского государства нам нужно было бы отказаться.

Товарищ приходит и говорит: кооперация очень хорошая вещь, а потому не бери с нее налогов, во-первых, а, во-вторых, оказывай ей помощь. Он говорит: государственная промышленность находится в тяжелом положении, а потому — не бери с нее налогов и оказывай ей помощь. Сельское хозяйство облагать нельзя, потому что оно находится в тяжелом положении. Не бери с него налогов и оказывай ему кредит.

А государство существует или нет? А рабоче-крестьянская армия существует или нет? Нужно ее содержать или не нужно? Существует

у нас ряд учреждений, комиссариатов, которые занимаются просвещением, образованием, нужно их содержать или нет? На них, как вы знаете, нужны деньги. Откуда взять эти деньги? Товарищ занимает очень хорошую позицию, когда защищает всех решительно и говорит: не бери ни с кого налогов, а всем помогай.

Я могу без преувеличения сказать, что наркомфин в 1922—23 г.г. в основном был занят одним — как бы наши налоги стабилизовать, даже уменьшить их, лишь бы только развить наше народное хозяйство. Но приходить к нам с таким советом — всем помогай и ни с кого не бери, — это всего меньше означает помочь положению.

Я остановлюсь на отдельных вопросах и, прежде всего, на кооперации. Мы оказали достаточно крупную помощь кооперации и широкими налоговыми льготами, особенно первичным ячейкам, и очень крупную непосредственную денежную помощь. Надо сказать, что эта постоянная филантропия, постоянная помощь задерживает самодеятельность населения, задерживает быстроту перевода нашей кооперации на действительно хозяйственный расчет. Много гнилого и нездорового в нашей кооперации, но не этими постоянными льготами и подачками мы можем улучшить ее положение. Когда говорят о крупных накладных расходах по кооперации, я прошу каждого, кто это говорит, внимательно взвесить то, какую роль здесь играют налоги, и какую роль играет бесхозяйственность, непредусмотрительность, канцелярщина и волокита. То же самое относится не только к кооперации, но и к любому из наших предприятий. Мы привыкли много кричать о том, что последний кризис, так называемые, ножницы обязаны своим происхождением налогам. Мы доказали, что, начиная со второй половины 1922 и 1923 года, мы налогов не повышали. Мы сознательно их стабилизировали. Причины нужно искать в чем угодно, только не в налогах. Мы выбросили десятки миллионов рублей и выбрасываем сейчас на помощь кооперации. Беда заключается в том, что мы до сих пор не научились правильно хозяйствовать, что есть много накладных непроизводительных расходов, что мы еще не умеем экономно работать, не умеем каждую силу использовать до конца. Поэтому корень вопроса ищите не в нашей налоговой политике, ибо общая сумма налогов, которую мы получаем, ничтожна по сравнению с нашей продукцией. Беда заключается в нашей бесхозяйственности, неумении правильно хозяйничать.

Нам говорят, что мы усиленно облагаем государственную промышленность. Я должен эту легенду разрушить. Надо сказать, что мы государственную промышленность облагаем чрезвычайно мало, потому что налоги, которые уплачивает промышленность, принадлежат к числу тех, которые немедленно перелагаются на потребителя. Беда в том, что вздорожание цен товаров, в связи с этим перекладыванием на потребителя, затрудняет реализацию товаров. Но непосредственно наша промышленность, наши предприятия платят налогов мало. Я считаю, что это не плюс, а громадный минус. Ибо о чем это говорит? Это говорит о слабой доходности наших предприятий. А слабая доходность предприятий, помимо целого ряда об'ективностей, говорит о том, что мы не довели до конца необходимую и важную борьбу за удешевление продукции. Я ни на минуту в своем докладе не затушевывал отрицательных

сторон, не надо было приходить тов. Ларину и доказывать дефекты подоходного обложения. Я привел самые вопиющие недостатки этого подоходного обложения, когда мы денежный капитал так скверно учли, что он, якобы, составляет полмиллиона рублей в Союзе. На самом деле он составляет, по меньшей мере, несколько миллионов рублей. Я откровенно сказал про слабости этого рода. И тов. Ларин должен знать, что даже в странах, где подоходный налог давно существует, как в Англии и Германии, где имеется точная запись каждого налогоплательщика, подоходный налог развивается десятками лет, совершенствуется из года в год, а мы приступили к его созданию только в этом году.

Мы составляли налоговые комиссии, привлекали рабочих, которые слабо еще разбираются в этом деле, которые по взгляду, по настроению, — как выглядит тот-то и тот-то, — определяли, сколько с него взять налогу. Нельзя пред'являть при таких условиях особенно больших требований. Нельзя думать, что на протяжении одного года такое трудное дело, как выявление дохода каждого отдельного человека, можно поставить безукоризненно. Я отвлекаюсь просто от непосредственных ошибок, которые тов. Ларин допускает, когда приводит пример 24 и 48 рублей, ибо речь идет не о подоходном налоге, а только об авансе, который уплачивается в счет подоходного налога, а подоходный налог берется со всех доходов. Не нужно об этом говорить, когда сам наркомфин говорит и подчеркивает это в резолюции, точно так же, как и относительно местных налогов.

Затем относительно мельничной промышленности. Несколько месяцев тому назад мы в наркомфине обратили особое внимание на то, что в «ножницах» особенно крупную роль играет, между прочим, цена за помол и хлебопечение. Мы стали внимательно изучать мельничную промышленность и пришли к выводу, что наша мельничная промышленность нуждается в очень серьезной и коренной реорганизации. Достаточно сказать, что, несмотря на необычайно энергичные требования наркомфина о том, чтобы нам органы, ведающие этой промышленностью, представляли балансы предприятий, мы до сих пор этого не имеем. Это говорит о постановке хозяйства. Мы обратили на это внимание, но если бы мы сейчас последовали совету товарища и привлекли бы к этому делу кооперацию, разрешите выразить глубокое убеждение, что большого плюса мы не имели бы от этого. Пусть кооперация справится с тем большим и сложным делом, которое ей поручено, и не загромождает себя новыми и серьезными делами. Конечно, желательно, чтобы мы вывозили за-границу не зерно, а муку, но если сейчас, при нынешних накладных торговых расходах, зачастую нам очень трудно вывозить зерно, то, как вы думаете, найдется ли такая заграничная страна, которая выдержит цену и накладные расходы не только торгового аппарата, но и нашей мельничной промышленности? Я не сомневаюсь, что такой страны не найдется. Когда мельничная промышленность в дальнейшем лучше будет работать, и накладные расходы уменьшатся, уверяю вас, логика коммерческого расчета заставит вывозить за-границу не зерно, а муку.

Еще один маленький вопрос относительно налогового аппарата. Тут т. Левин уже отметил, что мы считаем необходимым произвести

в этом году очень серьезную реформу в нашем аппарате. Мы пришли к выводу, что количественно наш аппарат немного разбух, качественно он далеко не тот, который нам желателен. В нынешнем его об'еме он нам необходим был в тот момент, когда мы создавали новые налоги, когда нам приходилось повсюду нащупывать почву для налогового обложения; тогда приходилось создавать много должностей наших финансовых агентов. Мы считаем, что в настоящее время, поскольку советский аппарат на местах вырос, поскольку эти налоговые источники более или менее выявлены, нам нет надобности в таком количественном составе аппарата. Но нам важно иметь такой состав финансовых работников, который бы с максимальной серьезностью и внимательностью подходил к каждому налогоплательщику, самолично проверяя правильность исчисления налогов и мог бы проводить действительно ту классовую политику, которую мы хотим проводить. Я и на С'езде РСФСР заявлял, что работа по реорганизации аппарата потребует у нас много времени, и я думаю, что в течение этого года мы ее закончим, но нам придется реорганизацию проводить так, чтобы в максимальной степени обеспечить непрерывность работы нашего аппарата.

Мне задают вопрос — когда, наконец, ликвидируется разница между официальным курсом червонца и неофициальным курсом? Когда, наконец, прекратится скачка червонца? Товарищи, если все обстоятельства, которые мы очень подробно взвесили и выяснили, сложатся так, как мы ожидаем, то я считаю, что, по всем вероятиям, в начале февраля нам удастся уже выпустить в обращение первую серию наших казначейских билетов. Несколько позднее будет приступлено к выпуску в обращение серебряной монеты. И нам придется в этот период времени, когда мы постепенно начнем внедрять в обращение казначейские билеты и серебро, самым внимательным образом следить за рынком для того, чтобы он не испытывал никаких затруднений в денежном знаке. Можно ожидать, что падение советского рубля, которое было до сих пор, может несколько усилиться, когда начнут выпускаться казначейские билеты или серебро, но мы думаем, что, поскольку мы будем постепенно выпускать то и другое, степень падения совзнака будет ограничена потребностью вольного рынка в дензнаках. Поскольку, очевидно, некоторое время нам придется более постепенно разворачивать выпуск казначейских билетов и серебра, постольку некоторое время отдельные осложнения и задержки в некоторых районах, особенно в более отдаленных, могут быть неизбежны. Очень может быть, что в некоторых районах эта работа закончится раньше, и мы будем иметь гораздо более быстрый эффект. В других районах она может быть задержана, но ни технически, ни в других отношениях провести сразу по всей территории Союза такую крупную реформу мы не в состоянии.

Второй вопрос, который мне задают, сводится к тому — не поведет ли эта реформа к дальнейшему вздорожанию реальных цен на товары. Мы глубоко уверены, что реформа эта не может повести к дальнейшему вздорожанию цен, а, наоборот, она должна привести к понижению их. Я уже указывал, что в целом ряде случаев наши торговые расходы необычно увеличиваются, благодаря систематическим

надбавкам на страховку от падения рубля. Как только это падение рубля перестанет быть фактом, мы будем иметь возможность оказать гораздо более серьезное давление на понижение реальных цен. Некоторые кооператоры, с которыми мы беседовали, высказали определенное предположение, что с момента внедрения в обращение казначейских билетов и серебра розничные цены в наших крупных центрах могут понизиться не меньше, чем на 18%. Я думаю, что на местах, в деревнях, розничные цены должны еще больше понизиться, так как, доходя до деревни, страховка от убытков в связи с падением совзнаков путем надбавок к ценам принимает исключительно крупные размеры. Но слишком просто это не пройдет, и нам придется сейчас и в центре, и на местах принять ряд мер, административных и экономических, чтобы понижение розничных цен, благодаря большей устойчивости денег, во что бы то ни стало провести.

Я уже и в своем докладе указывал, что мы денежную реформу тесно связываем с устойчивостью наших товарных цен и с нахождением таких соотношений между ценами на сельско-хозяйственные продукты и на промышленные товары, при которых наш товарооборот мог бы нормально развиваться. Ибо наше денежное обращение своей основной базой имеет именно этот расширяющийся товарооборот. Если мы по-прежнему будем иметь такие цены на товары, при которых их покупать не смогут, если наши кооператоры и другие торговцы при доведении товаров на место по-прежнему будут взвинчивать цены на 200—250%, то, конечно, при такой обстановке оздоровление денежного обращения будет затруднительно. Самое активное внимательное и непрерывное наблюдение за ценами сейчас становится одной из самых серьезнейших, ответственнейших обязанностей советской власти. В сентябре минувшего года нам пришлось, как говорится, обухом по голове ударить путем нашей кредитной политики. Мы думаем, что сейчас нужно действовать гораздо более планомерно, и мы не сомневаемся в том, что рабоче-крестьянское правительство, учитывая, какое значение для хозяйства имеет денежная реформа и правильные соотношения между ценами сельско-хозяйственных и промышленных товаров, примет все необходимые меры к тому, чтобы это правильное соотношение было найдено. Необходимо, чтобы крестьянин мог продавать и покупать, и чтобы промышленность работала не на свои склады и не на запас, а на крестьянский рынок.

В прениях был затронут еще ряд вопросов более второстепенного значения, и вы разрешите мне сейчас на них не останавливаться. Я хотел бы коснуться только жалобы одного из товарищей, выступавших, мне кажется, первым, жалобы по поводу неправильных действий нашего налогового аппарата и по поводу заявлений других товарищей, что мы слишком поздно выпустили в обращение хлебный заем.

Относительно неправильных действий нашего налогового аппарата, относительно неправильных способов исчисления налогов, разрешите мне еще повторить следующее: мы ни в малейшей мере не думаем, что наш аппарат идеален. Но мы одновременно с глубоким убеждением говорим вам, что в той обстановке, в которой приходилось работать нашему налоговому аппарату, наталкиваясь на исключительно крупное сопротивление со всех сторон, этот аппарат проделал громад-

нейную работу. И если он проделал эту работу, мы ему вынуждены извинить ряд мелких дефектов. Мне недавно приходилось наблюдать работу в одной губернии и видеть чрезвычайную перегруженность нашего аппарата, благодаря целому ряду условий технических, денежных и каких угодно. В таких условиях ошибки неизбежны. Когда эта ошибка носит корыстный характер, тогда мы никого не пожалеем. Но когда эта ошибка вызывается тем, что не мог человек справиться, не мог, в силу своей неподготовленности, то слишком молодой работник, то в силу того, что не хватает времени, мы вынуждены с этим мириться. Мы не можем пред'являть строгих требований к людям, которые только входят в работу, которые прошли только двух-трехмесячные курсы, которые пытались научиться, но которые еще не успели этого сделать. Мы должны отдать должное нашему основному аппарату, который, по мере сил, по мере возможности, сделал максимум, чтобы поставить правильно дело.

Мне еще указывали на то, что мы поздно выпустили хлебный заем. Отчасти это верно. Мы, действительно, выпустили хлебный заем несколько поздно и, главным образом, потому, что у правительства нашего были кое-какие сомнения относительно целесообразности повторения хлебного займа в этом году. Потребовалось очень подробное и тщательное выяснение этого вопроса. Потребовалось установление связи с местами и выяснение их отношения к этому вопросу. Но тем не менее, не верно, что мы наш хлебный заем выпустили в тот момент, когда началась реализация урожая. Мы его выпустили в июле—августе, а между тем, первые поступления по единому сел.-хоз. налогу мы имели лишь в сентябре. Громадная масса облигаций хлебного займа была реализована именно в июле и августе. Одновременно с этим мы должны подчеркнуть то громадное значение, которое имела для нас реализация хлебного займа. Она явилась показателем желания крестьянства уплачивать налог деньгами, она вскрыла удобство для крестьянина растянуть уплату налога на более длительный срок,—здесь—два плюса. Наконец, то обстоятельство, что в самый тяжелый для бюджета сезонный период мы получили, путем реализации хлебного займа, довольно крупные средства, которые позволили нам значительно уменьшить эмиссию совзнаков. Это крупнейший плюс, полученный нами от хлебного займа. Конечно, ряд неудобных сторон в хлебном займе, в связи с районами и ценами, имел место, но когда мы внимательно обсудили эти вопросы, мы никакого другого решения найти не могли; и никто нам его указать не мог.

Разрешите мне этими ответами по поводу замечаний ограничиться и указать, что, очевидно, судя по речам тех товарищей, которые здесь выступали о деятельности наркомфина, можно отметить ряд тех или других недочетов и недостатков. Товарищи, мы сами это знаем, и нам очень ценны те практические указания, которые делают делегаты С'езда. Речи всех товарищей вызывают у нас глубокое убеждение, что тот путь, по которому советская власть идет в области финансовой политики, Союзным С'ездом Советов целиком одобряется. Особенно важна нам эта положительная оценка нашей работы в текущем 1923—1924 году, когда нам, при помощи финансовой работы, приходится внедрять-

ся и вталкиваться во все области нашего народного хозяйства. Налоги и доходы неналогового характера заставляют нас вмешиваться в область лесного, промышленного и торгового хозяйства. Налоги нас ежедневно сталкивают с торговлей и промышленностью. Если вы определите, что наша задача при помощи всех финансовых средств, которые имеются в распоряжении советской власти, — способствовать дальнейшему оживлению и укреплению нашего народного хозяйства, то мы из этого сделаем все надлежащие выводы. Если вы подтвердите, что мы должны быть крайне осторожны в области государственного бюджета, чтобы не скомпрометировать денежного обращения, чтобы не задержать процесса развития народного хозяйства, то вы дадите нам новую силу, новую энергию, для того, чтобы продолжать нашу очень сложную и трудную задачу. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово предоставляется тов. Буденному для предложения.

Буденный. Товарищи, предлагается по докладу тов. Владимирова для выработки резолюции создать комиссию в следующем составе: Владимиров, Вайнштейн, Левин, Смирнов, А. П., Ларин, Чубарь, Фрунзе, Скрыпник, Гринько, Лукашин, Мусатбеков, Орахелашвили, Элиава, Генкин, Нодель, Грунзель, Карп, Микулич, Зельман, Маймин, Сейфулин, Досов, Киселев, Котляков, Корнев, Гринсберг, Кржижановский, Шейман, Смилга, Андреев, Кузнецов (Укр.), Курц, Коркмасов, Саид-Галиев, Коречев, Наговицын, Чапчаев, Сорвачев, Иванов, Богданов, Лугановский, Толоконцев, Ксандров, Муралов, Нейбах, Лобов, Инкин, Анохин и Калинин.

Председатель. Голосую. Кто за то, чтобы комиссию в данном составе утвердить? Принято единогласно.

Об'являю заседание закрытым.

Заседание пятое.

Утреннее, 1 февраля 1924 года.

Червяков (председательствующий). Заседание об'являю открытым. В порядке дня—доклад об учреждении центрального сельско-хозяйственного банка. По этому вопросу будут два докладчика. Слово для доклада имеет зампредсовнаркома Союза ССР т. Цюрупа.

Цюрупа. Товарищи, на моей обязанности не лежит сделать полный исчерпывающий доклад, а лишь поставить некоторые вопросы, относящиеся к организации сельско-хозяйственного банка, чтобы сосредоточить на них ваше внимание, а затем т. Смилга подробно должен будет осведомить вас обо всех тех предложениях, с которыми мы встречаемся в этом деле.

Я должен был бы начать прежде всего с положения нашего сельского хозяйства, с указания на те тенденции, которые мы замечаем в его развитии, но я этого не сделаю, так как об этом вкратце говорил уже тов. Каменев, а, во-вторых, об этом более подробно скажет тов. Смилга. Тов. Каменев поставил вопрос о необходимости кредита для сельского хозяйства. Я не буду подкреплять его соображения новыми и развивать их далее. Повторяю, что на мою долю выпадает сосредоточить ваше внимание лишь на нескольких главных и обще-формулированных вопросах. Я думаю, что необходимо будет дать некоторые справки о том, что у нас в этой области делалось в предреволюционное время.

Вероятно, вам известно, что кредитных учреждений, специально сельско-хозяйственных, в дореволюционной России не существовало, но было несколько типов учреждений, кредитующих в связи с сельским хозяйством. Первое из них, — по об'ему своего капитала, значению для страны и для того старого государства, которое было низвергнуто в октябре 1917 г. — это дворянский банк. Этот банк имел на 1-ое января 1914 г. в долгу за своими клиентами 765 миллионов рублей. Он давал наиболее дешевый кредит по сельскому хозяйству и, если хотите, это была единственная тогда форма кредита, действительно сельско-хозяйственного кредита.

Второе место в этом отношении занимал крестьянский поземельный банк. Он так и назывался «поземельный», ибо формальная задача его заключалась в том, чтобы давать возможность крестьянству приобретать владельческие земли. Практическая задача его заключалась,

в том, что при посредстве этих земель, банк поддерживал падающее дворянское землевладение и тех дворян, которые уже не в состоянии были и при той поддержке, которую им оказывало правительство,—стоять на ногах. Земли таких дворян передавались по дорогим ценам крестьянству с возложением на них всех тягот, связанных с переходом. Таков был этот крестьянский поземельный банк. Здесь о сельско-хозяйственном кредите не могло быть и речи.

Третья группа кредитных учреждений — это так называемая группа мелкого кредита. Сюда относятся волостные ссудо-сберегательные кассы, кредитные т-ва, земские кассы мелкого кредита и проч. Все они вместе, в общей сложности, ближе стояли к крестьянскому населению и в большей степени обслуживали его нужды в отношении сел.-хозяйственного кредита. Но вся эта группа учреждений, составлявшая в общем 11 тысяч единиц и об'единявшая 7 миллионов крестьянских хозяйств, имела так наз. пассив, т.-е. капитал, взятый и затем розданный, в 612 миллионов, из коих собственный капитал был 99 миллионов, правительственный—82 миллиона и прочий, т.-е. вклады, текущие счета, поступающие от населения, займы и др., 431 миллион. Я не хочу забивать свой доклад цифрами, но прошу вас обратить внимание на цифру в 431 миллион, с указанием, что собственно вклады и текущие счета составляли 241 миллион. Эти цифры я прошу запомнить для последующего. Основной капитал этих кредитных учреждений составлял всего 65 миллионов, запасный капитал — 8 миллионов. Если вы таким образом сведете эти цифры во-едино, то окажется, что запасный и основной капиталы этих кредитных учреждений плюс то, что было дано в основной капитал правительством, составит 100 миллионов рублей. Вот с чем оперировали учреждения мелкого кредита в дореволюционной России, имея, однако, баланс на этой основе 612 миллионов рублей.

Куда шли эти деньги, каким образом население их использовало? Оказывается, что для чисто сел.-хозяйственных нужд из этого числа использовались только ²/₃ всех капиталов, пущенных в дело. Остальная ⅓ шла на аренду и на покупку земли, на наем рабочей силы и на производство торговли, т.-е. как раз на те нужды, кои теперь совершенно исключаются, так как мы живем в стране, где нет частной собственности, и где сдача в аренду, как правило, не практикуется. Каковы выводы из этого? Выводы заключаются в следующем: первый и основной вывод это то, что учреждения мелкого кредита, имея 100 миллионов основного капитала в своем распоряжении (а за исключением 27 миллионов, полученных из сберегательных касс, даже 73 миллиона), могли делать оборот в 600 миллионов. При этом из 600 миллионов, — это второй вывод,—уходило на удовлетворение нужд, связанных не с ведением сельского хозяйства, а с приобретением земли или с увеличением землепользования, т.-е. аренды, ⅓, т.-е. 200 милл. р., при чем часть сумм, в размере 10%, шла на эксплоатацию самого населения, т.-е. на наем рабочей силы и на производство торговли.

Интересно теперь задать такой вопрос: какой же капитал, после империалистической войны, после гражданской войны, после небывалого и невиданного голода, при нашем разорении, при нашем чрезвычайно тяжелом бюджете, какой капитал мы можем отпустить на это дело?

Когда я ставил перед собою этот вопрос и подвел итог, то пришел в смущение перед небольшим размером средств, отпускаемых нами. Что же мы отпустили? Совет Народных Комиссаров в прошлом году для обществ сельско-хозяйственного кредита отпустил 20 миллионов рублей. Постановлением руководящих органов на организацию сельско-хозяйственного банка и основной капитал отпущено 40 миллионов, и, н.. нец, государственный банк сейчас имеет за своими клиентами по ссудам на сельско - хозяйственные цели (исключая все его кредиты по линии машиностроения и на другие подобные нужды) к 1-му января 1924 г. пять миллионов рублей. Итого мы имеем 65 миллионов рублей. Как это ни мало, но это недалеко от тех 73 миллионов рублей, которые в свое время имели учреждения мелкого кредита. Здесь мы должны внести существенную поправку, очень небольшую, заключающуюся в том, что 20 миллионов, ассигнованных обществам сельско-хозяйственного кредита, мы пока-что отпустили не полностью, вследствие наших нужд и бедности. Другая, очень крупная поправка заключается в том, что те 40 миллионов, которые отпускаются в основной капитал сельско-хозяйственного банка, мы имеем возможность, в силу их действия, увеличить вчетверо. Как эта механика производится, вам расскажет тов. Смилга. Но, приняв это во внимание, мы можем сказать, что в действии у нас будет с первого же года организации развернутых учреждений мелкого кредита не 40 миллионов рублей, а 160, что, вместе с другими 25 миллионами, даст в итоге 185 миллионов.

Начало, как вы видите, не так плохо при тех ничтожных ресурсах и бедственном положении, в котором мы находимся. Но, из приведенных выше цифр вы видите, что это ни в коем случае не может даже сравняться с тем, что было в дореволюционное время. Я считаю необходимым обратить ваше внимание на то, что пассив, которым располагали дореволюционные учреждения мелкого кредита, — это вклады, займы и проч. поступления (особенно важна цифра вкладов, т.-е. вклады на срок, текущие счета и т. д.), именно этот пассив давал простор и возможность работы учреждениям мелкого кредита. Отсюда третий вывод, заключающийся в том, что наши учреждения — центральный сельско-хозяйственный банк, общества сельско-хозяйственного кредита и другие последующие, нижестоящие в иерархии учреждения мелкого кредита, должны сосредоточить все свое внимание на том, чтобы этого рода капиталы — паи, вклады, взносы на текущие счета—скоплялись в учреждениях и особенно в низовой кооперации, ибо без них, на средства, поступившие в основной капитал от государства, невозможно будет развернуть сколько-нибудь значительно и широко, соответственно с нуждами нашего сельского хозяйства, дело сельско-хозяйственного кредита.

Нет никакого сомнения, конечно, что, по мере того, как мы будем укрепляться и твердо стоять на ногах, мы будем ассигновывать вновь и вновь, дополнительно к уже ассигнованным средствам, в основной капитал сельско-хозяйственного банка, но и при этом условии необходимо принять все организационные и иные меры к тому, чтобы все те накопления денежных средств, которые могут образовы-

ваться на местах, в руках населения, имели тягу в кассу низовой кооперации, которая бы имела возможность, получивши деньги от того, у кого они на некоторое время свободны от употребления в дело, предоставить их в распоряжение того, кто в своем кошельке в это время денег не имеет. Только таким путем мы в состоянии будем развернуть деятельность наших кредитных учреждений по сельскому хозяйству во всю ширь.

Что это так, что это не фантазия, не взято с потолка и не просто выдумано, уже можно видеть на предварительных итогах наших обществ сельско-хозяйственного кредита.

У меня имеются сведения о балансах 18 обществ такого рода. Оказывается, что они, получивши в свой основной капитал из казенных источников 6.000.000 рублей, в течение нескольких месяцев умели привлечь 8.000.000 рублей местных средств, вкладов, паев и т. п. Таким образом, на местах сразу же они нащупали правильную дорогу. Второе — крестьянские паи, предусмотренные уставом обществ сельско-хозяйственного кредита, составлявшие по этим обществам 321.000 рублей, через несколько месяцев уже увеличились в 2½ раза. Конечно, сами по себе эти цифры не велики и реального значения не имеют, но важно отметить тенденцию развития, то направление, в котором идет развитие деятельности обществ сельско-хозяйственного кредита. Вы видите, что и в этом случае местные люди нащупывают совершенно правильный и единственно возможный путь увеличения капиталов обществ сельско-хозяйственного кредита.

Позвольте мне с этой частью, касающейся организации капитала, покончить. Подробнее об этом будет говорить тов. Смилга.

Позвольте теперь остановиться на другом коренном вопросе,— кому, на что и для чего мы будем давать деньги из центрального сельско-хозяйственного банка? Много есть нужд, связанных с деятельностью сельского хозяйства, но не все эти нужды подлежат кредитованию из сельско-хозяйственного банка. Мы своему банку должны сказать: ограничься до возможных пределов и сосредоточься на самом важном и самом необходимом, откинь все операции коммерческого характера; перестань думать о том, что в начале своей деятельности, а, может быть, и в дальнейшем ты можешь развивать коммерческую деятельность, можешь покупать хлеб и вывозить его за-границу. Перестань думать о том, что ты можешь покупать лен, что можешь непосредственно вести всякие другие коммерческие операции. Это не твое дело, по крайней мере, на первое время. Во-вторых, не кредитуй тех, кто непосредственно не работает над землей. Не кредитуй те организации, которые занимаются скупкой продуктов сельского хозяйства: сырья, льна, хлеба, кож, шерсти и т. п. Не делай этого, ибо эти организации своею деятельностью, так сказать, двумя сторонами встречаются с крестьянством: с одной стороны, являясь на рынок, они увеличивают требования на продукты, кои они скупают; увеличивая требования, они тем самым создают благоприятную атмосферу, основу для повышения цен на сельско-хозяйственные продукты и, следовательно, на самом деле играют положительную, благоприятную для крестьянского хозяйства роль, увеличивая цены. Но с другой стороны, это купцы, хотя и советские, нуж-

ные для нас, как всякие купцы психологически равным образом—и хозяйственно, и коммерчески—ставят своей задачей купить дешевле и продать дороже. С этой стороны они как бы давят на крестьянина. И вот мы говорим крестьянскому банку: на эти операции ты денег не давай. Такие почтенные организации, как хлебопродукт, сельскосоюз, центросоюз и т. п., нужны нам, мы их всемерно поддерживаем, следим за их работой, но денег им из сельско-хозяйственного банка давать не будем, ибо он существует не для этой цели.

С другой стороны, эти организации на свои операции могут получить деньги из госбанка, из торгово-промышленного банка, из банка для внешней торговли; сельско-хозяйственный же банк должен иметь другие задания. Если сельско-хозяйственный банк при той обстановке, в которой протекает деятельность этих организаций, даст им свои капиталы, то он даст их против интересов крестьянина. Мы должны дать свои деньги непосредственно крестьянину против хлебопродукта, против центросоюза и против других организаций, которые занимаются коммерческой деятельностью и скупают продукты сельского хозяйства. Тогда только будет иметь смысл деятельность банка, и правильность назначения его капиталов не будет подлежать никакому сомнению.

Исключая из числа клиентов, т.-е. пользующихся ссудами центрального сельско-хозяйственного банка, те организации, о которых я говорил, кого же мы оставляем? Оставляем только низовую кредитную кооперацию, в основной капитал которой и на определенные операции которой выдаются средства. Затем мы оставляем сельско-хозяйственные общества, за деятельностью которых будем иметь строжайший контроль и не будем давать денег тем из них, кои занимаются коммерческими операциями. Оставляя в числе клиентов сельско-хозяйственные общества и низовую кооперацию, мы тем самым оставляем в числе клиентов самого крестьянина, сельско-хозяйственную кооперацию, которым будем давать ссуды на восстановление и расширение площадей посевов, на развитие трудоемких культур, на увеличение и введение нового и усовершенствованного инвентаря, на улучшение скотоводства, на организацию сбыта сел.-хозяйственных продуктов, на создание коллективных хозяйств и на кооперирование коренного производителя. На эти нужды будут выдаваться средства.

В таких условиях, при таких заданиях, может быть, как видите, суженный, не об'емлющий всего хозяйства, а только касающийся крестьянского населения сел.-хозяйственный банк, по нашему мнению, сделает гораздо больше, нежели в том случае, если он будет разбрасываться во все стороны, рискуя своими капиталами и отдавая их не по прямому назначению.

Таким образом, мы действительно создадим содействие крестьянскому хозяйству; таким образом, мы действительно придем к цели восстановления отношений между городом и деревней, о которых здесь подробно и так ясно говорил тов. Каменев в своем докладе.

Вот как, товарищи, мы ставим главнейший вопрос по отношению к сельско-хозяйственному банку. О всех подробностях этого дела более важных и о деталях его вам расскажет тов. Смилга, которому я и уступаю трибуну. (Аплодисменты).

Председатель. Слово для доклада предоставляется тов. Смилге.

Смилга. Товарищи! Центральным пунктом завещания тов. Ленина, относящимся к вопросам советского строительства, безусловно является вопрос об отношениях рабочего класса к крестьянству. Эти вопросы нам приходится решать в такое время, когда во всех отраслях народного хозяйства Союза ССР ясно чувствуется оживление и возрождение. После великих потрясений, пережитых нашей страной в результате империалистической войны, революции и гражданской войны, мы вступили в период восстановления нашего хозяйства и под этим восстанавливающимся, возрождающимся зодиаком нам приходится ставить этот основной вопрос.

Вы, конечно, все помните, что в завещании Владимира Ильича есть целый ряд обязательств по отношению к крестьянству. Он неоднократно говорил, что рабочий класс берет в долг у крестьянина, что рабочий вынужден брать в силу необходимости в долг у крестьянина, но что он этот долг вернет в свое время с лихвою. Мне кажется, что мы можем сейчас сказать, что действительно на этот путь советское правительство уже стало. Мы, конечно, не можем сказать, что этот долг может быть покрыт полностью в скорое время. Но первые платежи по этому большому обязательству уже произведены, и учреждение сел.-хозяйственного банка будет следующим крупным платежом по нашему обязательству.

Для того, чтобы уяснить смысл этого платежа, хотя бы вкратце нужно остановиться на той обстановке, в которой этот платеж производится. В основном эта обстановка сложилась к моменту перехода нашей страны к новой экономической политике. Переход к продналогу превратил хлеб, основной продукт нашей страны, в товар, и этот основной товар в течение трех лет перестроил всю систему нашего народного хозяйства на товарно-денежных основаниях. Следовательно, рынок снова играет важнейшую роль во всем нашем хозяйстве. Рыночные отношения являются отношениями, наиболее характеризующими взаимоотношения различных частей народного хозяйства. Говоря проще, цены на продукты городской промышленности и сельского хозяйства являются самым надежным показателем того, в каком положении в каждый данный момент находится смычка рабочего класса с крестьянством.

В области цен, при новой экономической политике, был ряд периодов: первый период, который прошел под знаком великого голода, диктатуры хлебных цен, ввоза хлеба из-за границы в Россию — с одной стороны — и дешевых невосстановительных цен на продукты промышленности — с другой — период 1921 и половины 1922 года. В 1922 году картина резко меняется. Крестьянское хозяйство восстанавливается быстрее промышленности. Удовлетворительный урожай 1922 года дает крестьянскому хозяйству мощный толчок. Деревня сразу экономически в своем восстановлении обгоняет город. На рынке это сказывается увеличением предложения крестьянского хлеба и падением цен на хлеб. Урожай прошлого года эти тенденции продолжает развивать, и мы сталкиваемся уже не только с дешевым хлебом, но и с ненормально дешевым хлебом, дешевизна которого потрясает все здание нашего народного хозяйства.

Не только крестьянское хозяйство было потрясено этими низкими ценами на хлеб, которые обесценивали труд крестьянина, но и промышленность вступила в период кризиса, ибо резким образом сократилась покупательная способность внутреннего рынка, являющегося основным рынком для нашей промышленности и в недавнем прошлом, и теперь, и на далекое будущее. Совершенно ясно, что нужно было принять ряд самых решительных мер для того, чтобы привести в соответствие, в равновесие разошедшиеся фланги нашего народного хозяйства.

Основным мероприятием, направленным на поднятие цен на сельско-хозяйственные продукты, надо считать экспорт нашего хлеба заграницу. Об этом говорилось подробно в докладе правительства, останавливаться на этом не буду. Второе мероприятие — это организация сельско-хозяйственного, в частности — крестьянского кредита.

После того, как крестьянское хозяйство уже в определенных размерах перестроилось на новые твердые рыночные начала, вопрос о кредите встал неизбежно, и декабрьский декрет 1922 г. об организации обществ сел.-хоз. кредита был первым ответом правительства на новую назревающую потребность.

Здесь тов. Цюрупа уже говорил о тех сравнительно незначительных средствах, которые были на это дело отпущены. Я скажу, что, проанализировав работу этих обществ за первый год их существования, надо сказать, что действительно пережит только самый младенческий период, но много имеется уклонов с того пути, который этим обществам был предписан по декрету. В общем и целом работу этих обществ надо считать здоровой и самую мысль об их учреждении правильной. Это сказалось и в факте привлечения крестьянских паев: эти паи возрастают из месяца в месяц. В основном правильность деятельности этих обществ определяется и тем, что к казенным государственным центральным средствам прибавилось довольно значительное количество средств местных учреждений. Правда, еще незначительно, но в эти общества стали привлекаться чужие средства, вклады, текущие счета и т. д. Правда, согласно сводного баланса этих обществ на 1-ое октября, сумма привлеченных чужих средств составляет пока лишь 18% по отношению к основному капиталу этих обществ. Этот процент безусловно очень низок, но он показывает, что дорога правильная и что в этом же направлении надо действовать со всею решительностью дальше.

Общества были первым шагом. Особенно осенний кризис с чрезвычайной резкостью поставил вопрос о том, что это только проба пера, что нужно гораздо более значительные средства бросить на дело сел.-хозяйственного кредита для того, чтобы при помощи кредитных операций помочь восстановить нарушенное экономическое равновесие между городом и деревней. Жизнь выдвинула необходимость организации центрального всесоюзного сел.-хоз. банка со сравнительно значительными капиталами, который бы руководил деятельностью уже созданных обществ и основной задачей которого в области организации сел. хозяйственного кредита было бы покрытие всей территории нашего Союза сетью местных обществ сел.-хоз. кредита.

В настоящее время мы по всей территории имеем 32 общества, причем в некоторых местах они называются банками, как, например, украинский с.-х. банк. Мы должны в ближайшее время покрыть все гу-

бернии и районы нашего Союза этими обществами. Эта сеть, руководимая центральным сельско-хозяйственным банком, и составит, если можно так выразиться, государственную сеть сельско-хозяйственного кредита. Само собой разумеется, что задача восстановления сельско-хозяйственного кредита в Союзе ССР может быть разрешена только при том условии, если силы и средства правительства, вложенные в сельско-хозяйственный банк и в общества сельско-хоз. кредита, встретят мощный отклик самодеятельности крестьянского населения в области кредита. Только через низовую сеть кредитной и сельско-хозяйственной кооперации и через их союзы возможно массовое проникновение кредита действительно в деревню, непосредственно к крестьянскому хозяйству. Государство не может ставить в настоящее время задачей дробность своих кредитных учреждений большую, нежели губернские. Для этого у нас не хватило бы сейчас ни сил, ни средств, и такая попытка привела бы только к величайшей бюрократичности дела и не выполнила бы поставленную ей задачу. Мы должны поставить дело таким образом, чтобы две волны, встречающиеся между собою, установили бы правильные и здоровые взаимоотношения. Это—волна, организованная сейчас Союзным правительством сверху, и волна кооперативного сельско-хозяйственного строительства снизу. Их взаимоотношение будет иметь, конечно, величайшее значение для всей организации сельско-хоз. кредита.

В таком виде нам мыслится сейчас система сельско-хозяйственного кредита для Союза. Если сравнить эту систему со старой, обрисованной тов. Цюрупой, то вы увидите, что наша гораздо более проста. Нет никакой необходимости строить сословные кассы, строить земские кассы. Жизнь стала иной, и к этим новым обстоятельствам нужно приспособлять новые формы в области сельско-хозяйственного кредита.

Дальше вопрос о взаимоотношениях центрального сельско-хозяйственного банка с союзными республиками. Трудность здесь заключается в том, что по самому своему характеру сельское хозяйство является местным, децентрализованным, кредит же по существу своему является делом централизованным, и здесь необходимо как-нибудь сочетать первое и второе начала. Мы не должны допускать, чтобы центральный сельско-хозяйственный банк выродился в бюрократическую машину; с другой стороны, он не будет банком, если не будет иметь возможности контролировать расходование отпускаемых средств и руководить по банковски, по кредитному всем этим большим делом. Вопрос этот решается таким образом: центральный сельско-хозяйственный банк ведет свои операции через республиканские банки и через систему местных обществ сельско-хозяйственного кредита. Сам он своих отделений и контор открывать не будет. При помощи капитала, при помощи кредита, центральный сельско-хозяйственный банк сумеет оправдать свое назначение именно как банк. Правда, дело трудное, и только на основе опыта, который будет складываться в процессе деятельности этого банка, можно будет более конкретно тот или другой вопрос уточнить. Здесь мы вынуждены ограничиться общей постановкой: банк работает через республиканские банки и через систему местных обществ

сельско-хозяйственного кредита. Собственных отделений он не открывает.

Далее, мы должны вкратце остановиться на средствах банка. Основной капитал по предложению правительства определен в 40 миллионов рублей. Банк есть такое учреждение, которое на базе основного капитала привлекает средства — вклады, займы и т. д., так называемые пассивы, и на этой основе развивает свои активные операции, т.-е. выдает ссуды и т. п. Я уже сказал, что пока относительно привлечения других капиталов для сельско-хозяйственного кредита дело у нас обстоит очень слабо. Еще экономические отношения не развились до такой степени, чтобы из крестьянского хозяйства можно было уже извлекать в большом количестве его сбережения и пустить их на производительные цели. Пока этого нет и, очевидно, не так скоро еще будет. Для того, чтобы в наибольшей степени развернуть свою работу, центральный сельско-хозяйственный банк должен где-то эти средства находить.

Вопрос решается следующим образом: сельско-хозяйственный банк входит в определенные соглашения с государственным банком, смысл которых сводится к следующему: капитал, получаемый от правительства сельско-хозяйственным банком, вносится в государственный банк. Государственный банк открывает сельско-хозяйственному банку кредит в двойном размере, т.-е. на 80 миллионов руб. Кроме того, он гарантирует еще на 80 миллионов рублей привлекаемые в сельское хозяйство средства как внутреннего, так и иностранного происхождения, т.-е. 80 миллионов рублей можно раздать на непосредственный кредит, при чем государственный банк не имеет права отвода и не имеет права по существу рассматривать те сделки, по которым ему сельско-хозяйственный банк приказывает деньги выплатить. С другой стороны, он обеспечивает платежи еще на 80 миллионов рублей по привлекаемым в сельское хозяйство средствам. Таким образом, с самого начала сельско-хозяйственный банк имеет возможность развернуть довольно широкую деятельность.

Спрашивается, почему же государственный банк идет на такие условия для сельско-хозяйственного банка? Он идет на эти условия по следующим причинам. Он говорит: ваши деньги находятся в моей кладовой; если по вашим обязательствам своевременно платежи не будут производиться, я автоматически эти суммы высчитываю из вашего капитала. Этот капитал для меня служит гарантией того, что я свои деньги в это дело вкладываю без риска. Это раз. Второе. Он говорит: для того, чтобы вы были для меня авторитетным банком, извольте сами коммерческими операциями не заниматься. Вы не можете быть коммерческим банком и не должны залезать в операции, которые связаны с очень большим риском. Ваша задача руководить делом организации сел.-хозяйственного кредита и руководить кредитными делами в пределах сумм, которые у вас имеются. Поскольку вы сами не будете вести коммерческие операции, постольку вы для государственного банка представляете достаточно солидные гарантии того, что действительно операции будут вестись с должной осмотрительностью и должной осторожностью. Если вы сами в центре коммерческим банком не

являетесь, то мы договор на этих условиях заключаем. Мы стали на ту точку зрения, что это устраивает обе стороны.

Действительно, организаторская задача будет, особенно в первое время, основной задачей в деятельности банка. Во-вторых, мы имеем возможность широко развернуть деятельность банка. В-третьих, не организуя собственных отделений и контор, деятельность банка в смысле проведения банковской техники будет опираться на самый разветвленный аппарат, какой существует сейчас на территории Союза, на аппарат Госбанка. Все это чрезвычайно выгодно.

Далее, для Госбанка и для нас вопрос о существовании на основе специального договора сельско-хозяйственного банка имеет еще и огромное принципиальное значение. Мы часто говорили о том, что в дальнейшем, с развитием нашей кредитной системы, Госбанк должен превратиться в банк банков. Я являюсь большим сторонником этой идеи. Но когда приходится конкретно решать этот вопрос, то до сих пор организационных форм для решения его мы не находим. Организация в центре России гарантийных банков, по-моему, указывает путь к следующей фазе, следующему периоду в развитии наших кредитных учреждений. Действительно, в лице таких гарантийных банков государственный банк имеет мощные учреждения, специализирующиеся каждое в своей отрасли, сами не ведущие коммерческих операций, и тем самым, действительно, превращающие эмиссионный банк, — государственный банк — в регулирующий банк банков.

Теперь относительно всесоюзного характера банка. Я хотел бы сказать только два слова. Средства банков довольно значительны, если их взять в абсолютных цифрах и вспомнить о нашей общей нищете. Но средства эти совершенно ничтожны и являются только каплей в море, если их рассматривать с точки зрения потребности крестьянского хозяйства в кредите. Для того, чтобы эти средства были с величайшей осторожностью и с наибольшей пользой использованы по назначению, мы не можем их в настоящее время распылять. Эти средства должны быть использованы с величайшей осторожностью по своему назначению. Это может быть в настоящих условиях проведено только при том условии, если ими будет руководить единый центр. Второе. Мы являемся огромной территорией, где условия сельского хозяйства различны в различных местах нашего Союза, где потребности и высвобождение капитала носят сезонный характер, т.-е. в одном месте они могут уже высвободиться для того, чтобы их сейчас же вложить в другом месте. Этот финансовый маневр в наших условиях может быть осуществлен только в общесоюзном масштабе. Третье. Если это дело станет на твердую ногу, то в дальнейшем мыслимо заключение одного или целого ряда облигационных займов на нужды сельского хозяйства как внутреннего, так, может быть, и внешнего происхождения. Успешность заключения этих займов опять-таки стоит в теснейшей связи с всесоюзным характером этого банка. Такие займы гораздо легче заключить Союзу, чем отдельным республикам, входящим в Союз. Все это говорит за то, что, несмотря на децентралистский характер сельского хозяйства, мы должны дело восстановления кредитной системы организовать в масштабе всесоюзном.

Теперь относительно характера деятельности этого банка. Товарищ

Цюрупа совершенно правильно этот вопрос поставил. Нужд, связанных с сельским хозяйством, очень много. Сельское хозяйство безбрежно в своей потребности в кредите, денег мало. Надо вопрос ставить таким образом, что мы берем в фокус своего внимания крестьянское хозяйство (это совершенно определенно, то-есть, только одну, правда, основную часть в сельском хозяйстве), мы суживаем поле нашей деятельности, но зато увеличиваем плотность нашего кредитного давления, в меньшее пространство пускаем большее количество средств. Банк является центральным сельско - хозяйственным банком по названию, по существу же это будет центральный всесоюзный крестьянский банк, при чем не крестьянский поземельный банк типа старой России, а крестьянский банк, обслуживающий потребности крестьянства в тех условиях, которые созданы советским строем. Для нас совершенно ясно, что мы должны вести свою кредитную политику таким образом, чтобы действительно дать кредит самому крестьянскому потребителю. Задача, повторяю, трудная, но дело станет на прочную ногу только при том условии, если эту задачу удастся решить. Мы ее пытаемся решить с помощью кооперации. Мы мыслим себе дело таким образом, что одно дело, если трест сельско-хозяйственного машиностроения кредитуется каким-нибудь банком, и благодаря этому кредиту имеет возможность развивать кредитные операции с крестьянством. Другое дело, если эти средства попадут в руки крестьянина, и он придет в трест или в его отделение и на эти средства купит машины. Средства, может быть, будут одни и те же, но экономически совершенно различно содержание этих двух операций. И мне кажется, что именно второй подход к делу, действительно, обеспечит наибольшую защиту интересов крестьянского производства на рынке, а раз рыночные отношения являются у нас основными, то мы должны и крестьянское хозяйство приспособлять к рынку, со всеми организациями и учреждениями, которые рыночные отношения вызывают к жизни.

Само собою разумеется, что не только защита крестьянского хозяйства на рынке, как сбытчика своей продукции, но и задача восстановления хозяйства, агрикультурные, мелиоративные задачи, снабжение крестьян машинами, рабочим скотом и т. д., и т. п., все это, конечно, входит в сферу деятельности банка, но, поскольку это вопросы уже конкретного уставного порядка, здесь нет необходимости с особенной подробностью на этом останавливаться.

Следующий вопрос, о котором необходимо говорить, это вопрос о дешевизне кредита, или, вернее, о его дороговизне в настоящих условиях. Мы знаем, что сельское хозяйство неспособно пользоваться дорогим кредитом. Поэтому центральный сельско-хозяйственный банк должен вести свои дела таким образом и руководить всей системой сельско-хозяйственного кредита так, чтобы обеспечить крестьянству наиболее дешевый в настоящих условиях кредит. Я боюсь вам называть здесь конкретные цифры. Пока мы живем в условиях падающей валюты, и пока кредитование периферии еще не организовано, и канал, по которому средства будут из центра через республики и губернии протекать к местам, еще не вырыт, об этом конкретно трудно сказать, но гарантийный договор с государственным банком дает возможность не

открывать своих отделений, то-есть, не тратить огромные деньги на аппарат. С другой стороны, поскольку центральный сельско-хозяйственный банк не является коммерческим банком, проблема прибыли для него решается несколько иначе, чем для других банков. Я думаю, что центральный банк должен поставить себе задачу безубыточности, он должен в такой осторожной форме определить свою задачу в этой области—«безубыточность», не говоря о прибыли,—лишь бы сохранить капитал, но дать своим клиентам самый дешевый кредит. Только дешевый кредит сыграет необходимую экономическую, а еще более важную политическую роль, которую сельско-хозяйственному кредиту суждено сыграть в настоящих условиях.

Вот те основные вопросы, которые я хотел перед вами осветить. Они должны получить выражение в определенной резолюции, на основании которой ЦИК Союза и Совнарком утвердят устав и примут меры к тому, чтобы настоящее постановление быстрее провести в жизнь.

Заканчивая свой доклад, я должен сказать следующее: задача огромная, задача величайшей важности, вернее сказать: в деле восстановления крестьянского хозяйства—вторая по важности после хлебоэкспорта задача. При решении ее мы сталкиваемся с величайшими затруднениями. Я уже указывал вам на сложность обстановки, в которой придется работать сельско-хозяйственному банку. Что мы имеем в настоящее время? Мы имеем первые шаги в области сельско-хозяйственного кредита и твердую уверенность в том, что это дело почву имеет, что оно будет развиваться и что в дальнейшем этому делу суждено иметь огромное будущее. Мы имеем огромную потребность в кредите. Это сказалось совершенно ясно, с особой резкостью в течение осеннего кризиса прошлого года. Мы в большое плавание пускаемся, мы не обманываем себя, не делаем иллюзий, что это дело легкое, не связываем себя сейчас с какой-нибудь догматической схемой, которая при отсутствии опыта была бы только плодом кабинетных измышлений. Мы будем с величайшей осторожностью следить за практикой в этом деле, за тем, как складывается опыт на местах; учитывая и приноровляясь к этому опыту, будем вносить те изменения и улучшения в дело, которые безусловно потребуются. Я хотел бы сказать, что дело это получит прочную основу при том условии, если мы добьемся полной согласованности работы местных и центральных кредитных учреждений, центрального банка, республиканских банков и обществ сельско-хозяйственного кредита, с одной стороны, и если все органы власти—сверху до низу окажут этому делу величайшее содействие и отнесутся к нему любовно и с сознанием той ответственности, которая на них лежит.

В деле смычки рабочего класса и крестьянства сельско-хозяйственному кредиту придется играть не последнюю роль. Здесь я обошел вопрос о том, какие группы крестьянского населения будут основными клиентами нашего банка, обошел его потому, что опыта, цифровых данных сейчас у нас еще нет. Но поскольку на этот вопрос должен быть дан ответ, мы скажем, что бедняцкое крестьянство безусловно будет обслуживаться банком. Кредитная помощь бедняцкому крестьянскому населению должна быть организована. На-ряду с поддержкой крестьянского хозяйства середняцкого типа новые организации, стремящиеся

к коллективизации сельского хозяйства, конечно, безусловно получат отражение в деятельности банка. Указывая на важность и трудность этого дела, на малый опыт, которым мы обладаем, заканчиваю доклад с полной уверенностью, что это начинание, как и все основные начинания советского правительства, будет иметь успех и в ближайшем будущем даст действительно те результаты, на которые страна в праве расчитывать.

Председатель. В порядке прений слово предоставляется тов. Ларину от Калужской губернии.

Ларин. Товарищи, цель и значение сельско-хозяйственного кредита для крестьянства весьма важны. Об этом все мы знаем. Все этого кредита ожидали. Но нужно учесть вопрос—как его соблюсти, или как его провести на низы в самом крестьянстве?

Как руководитель сел.-хоз. товарищества, я с ноября месяца участвую в распределении сел.-хоз. кредита и как корреспондент московского областного общества сел.-хоз. кредита на опыте испытываю следующее: с ноября месяца мы выдаем крестьянам ссуду. Ссуда, конечно, разрешена была нам, первое время краткосрочная, до 4 месяцев, в сумме до 4, в исключительных случаях, до 5-ти червонцев. До половины ноября, как вам всем известно, каждый крестьянин земледелец испытывал некоторые нужды. Он испытывал нужды в минувшее лето за отсутствием той или другой машины, или того или другого предмета для обработки земли. Каждый из нас знает, что если осенью безлошадный крестьянин не сможет приобрести себе лошадь, то и в будущем году он останется безлошадным. А в таком случае он не явится продуктивным земледельцем.

И вот, первая задача сельско-хозяйственного кредита, это, конечно, оказание помощи бедняку. С другой стороны, здесь нам сказали: в распределении этого кредита будьте осторожны. Что это значит? Мы выдаем ссуду на покупку лошади в ноябре месяце, в расчете на то, что, если не оказать крестьянину этой помощи, то он, действительно, окажется безлошадным. Нужно, по-нашему, оказать ему то или иное содействие. Но как оказать ему это содействие. Выдадим мы ему ссуду в количестве 4—5 червонцев на покупку лошади. А подо что мы ему дадим? Под эту же самую лошадь? Ведь под его честность очень затруднительно дать. Честность-то его мы знаем. Знаем, что он выполнит все, но, с другой стороны, ссуда-то ведь только четырехмесячная разрешается. Как же он может в течение этих четырех месяцев, да к тому же зимних, как он может вернуть эту ссуду? Что же нам делать с ним по истечении этого четырехмесячного срока? Приходится отбирать у него эту лошадь. Другого выхода нет.

Бывает другое положение. При выдаче ссуды мы знакомимся с имущественным положением крестьянина. Крестьянин, бравший ссуду на покупку лошади, расчитывал, что эту ссуду он возвратит с помощью сбыта своего излишка. Конечно, он знает, и мы, руководители низовых ячеек, знаем, что в период ноября и декабря цены на продукты сельского хозяйства падают. Они могут подниматься только в настоящее время. И вот, когда он брал червонец, приблизительно в половине ноября, этот самый червонец стоил 12 тысяч. Ему назначили срок

ссуды 4 месяца. В половине февраля червонец будет стоить приблизительно 115 тысяч. На сколько увеличился червонец? Червонец увеличился почти в десять раз. Сравните это с ценой на продукты сельско-хозяйственного производства. Мясные продукты в половине ноября доходили приблизительно до 20 тысяч руб. за пуд мясного продукта, а в настоящее время доходят до 40 тысяч. На сколько же поднялись сельско-хозяйственные продукты? Всего в два раза. Возьмите хлебные продукты. Вы увидите то же самое. От половины ноября и до половины февраля они поднялись только в четыре раза. Как же, скажем теперь, этому бедняку выкрутиться из своего долга? Он не может выкрутиться из него только потому, что его продукт обесценен. Он надеялся, что сможет погасить эту ссуду своим продуктом, сможет выкупить свою несчастную лошадку, но увы, он сделать этого не в состоянии. Ему приходится опять растаться со своей лошаденкой. Опять он становится безлошадным крестьянином. Опять ему приходится оставаться бедняком.

На это нужно обратить внимание. Нужно указать нашему советскому правительству на необходимость найти выход из такого положения.

Выход есть. Выход—в том, что нельзя создавать краткосрочной ссуды. Это бессмыслица. Нужно создать долгосрочные ссуды. При долгосрочных ссудах бедный крестьянин при помощи руководителей на местах выйдет из своего горького положения.

Привлечение крестьянских паев—история, товарищи, весьма тяжелая. Ведь бедняк крестьянин не может внести минимального пая в 5 руб. золотом. Если в ноябре 5 руб. золотом составляли 6 тысяч, то теперь они составляют почти 60 тысяч. Откуда он может найти эти 60 тысяч? Конечно, он их не найдет. Мы, руководители на местах, может и преступно, но все-таки принимаем меры, все-таки обременяем бедняка, привлекая его к участию в сельско-хозяйственном кредите. Мы принимаем меры сознательно, хотя, может быть, и неправильно. Но что же делать? Другого выхода нет, чтобы привлечь крестьянские паи.

Может быть, это говорить здесь и неуместно, но я, как руководитель сельско-хозяйственного товарищества, сделал такой прием, а быть может, этот прием понравится и другим, если он не противен законам советской республики.

Мы, при выдаче ссуды, устанавливаем, что с крестьянина бедняка, берущего ссуду до 20 руб., взимаем четверть пая, с крестьянина, получающего ссуду до 50-ти рублей, взимаем пол-пая. Таким путем мы сумели сорганизовать 30 крестьянских паев. Может быть, так поступать преступно. Но что же делать? Другого выхода нет.

Я только хочу еще раз сказать, что нужно соответствующим органам принять во внимание именно долгосрочность ссуды.

Если будет долгосрочная ссуда, то выход из трудного положения найдется. Тогда мы можем достигнуть нашей цели сельско-хозяйственным кредитом, только тогда низовые ячейки могут оказать свое горячее содействие советскому правительству; тогда будет заметно в низах, что с.-х. кредит действительно оказывает помощь сельскому бедняку. (А п л о д и с м е н т ы).

Председатель. Слово принадлежит тов. Глазунову.

Глазунов. Товарищи, моя речь будет короткая, но только она вопросительная. Здесь тов. Смилгой было сказано—и это довольно памятное слово, что крестьянин когда-то давал взаймы рабочему. Сейчас в деревне был поставлен вопрос при разверстке: да когда же будет возвращен нам долг? Тяжелое последствие повлекло за собою то, что крестьянин, давая в свое время государству, не получал от него ничего. Когда дело доходит до разверстки и до уплаты продналога, крестьяне отчаиваются быть когда-либо вознагражденными.

Вот мне и просится в душу должная мысль крестьянина: хорошо, пусть, кто побогаче, страдает; середняк—этот кое-как перебьется, ну, а что будет впоследствии с бедняком? Каждая налоговая кампания убила настолько крестьянина, что в текущем году было в нашей Верховской волости приблизительно три печальных приема: около 600 человек шло на 8-ми дневный арест.

Тут невольно просится мысль: неужели так будет дальше? Что же крестьянство обеднело настолько, или не сознательно? Есть среди них разные личности, есть и злоумышленники, но-большинство таких, которые, действительно, платить не в силах. Если государство наше, если мы и есть государство, говорят по деревням у нас, то обязательно нужно подойти к крестьянству и в будущем доказать, что настало время для рабочего возвращать то, что ему дано крестьянином.

Эту дань можно ввести в порядок вещей и давать ее тому, кто нуждается. Придется не только дать долгосрочную дань, придется, подобно комитетам взаимопомощи, ее оставить на местах мертвой, безвозвратной ссудой. Вот моя основная мысль.

Председательствующий. Заключительное слово предоставляется тов. Смилге.

Смилга. Товарищи, я сперва отвечу на речь говоривших здесь двух товарищей. Моя вина, что я в докладе упустил, не оговорил вопроса о долгосрочном кредите. Я превосходно понимаю, что крестьянин-бедняк с 3—4-месячным кредитом, далеко не уедет. Само собой разумеется, что кредит должен быть предоставлен ему не для того, чтобы он со своей лошадкой прощался, а чтобы он ею прочно владел на долгие годы, и на-ряду с лошадью приобрел еще корову и свинью; а для этого существует долгосрочный кредит, и поскольку мы этот кредит проводим в деревне через общественные организации самого крестьянства, через кооперативы, то, если речь идет о старательном крестьянине, о хорошем работнике, он сумеет получить, даже не имея никакого имущества за душой, поручительство от своих односельчан-крестьян, а это поручительство обеспечит ему получение кредита на долгий срок. Сельско-хозяйственный кредит является наиболее долгосрочным, и то, чего я в докладе не оговорил, вызвало справедливые опасения первого товарища, здесь говорившего.

На второй вопрос о том, что, не имея возможности собрать крестьянские паи в установленном размере, одно из московских товариществ допустило своеобразное толкование. По количеству выдаваемых ссуд должен взиматься пай. Дело новое, и ваш опыт является опытом ценным. Никакого преступления вы не совершили, а если ваш опыт

будет подтвержден рядом таких же фактов с мест, то нужно просто сказать, что 5 руб. много, и допускаются всякие рассрочки.

Второй говоривший здесь товарищ поставил очень важный и большой вопрос о том, что мы начинаем возвращать, начинаем платить по одному из векселей, выданных советским правительством крестьянству и подписанным вождем революции Лениным. Мы брали, мы отдаем и будем впредь отдавать. Товарищи, недавно принят декрет о том, что сельско-хозяйственные машины крестьянам будут отпускаться по довоенным ценам, при чем довоенный рубль будет считаться равным 1 червонному рублю, т.-е. фактически машины будут отпускаться крестьянам дешевле, чем в довоенное время. Убытки, которые отсюда вытекают для треста, будут погашены государством из своих средств.

Товарищества сельско-хозяйственного кредита, учреждение центрального сельско-хозяйственного банка—это тоже платежи. Я в своей речи сказал, что это только первые шаги. Мы будем расти и расти быстро, а это означает, что мы будем быстро преодолевать нищету, будем залечивать раны, нанесенные нам империалистской и гражданской войнами, навязанными нам российскими и иностранными помещиками и капиталистами. По мере того, как мы будем выходить из нищеты, само собой разумеется, и те обязательства, которые мы чувствуем по отношению к громадному большинству нашего населения, по отношению к творцам наибольшего количества хозяйственных благ нашей республики, нами будут погашаться. И чем дальше, тем больше. В свое время мы бухгалтерски сосчитаем—взято, примерно, столько-то, а отдано столько-то. Не об этом речь. Мы отдаем и отдаем гораздо больше. И это обязательство берем здесь на себя.

Наш хозяйственный строй должен перегнать довоенный и перегонит его сотни раз. Наша страна из страны отсталой, в свое время, будет страной передовой, ибо она дочиста во время революции смела те оковы, которые сковывали народное хозяйство России. Первый период революции всегда богат издержками; революция—довольно дорогое удовольствие. Но темп восстановления нашего хозяйства, темп восстановления, в частности, крестьянского хозяйства говорит о том, что мы восстанавливаемся так же быстро, как в свое время разрушались, а вы знаете, что восстанавливать труднее, чем разрушать. Если мы здесь имеем одинаковый темп, то это говорит за то, что революция разбудила в нашей стране такие силы, о которых старый порядок и старое государство не могли и мечтать.

Я имею целый ряд записок, из которых некоторые с конкретными вопросами о величине процентов. Я оговариваюсь, что не могу сейчас его назвать, но отвечу, что это будет самый низкий, какой государственный банк в настоящее время знает. На этот предмет имеется совершенно точная директива правительства.

Далее, относительно отделений и контор. Я указывал, что контор и отделений мы открывать не будем, а будем действовать через существующие организации. Будем ли мы организовывать о-ва с.-х. кредита, или их отделения в уездном масштабе? Я должен сказать, что мы этого не предполагаем, этой задачи себе не ставим, ибо сейчас

надо решить задачу до губерний, и я не знаю, нужны ли будут уездные общества при наличии местных кооперативных и кредитных организаций. Руководство этими учреждениями можно вполне легко осуществить и из губернских центров.

Далее, целый ряд вопросов конкретного свойства.—Будет ли дан кредит на скотоводство и т. д.? Конечно, кредит будет отпускаться на все нужды сельского хозяйства. Несколько записок чисто технического характера. Я с удовольствием дам товарищам подробный ответ или в печати, или в личной беседе на Кузнецком мосту, 9, в здании, в котором предположено поместить вновь учреждаемый банк. Я с удовольствием дам справки, которые хотят получить товарищи, и информацию о положении вещей и о ближайших задачах и характере работ банка.

Голос с места. На какой срок?

Смилга. Долгосрочный кредит на первых порах мы вынуждены ограничить из-за нехватки средств тремя годами.

Голос с места. Денежный или товарный?

Смилга. Денежный.

Председательствующий. Слово для предложения резолюции предоставляется тов. Володько.

Володько. По вопросу об учреждении центрального сельско-хозяйственного банка Президиум С'езда предлагает следующий проект постановления:

«2-й С'езд Советов Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**

В целях планомерного содействия восстановлению сельского хозяйства путем оказания ему кредитной помощи, а также в целях создания и возглавления системы сельско-хозяйственного кредита—учредить центральный сельско-хозяйственный банк Союза ССР.

Всесоюзный характер деятельности центрального с.-х. банка вытекает как из огромного значения сельско-хозяйственного кредита для всего Союза, так и необходимости решать вопросы сельско-хозяйственного кредита согласованно, в интересах всего Союза, учитывая в то же время и конкретные особенности сельского хозяйства каждой республики, области и губернии.

Деятельность центрального с.-х. банка будет наиболее успешной лишь при наличии полной согласованности операций банка с политикой правительств союзных республик в области сельско-хозяйственного кредита. Поэтому, центральный с.-х. банк должен проводить все свои операции, за исключением операций общесоюзного значения, через банки союзных республик и местные общества с.-х. кредита, не открывая собственных отделений, контор и т. п. В свою очередь республиканские банки должны согласовывать свои кредитные планы с центральным с.-х. банком.

Основной задачей всех учреждений сельско-хозяйственного кредита является обслуживание нужд крестьянского населения, путем предоставления ему наиболее дешевого, при настоящих условиях, кредита.

Первоначальный основной капитал банка определить в сорок миллионов рублей золотом.

Огромная и трудная задача организации сельско-хозяйственно-

го кредита может быть выполнена лишь при том условии, если усилия и средства советского правительства встретятся с мощной волной самодеятельности самого крестьянства. Только организация на всей территории Союза ССР широкой сети сельско-хозяйственных кредитных кооперативов и их союзов, а также низовых ячеек сельско-хозяйственной кооперации откроют доступ кредита к крестьянину. Только при дружной и совместной работе центральных и местных кредитных учреждений, при полном содействии органов власти в центре и на местах делу организации сельско - хозяйственного кредита возможно осуществление этой важнейшей задачи в деле восстановления крестьянского хозяйства.

2-й С'езд Советов Союза ССР поручает Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР утвердить устав центрального сельско-хозяйственного банка и принять все меры к скорейшему проведению в жизнь настоящего постановления».

Председатель. Имеются ли другие предложения? Других предложений нет. Разрешите поставить резолюцию на голосование. Кто за то, чтобы принять означенную резолюцию, прошу поднять мандаты. Кто против? Нет. Резолюция принимается единогласно.

Об'являю заседание закрытым.

Заседание шестое.

2 февраля 1924 г.

Червяков (председательствующий). Заседание об'являю открытым.

В порядке дня—доклад мандатной комиссии. Слово для доклада предоставляется тов. Кагановичу.

Каганович. Товарищи, мандатная комиссия утвердила всего 1.540 решающих мандатов и 584 совещательных. По отдельным республикам мы имеем следующие цифры: от РСФСР—77%, от Украины—16%, от Закавказской республики—5% и от Белорусской республики—2% (все цифры округлены).

По национальностям делегаты разделяются следующим образом (я буду приводить цифры только о решающих голосах): русских 61%, украинцев 12%, белоруссов 2%, тюркских народностей 7%, кавказских народностей 5%, евреев 7%, латышей и эстонцев 3% и проч. народностей 3%. По сравнению с прошлым С'ездом увеличилось количество украинцев на 1,2%, количество белоруссов на 1% и количество тюркских народностей на 1% за счет евреев, число которых уменьшилось, по сравнению с прошлым С'ездом, на 3%: было 10%, теперь 7%.

По партийности делегаты разделяются следующим образом: коммунистов 90%, других партий нет, беспартийных 10%. По сравнению с прошлым С'ездом, количество беспартийных увеличилось на 5%. Это показывает, что постепенно втягиваются беспартийные, при сохранении руководства и большинства за коммунистической партией.

По социальному положению делегаты разделяются следующим образом: рабочих 49% (увеличение против прошлого С'езда на 3½% за счет служащих и интеллигентов). Служащих 25%, крестьян 26% (столько же, сколько было на прошлом С'езде, при чем РСФСР дает наибольший %, а именно 29% крестьян).

Мужчин 97% и женщин 3%. По сравнению с прошлым С'ездом количество женщин увеличилось на 0,1%, что, конечно, надо признать очень малым шагом вперед.

Разделение по возрасту: главная группа делегатов в возрасте от 21 года до 40 лет подразделяется так: до 20 лет—5 делегатов, от 21 до 30—605, от 31 до 40—755, от 41 до 50 лет—145 и свыше 50 лет—24 де-

логата. Таким образом, по возрастному составу С'езд, так сказать, во цвете лет.

Кем делегированы делегаты? С'ездами советов делегировано 96%, городскими советами 2%, исполкомами 1% и отдельными частями армии 1%.

Эти цифры показывают, что по сравнению с прошлым годом увеличено количество делегатов от с'ездов советов на 5%, иначе говоря, советская власть еще более укрепилась, более нормально функционирует. Представительство от исполкомов дает гораздо меньшее количество, чем раньше. От армии цифры не показательны, потому что делегаты армии выбирались вместе с другими на с'ездах советов и отдельно только там, где по военным условиям не выбирались вместе со всем населением.

От исполкомов выбраны делегаты только от Камчатской, Забайкальской и Амурской губерний.

Число делегатов с решающими голосами, участвовавших на 1-м С'езде Союза ССР (цифры эти очень показательны) и участвующих на втором,—составляет всего 27%, остальные 73% обновленных делегатов.

Вот те основные данные, которые мы имеем. Я не буду подробно останавливаться на политических выводах, которые можно было бы сделать из этих цифр, свидетельствующих об укреплении советской власти. Так, если вы возьмете, например, цифры о социальном составе, то вы увидите, что несмотря на 3 года НЭП'а, гегемония пролетариата сохранена полностью. Это показывает цифровой состав с'езда так же, как и партийный его состав.

Председательствующий. Имеются ли какие-либо вопросы? Нет. Имеется предложение доклад мандатной комиссии утвердить. Других предложений нет? Разрешите голосовать. Кто за то, чтобы доклад мандатной комиссии утвердить, прошу поднять мандаты. Кто против? Таких нет. Кто воздержался? Нет. Доклад утвержден.

Слово для доклада о работе комиссии по докладу наркомфина предоставляется тов. Владимирову.

Владимиров. Комиссией единогласно принята следующая резолюция:

«Заслушав доклад наркомфина Союза ССР, 2-й С'езд Советов Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

I.

1. Ввиду того, что финансовое положение Союза ССР находится сейчас более, чем когда бы то ни было, в исключительной зависимости от роста и укрепления народного хозяйства Союза,—признать возможным и необходимым всеми средствами финансовой политики способствовать максимально быстрому развитию производительных сил и оживлению товарооборота страны.

2. Такими средствами финансовой политики являются: денежная реформа, дальнейшая реформа налогового дела, реальный государ-

ственный и местный бюджет и посильность их для нынешнего состояния народного хозяйства, а также резкое увеличение доходов неналогового характера.

3. Дальнейшая налоговая реформа, связанная с количественным уменьшением, но качественным улучшением налогов и налогового аппарата, должна быть построена: а) на всемерном развитии подоходно-поимущественного налога и полном выявлении его классового значения, как регулятора накопления; б) на реорганизации единого сельско-хозяйственного налога на началах, указанных в настоящем постановлении; в) на сокращении числа местных налогов; г) на постепенно проводимой дифференциации акцизных ставок, применительно к качеству, дороговизне и продажной цене подакцизных продуктов; д) на улучшении исчисления прямых налогов, и е) на усилении обложения непроизводительного потребления.

II.

4. Придавая особенно важное значение подоходно-поимущественному налогу, С'езд поручает наркомфину Союза ССР на ближайшей сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР сделать доклад о последней кампании по проведению этого налога и представить проект необходимых поправок и изменений к закону о подоходно-поимущественном налоге.

III.

5. Опыт последней кампании по проведению единого сельско-хозяйственного налога и анализ его результатов говорят о необходимости реорганизовать единый сельско-хозяйственный налог на следующих основаниях:

а) налог должен быть прогрессивным, с максимальным приближением его к подоходному и с освобождением от него бедноты;

б) налог должен исчисляться в золотых рублях, а не в натуральных единицах;

в) крестьянское прямое обложение как государственное, так и губернско-волостное (районное), в 1924—25 году должно быть организовано, как единое, в смысле одновременности установления окладов и одного окладного листа;

г) ставки налогов должны быть установлены не общие для всего Союза, а различные для разных районов, применительно к их экономической мощности, типам крестьянского хозяйства, обеспеченности районов путями сообщения, наличию рынка сбыта и т. д.;

д) налог должен быть построен, как налог на совокупность доходов крестьянского хозяйства, а не только с земледелия, как это имеет место сейчас.

6. В этих целях поручить наркомфину немедленно приступить к разработке конкретного проекта декрета об едином сельско-хозяйственном налоге на 1924—25 год, представив его на утверждение Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

Для того, чтобы налоговая система соответствовала разнородности крестьянского хозяйства отдельных районов, поручить Президиуму

Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР в кратчайший срок рассмотреть вопрос относительно возможности изменения в 1924—25 году системы обложения, внеся его на утверждение Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

IV.

7. В области государственного и местного бюджета необходимо добиваться сведения их к таким размерам, которые обеспечивали бы полную реальность их исполнения и одновременно не задерживали бы восстановления народного хозяйства, крайне остро нуждающегося в накоплении капиталов.

С'езд поручает Совнаркому Союза ССР и совнаркомам союзных республик продолжать борьбу по разгрузке государственного и местных бюджетов от всяких расходов, не имеющих значения первоочередной необходимости, а также расходов, вытекающих из неправильной и неэкономной постановки работы отдельных учреждений и предприятий.

V.

8. В области увеличения доходов неналогового характера необходимо обратить самое серьезное внимание на максимально быстрый учет доходных возможностей республик, в целях их всемерного использования; в частности, признать самой ударной областью работы в этом направлении возможно более быструю и правильную постановку лесного хозяйства, а также самое срочное рассмотрение балансов 1922—23 годов всех промышленных, торговых и сельско-хозяйственных предприятий, переведенных на начала коммерческого расчета, как в целях извлечения определенной части прибыли этих предприятий в доход общегосударственного или местного бюджета.

VI.

9. С'езд считает, что выясняющееся на основе проекта наркомфина увеличение государственного бюджета на 1924—25 год, в сравнении с истекшим годом, является предельным и даст даже несколько больший рост, чем предполагаемое увеличение общественной продукции. Поэтому С'езд предлагает Совнаркому и Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР принять к категорическому руководству и исполнению утвержденное III сессией ЦИК Союза ССР положение, согласно которому часть бюджетного дефицита, которая не может быть покрыта нормальными налогово-доходными поступлениями и кредитными операциями, не может превышать в текущем бюджетном году 180.000.000 рублей, или 15.000.000 рублей в месяц.

С'езд поручает наркомфину Союза ССР продолжать свою работу по точному разграничению и установлению бюджетных прав Союза и отдельных союзных республик, внеся соответствующий проект на следующую сессию Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

Одновременно С'ездом поручается Президиуму Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР создать специальную комиссию

по рассмотрению вопроса о бюджетных правах Союза и республик и поручает наркомфину предварительно внести свои проекты на рассмотрение комиссии ЦИК Союза ССР.

С'езд поручает Совнаркому Союза ССР в срочном порядке приступить к рассмотрению бюджета и представить таковой на утверждение Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

VII.

10. В отношении местного бюджета С'езд считает необходимым:

а) Более интенсивное использование всех неналоговых доходов от всех имуществ и предприятий, что имеет не только фискальное, но и огромное организующее хозяйственное значение, ибо эта работа местных советов и исполкомов должна сыграть роль важнейшего отправного пункта в деле оздоровления всей нашей системы хозяйства по отношению к тем предприятиям и имуществам, которые принадлежат советской власти.

б) В этих целях ускорить разграничение имуществ общесоюзного, республиканского и местного значения, на основе постановления III сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и закона об имущественных правах местных советов. Работа по разграничению имуществ между отдельными бюджетными единицами должна быть закончена не позже 1 апреля 1924 года.

Одновременно в законодательном порядке должен быть урегулирован вопрос по организации в доходной части местных бюджетов, нарушаемый несвоевременным внесением общесоюзными, республиканскими и местными торговыми и промышленными предприятиями и заведениями установленных в пользу местных бюджетов отчислений и надбавок.

в) В целях устранения резкой неравномерности в уровне удовлетворения насущных нужд местного населения различных районов, и особенно окраин,—углубить начатую наркомфином работу по пересмотру системы налогово-доходных отчислений местам, на основе учета совнаркомами союзных республик культурно - экономических особенностей, мощности местных бюджетов отдельных губерний, автономных областей и республик; поручить Президиуму Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР обсудить и подготовить к ближайшей сессии ЦИК'а Союза ССР вопрос о практических мероприятиях по улучшению материального положения отдельных республик.

VIII.

11. Важнейшей очередной хозяйственной задачей С'езд Советов считает упорядочение денежного обращения, для чего необходимо в кратчайший срок закончить денежную реформу, правильно начатую введением червонца, взамен падающего денежного знака, и ввести в обращение устойчивые казначейские билеты.

С'езд предлагает Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР принять все необходимые меры к возможно более безболезненному проведению важнейшего для Союза дела денежной реформы и

обязывает все государственные учреждения и предприятия оказывать наркомфину максимальное содействие в этом деле.

IX.

12. На-ряду с проведением денежной реформы С'езд поручает наркомфину принять все необходимые меры к дальнейшему развитию и укреплению существующей сети кредитных учреждений, к возможно более быстрому удешевлению кредита, а также внимательно наблюдать за тем, чтобы политика кредитных учреждений всемерно способствовала бы установлению более правильного и нормального соотношения между ценами на сельско-хозяйственные и промышленные товары и была бы связана с обще-хозяйственным планом Союза.

X.

13. Все эти мероприятия финансового характера должны способствовать внесению в народное хозяйство Союза ССР необходимых элементов устойчивого и планомерного развития и могут оказать особенно крупное, продолжительное влияние на расширение товарооборота страны и дальнейшее развитие товарности сельского хозяйства.

Но одновременно С'езд подчеркивает, что для того, чтобы эти мероприятия дали весь необходимый, положительный народно-хозяйственный результат, необходимо, вместе с тем, принять самые энергичные, решительные меры в отношении оздоровления постановки дела во всех государственных, торговых, промышленных и сельско-хозяйственных предприятиях, в смысле понижения издержек производства и высоких накладных расходов как промышленности, так и торговли в особенности при заготовке хлеба и в смысле установления правильного и необходимого соотношения цен на промышленные и сельско-хозяйственные продукты.

14. С'езд предлагает Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров Союза ССР обратить исключительное внимание на возможно более быстрое и положительное решение этих вопросов, которые, совместно с финансовыми мероприятиями, одобряемыми С'ездом, могут и должны оказать громаднейшее влияние на восстановление всего народного хозяйства Союза, на улучшение материального положения десятков миллионов рабочих и крестьян и еще более укрепят в обстановке ослабевающего буржуазного мира советское рабоче-крестьянское государство».

Владимиров. Относительно пункта IV я должен оговориться: представители отдельных республик настаивали на том, чтобы С'езд Советов принял гораздо более подробное постановление, касающееся этих республик, точно фиксирующее, какую группу расходов необходимо передать на государственный бюджет.

Комиссия единогласно нашла невозможным загромождать резолюцию С'езда такими отдельными и детальными практическими вопросами, считая, что этот вопрос будет стоять в порядке дня ближайшей сессии ЦИК'а, которая сможет принять гораздо более продуманное решение по этому вопросу.

Калинин (председатель). Есть желающие высказаться по резолюции, оглашенной тов. Владимировым? Нет. Имеются ли какие-либо предложения? Нет. Слово имеет тов. Наговицын для вопроса.

Наговицын. Там, где говорится о материальной помощи республикам, было сказано и принято в комиссии—«республикам и областям». Здесь тов. Владимиров этого не прочел.

Владимиров. Возражений нет, чтобы вставить «республикам и областям».

Председатель. Таким образом, поправка тов. Наговицына принимается.

Разрешите проголосовать резолюцию в целом. Кто за нее, прошу поднять руки. Принимается единогласно. Слово имеет тов. Литвинов для сообщения.

Литвинов. Товарищи! Союзное правительство получило сегодня весьма важное сообщение, которое оно считает нужным немедленно довести до сведения Союзного С'езда Советов, верховного органа Союза.

Английский представитель в Москве, гражданин Ходжсон, только что был в наркоминделе и официально известил меня о признании английским правительством де-юре правительства Союзных Советских Республик. (Аплодисменты.) Нота, врученная гр. Ходжсоном, гласит следующее:

«Сэр! Согласно инструкциям, полученным мною от статс-секретаря по иностранным делам, я имею честь передать вам следующее сообщение правительства его величества:

1) По поручению моего правительства, имею честь известить ваше превосходительство, что оно признает Союз Советских Социалистических Республик в качестве правителей де-юре тех территорий бывшей Российской Империи, которые признают его власть.

2) Однако, для создания нормальных условий, полных дружественных отношений и полных коммерческих взаимоотношений, необходимо будет заключить определенное практическое соглашение по ряду вопросов, из которых одни не имеют непосредственного отношения к вопросу о признании, а другие, наоборот, тесно связаны с фактом признания.

3) К последней категории может быть отнесен вопрос о существующих договорах. Правительство его величества осведомлено, что, согласно признанным принципам международного права, признание Советского правительства России автоматически вводит в действие все договоры, заключенные между обеими странами до российской революции, за исключением тех, которым истек формально срок. Выгода обеих сторон требует, очевидно, того, чтобы одновременно с признанием было урегулировано отношение к этим договорам.

4) Технически несвязанным с признанием, но явно имеющим величайшее значение, является вопрос об урегулировании существующих претензий правительства и подданных одной стороны к другой, а также о восстановлении кредита России.

5) Также очевидно, что настоящие дружественные отношения не могут считаться окончательно установленными, пока одна сторона имеет

основание подозревать другую сторону в ведении пропаганды против ее интересов и направленной к ниспровержению ее учреждений.

6) Ввиду изложенного, правительство его величества приглашает российское правительство прислать в Лондон в самом непродолжительном времени представителей, снабженных полномочиями, для обсуждения вышеуказанных вопросов и для выработки предварительной основы окончательного договора, для улажения всех спорных между обеими сторонами вопросов.

7) Тем временем, я, впредь до назначения посла, получил назначение поверенного в делах. Считаю своей обязанностью заявить, что правительство его величества желало бы также принять российского поверенного в делах, представляющего советское правительство при дворе Сен-Джемса.

Пользуюсь случаем для возобновления выражения моего высокого уважения и привета. **Р. М. Ходжсон».**

Признавая большое политическое значение только что сделанного вам сообщения, Союзное правительство предлагает С'езду принять следующее постановление:

«Заслушав сообщение о последовавшем полном признании де-юре Союза Советских Социалистических Республик со стороны Великобритании и об установлении между этими двумя государствами нормальных дипломатических сношений в полном об'еме, 2-й С'езд Советов Союза Советских Социалистических Республик с удовлетворением констатирует, что этот исторический шаг явился одним из первых актов первого правительства Англии, выдвинутого рабочим классом.

Рабоче-крестьянское правительство Союза Советских Социалистических Республик, вышедшее из великой революции, поставило своей первейшей задачей борьбу за мир и упорно добивалось во все время своего существования восстановления нормальных связей со всеми народами. К сожалению, ни одно из предшествующих британских правительств не пошло навстречу стремлениям правительства Союза Советских Социалистических Республик. Более того, еще в мае прошлого года Союз Советских Социалистических Республик был поставлен английской дипломатией перед фактом ультиматума, который грозил сорвать начавшиеся торговые отношения и создавал прямую опасность нарушения мира в Европе.

Рабочий класс Англии являлся в продолжении всего этого времени верным союзником трудящихся масс Союза Советских Социалистических Республик в их борьбе за мир. Народы Союза Советских Социалистических Республик помнят усилия трудящихся масс Англии и передовой части английского общества, направленные к прекращению бойкота, блокады и вооруженной интервенции. Они отдают себе отчет в том, что последовавшее признание явилось результатом настойчивой воли английского народа, единодушно требовавшего политического признания советского правительства, как необходимого условия для упрочения всеобщего мира, восстановления разрушенного империалистической войной мирового хозяйства и, в частности, для успешной борьбы с промышленным застоем и безработицей в самой Англии.

Результатом соединенных усилий миролюбивой политики совет-

ского правительства, под руководством В. И. Ленина, и громко выраженной упорной воли английского народа, явилось, наконец, установление нормальных отношений между двумя странами в форме, достойной великих народов обеих стран и закладывающей фундамент для их дружественного сотрудничества.

В напряженной атмосфере современных международных отношений, чреватых опасностями новых мировых столкновений и держащих в законной тревоге трудящееся население всех стран, этот шаг английского рабочего правительства приобретает особо выдающееся значение.

2-й С'езд Советов Союза Советских Социалистических Республик заявляет, что сотрудничество народов Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик неизменно останется одной из первых забот Союзного советского правительства, которое, в согласии со всей своей предыдущей политикой мира, употребит все усилия к разрешению всех спорных вопросов и недоразумений и к развитию и упрочению экономических связей, столь необходимых для хозяйственного и политического преуспеяния народов обеих стран и всего мира.

2-й С'езд Советов Союза Советских Социалистических Республик протягивает дружественную братскую руку английскому народу и поручает Союзному правительству принять перед английским правительством все необходимые и вытекающие из факта признания советского правительства шаги».

Председатель. Товарищи, есть ли желающие высказаться по предложению правительства?

Голоса с мест. Принять!

Председатель. Раздаются голоса — принять без прений. Нет возражений? Голосую. Кто за принятие этого предложения, тех прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Таковых нет. Предложение принимается единогласно.

Литвинов. По просьбе нашего полномочного представителя в Англии, тов. Раковского, я передаю вам следующую его телеграмму:

«Прошу передать от меня, как от члена Президиума Союзного ЦИК'а, следующее приветствие членам С'езда.

Стойкая борьба рабочих и крестьян советских республик, мирная политика Союзного правительства привели к желанной цели. Рабочее правительство Англии, в начале своего существования, являясь выразителем общего настроения английского народа, признало за рабоче-крестьянским Союзом Советских Республик его законное право на политическое равенство. Еще раз весь мир получает блестящее доказательство, как продолжается и укрепляется дело дорогого Ильича. Да здравствует Союз Совреспублик! Да здравствует братство народов!

Раковский».

Голоса с мест. Ответить Раковскому!

Калинин. Товарищи, принятое здесь нами постановление и является ответом на извещение Раковского. **(Голоса:** Правильно). Что же касается частной телеграммы, то наркоминдел и ответит.

Слово имеет делегат Серпуховской мануфактуры тов. Оськин, желающий вручить С'езду вытканный на полотне портрет Владимира Ильича. (Аплодисменты).

Оськин. Товарищи, сегодня вы заканчиваете свою работу на С'езде Союза Советских Республик. Жаль, конечно, что не пришлось нам преподнести портрет еще при начале работ С'езда. Но лучше поздно, чем никогда. Мы 31 числа, на общем собрании рабочих решили преподнести 2-му Всесоюзному С'езду портрет, выработанный на полотне, от имени 22 тысяч рабочих гор. Серпухова. Я говорю нашему С'езду, чтобы он хранил заветы Ильича. (Аплодисменты).

Выработан портрет тов. Терешиным, работающим 40 лет на данной фабрике. В настоящее время ему 70 лет.

Калинин. Слово имеет т. Терешин.

(Бурные аплодисменты. С'езд стоя приветствует тов. Терешина).

Терешин. Товарищи, доволен я остаюсь приветом вашим. Но я добавить хочу—от 4 тысяч рабочих нашей фабрики прислан этот портрет.

Вырабатывался он мастерами, дилектором, и большие обязанности были на мне. Считаюсь я на нашей фабрике героем труда. Много труда положил я на этот портрет.

Смотрите на него, и вы, молодежь, и вы, пожилые, и поддерживайте друг друга, как я поддержал мастеров и дилектора.

Еще, товарищи, вопрос, — кому сдать мне этот портрет? Вы назначьте, кому принять, и примите его.

Голоса. Михаилу Ивановичу Калинину.

Терешин. Доволен. И мы желали, чтобы Калинину принять. (Аплодисменты.)

Председатель. Товарищи, разрешите от имени 2-го Союзного С'езда Советов благодарить рабочих Серпуховской мануфактуры за то искусство в области профессиональной работы и ту любовь, которую они проявили к вождю мирового пролетариата (Аплодисменты).

Переходим к порядку дня—образованию ЦИК'а Союза, выборам Союзного Совета и утверждению Совета Национальностей.

Слово для оглашения имеет тов. Енукидзе.

Енукидзе. В заключение работ 2-му С'езду Советов Союза ССР предстоит образование ЦИК'а, т.-е. того верховного органа, который будет заменять С'езд до следующего 3-го С'езда Советов Союза.

Согласно Основного Закона Союза, ЦИК образуется из двух частей — Союзного Совета и Совета Национальностей. Ст. 14 Конституции говорит, что Союзный Совет избирается С'ездом Советов пропорционально населению союзных республик. Союзный Совет это та палата, которая является классовым представительством ЦИК'а.

В Союзный Совет, согласно утвержденного вами Основного Закона, входит 414 членов.

Специальная комиссия, составленная из представителей союзных республик, распределила эти 414 мест пропорционально населению каждой союзной республики и, таким образом, составила список членов Союзного Совета.

В основание списка был принят, главным образом, мотив представительства всех районов Союза ССР, всех союзных республик, всех автономных республик и автономных областей, а также губерний, вхо-

дящих в Союз. Таким образом, Союзный Совет является органом, несомненно, наиболее совершенным в отношении полноты представительства, так как в нем представлены все местности нашего обширного Союза.

Союзному Совету предстоит совершить большую законодательную работу, на-ряду с Советом Национальностей, который также, согласно Конституции, должен быть утвержден вами.

Разрешите перейти к поименному оглашению состава Союзного Совета. Я должен упомянуть, что, кроме пропорционального представительства от союзных республик, в этот список входит группа в 20 человек, которые по работе и по функциям, возложенным на них в различных органах советской власти, выполняют общесоюзные должности, и поэтому эта группа выделена особо.

Я читаю в алфавитном порядке.

1. Аболин, А. К.
2. Аванесов, В. А.
3. Авдеев, И. А.
4. Аггеев, С. Н.
5. Адамович, И. А.
6. Айтаков, Н.
7. Акулов, И. А.
8. Алексюк.
9. Амбарцумян.
10. Аммосов, А. М.
11. Андреев, А. А.
12. ~~Анохин, А. В.~~
13. Антипов, Н. К.
14. Антошкин, Д. В.
15. Анцелович, Н. М.
16. Артюхина, А. В.
17. Архипчеев, Н. С.
18. Асаткин, А. Н.
19. Ахмин, М. Н.
20. Багиров, Д.
21. Бадаев, А. Е.
22. Бажанов, И. М.
23. Бакаев, И. П.
24. Балицкий, В.
25. Банников, А. Н.
26. Бархатов.
27. Безденежный.
28. Бекау.
29. Беленький, Г. Я.
30. Белобородов, А. Г.
31. Белова.
32. Белолипецкий, И. В.
33. Беляев, А. Н.
34. Березин, Д. Е.
35. Бирн, И. Г.
36. Богданов, П. А.
37. Богданов, П. П.
38. Богданов, П. А.
39. Богуцкий, В. А.
40. Болдырев, М. Ф.
41. Большаков, В. М.
42. Борчалишов, А. Л.
43. Брюханов, Н. П.
44. Бубнов, А. С.
45. Буденный, С. М.
46. Булат, И. Л.
47. Бурлаков, А. А.
48. Бухарин, Н. И.
49. Быкин, Я. Б.
50. Варейкис, И. М.
51. Васендин, А. Н.
52. Вейцер, И. Я.
53. Ветошкин, М. К.
54. Викман, П. М.
55. Владимиров, М. К.
56. Владимирский, М. Ф.
57. Володько, П. И.
58. Войт, Н. А.
59. Воробьев, М. А.
60. Ворошилов, К. Е.
61. Гаврилов, И. А.
62. Гайцан, Н. И.
63. Галанин, П. А.
64. Галеев, М.
65. Гамарник, Я.
66. Гамбаров, А. Г.
67. Гегечкори, А. А.
68. Гей, К. В.
69. Глебов-Авилов, Н. П.
70. Голощекин, Ф. И.
71. Гольдич, Л. Е.
72. Гольцман, А. З.

73. Гончаров, А. Я.
74. Гопнер, С. И.
75. Гордеев, Ф. Г.
76. Грансберг, Х. Д.
77. Громов - Мамонов, И. В.
78. Грунель, В. И.
79. Грибов.
80. Гузаков, И. В.
81. Гулый, К. М.
82. Гуревич, М. Г.
83. Гусейнов, М. Д.
84. Давыдов.
85. Дедов, Ф. В.
86. Демаков, Д.
87. Демченко, Н. И.
88. Дербышев, Н. И.
89. Джатиев, А. М.
90. Дзержинский, Ф. Э.
91. Димитриенко, В. И.
92. Добровольский, В. В.
93. Догадов, А. И.
94. Еврошнов, Н. Н.
95. Егоров, А. И.
96. Елисеев, П. А.
97. Енукидзе, А. С.
98. Ерасов, И. П.
99. Ермощенко, В. И.
100. Ефанов, В. А.
101. Желтов, И. И.
102. Жидко.
103. Зайцев, И. Г.
104. Залуцкий, П. А.
105. Затонский, В. П.
106. Захаров, С. С.
107. Зеленский, И. А.
108. Зиновьев, Г. Е.
109. Зозуля.
110. Зорин.
111. Зорин, С. С.
112. Зоф, В. И.
113. Иванкович, И. Д.
114. Иванов, А. В.
115. Иванов, В. И.
116. Иванов, В. И.
117. Иванов, И. И.
118. Иванов, И. С.
119. Иванов, Н. И.
120. Иванов, Н. Ф.
121. Ивлиев, К. В.
122. Извеков, С. И.
123. Икрянистова, М. Ф.
124. Ильин, Н. И.
125. Ионов.
126. Ионов, Н. И.
127. Иоффе, А. А.
128. Исламов, Р.
129. Ищенко, А. Г.
130. Кабаков, И. Д.
131. Кабанов, Г. И.
132. Каганович, Л. М.
133. Каганович, М. М.
134. Калинин, М. И.
135. Калмыков, Б. Э.
136. Калнин, А. Я.
137. Каменев, Л. Б.
138. Каменев, С. С.
139. Карклин, М. М.
140. Картвелишвили.
141. Картышев, А. Т.
142. Кахиани, М. И.
143. Каширин, И. Д.
144. Квиринг, Э. И.
145. Кин, П. А.
146. Киркиж, К. О.
147. Киров, С. М.
148. Киселев, А. С.
149. Клименко, И. Е.
150. Климович, Ф. В.
151. Климохин, С. К.
152. Козлов, Н. К.
153. Колотилов, Н. Н.
154. Комаров, Н. П.
155. Комиссаров, Н. Г.
156. Коп, Ф. Я.
157. Кононов, Ф. Д.
158. Конушкин, И. М.
159. Корнчев, С. А.
160. Коркмасов, Д. Е.
161. Корнев, В. С.
162. Корнюшин, Ф. Д.
163. Коростелев, А. А.
164. Коростелев, Г. А.
165. Коротков, И. И.
166. Коротков, М. А.
167. Косило, И. П.
168. Коснор, В. В.
169. Коснор, О. В.
170. Котов, С.

171. Красин, Л. Б.
172. Кремницкий, Ф. И.
173. Крестинский, Н. Н.
174. Кржижановский, Г. М.
175. Кривошеев, Е. П.
176. Криницкий, А. И.
177. Кроль, С. Я.
178. Крутов, Н. Н.
179. Крылов, С. Н.
180. Крючков, Ф.
181. Кубяк, Н. А.
182. Кудрявцев, А. Н.
183. Кузнецов, С. М.
184. Кузнецов, Ф. Н.
185. Куйбышев, В. В.
186. Куликов, Н. И.
187. Кулумбетов, У. Д.
188. Курдадзе, В. Е.
189. Курджиев, К. А.
190. Курочкин, П. С.
191. Курский, Д. И.
192. Курулов, Г.
193. Курц, В. А.
194. Кутузов, И. И.
195. Кушаев, Х. К.
196. Лакоба, Н. А.
197. Ларин, Я. Е.
198. Лашевич, М. М.
199. Лебедев, В. П.
200. Лебедев, Н. И.
201. Лебедь, Д. З.
202. Лепсе, И. И.
203. Лизарев, Ф. С.
204. Литвинов, М. М.
205. Лобачев, И. С.
206. Лобов, С. С.
207. Лозовский, С. А.
208. Локацков, Ф. И.
209. Ломинадзе, В. В.
210. Лукашин, С. Л.
211. Луковский, С. Ф.
212. Луначарский, А. В.
213. Лутовинов, Ю. Х.
214. Любимов, И. Е.
215. Лютин, А. В.
216. Лычев, И. А.
217. Магера, Ф.
218. Магидов, Б. И.
219. Майоров, М. М.
220. Максименко.
221. Максимов, К. Г.
222. Малокович, И. Д.
223. Мальцев, Н. И.
224. Малышев, С. В.
225. Мамедханов, М.
226. Мамсуров, С. Д.
227. Мамулия, С. А.
228. Манжара, Д. И.
229. Мануильский, Д. З.
230. Маркон, Е. О.
231. Мартикьян.
232. Мартынов, И. Д.
233. Марьясов, И. И.
234. Махалин, А. Н.
235. Медведев, А. В.
236. Медне, Э. М.
237. Мельников, В. М.
238. Мельничанский, Г. Н.
239. Мендешев, С. Г.
240. Микоян, А. И.
241. Миньков, М. И.
242. Мирзоян, Л. И.
243. Михайлов, В. М.
244. Михайлов, К. П.
245. Михеев, И. И.
246. Михненко, Д. А.
247. Моисеев, И. И.
248. Молотов, В. М.
249. Морозов, И. М.
250. Морозов, И. Т.
251. Мратов.
252. Муралов, А. И.
253. Мусатбеков, Г.
254. Мухтаров, К. Г.
255. Мясникьян, А. Ф.
256. Наговицын, И. А.
257. Назаретян, А. М.
258. Назаров, К. Н.
259. Нанейшвили, В. И.
260. Нариманов, Н. Н.
261. Наумов, И. К.
262. Недавецкий, Ф. Т.
263. Нейбах, И. Н.
264. Николаева, К. И.
265. Новиков, Н. Ф.
266. Ногин, В. П.
267. Ножова.
268. Огнев, Д. В.

269. Ойунский, П. А.
270. Окуджава, М.
271. Орахелашвили, М. Д.
272. Орджоникидзе, Г. К.
273. Осьмов, Н. М.
274. Отдельнов, Е. Н.
275. Павлов, А. П.
276. Павлов, В. Н.
277. Патрикеев, Н. Н.
278. Пахомов, Н. Н.
279. Петровский, Г. И.
280. Плешаков, М.
281. Позерн, Б. П.
282. Покровский, М. Н.
283. Полуэктов.
284. Полуян, Я. В.
285. Поляков, В. В.
286. Пономарев, С. В.
287. Попов, Н. Н.
288. Правдин, Н. Г.
289. Приходько, А. Т.
290. Прядченко, Г. К.
291. Пятаков, Г. Л.
292. Радек, К.
293. Радченко, А. Ф.
294. Разумов, М. И.
295. Раковский, Х. Г.
296. Радьков, А. К.
297. Рахимбаев, А. Р.
298. Рейхель, М. О.
299. Ремейко, А. Г.
300. Рогов, В. И.
301. Рудый, Ю. В.
302. Румянцев, И. П.
303. Рухимович, М. Л.
304. Рыков, А. И.
305. Садовский, А. Д.
306. Саид-Галиев, С. Г.
307. Самойлов, А. М.
308. Самохвалов, А. С.
309. Самсонов, А. К.
310. Самурский, Н.
311. Сапронов, Т. В.
312. Сафаров, Г. И.
313. Сахарова, П. Ф.
314. Свистун, П. И.
315. Севастьянов.
316. Седов, М. И.
317. Сейфулин, С.
318. Семашко, Н. А.
319. Семенов, В. Н.
320. Семцов, М. К.
321. Сенюшкин, Ф. М.
322. Сербиченко, А. К.
323. Сергеев, А. И.
324. Сергеев, Ф. С.
325. Серебровский, А. П.
326. Серебряков, Л. П.
327. Славинский, А. С.
328. Смидович, П. Г.
329. Смидович, С. Н.
330. Смилга, И. Т.
331. Смирнов, А. Г.
332. Смирнов, А. П.
333. Смирнов, И. Н.
334. Смирнов, М. Н.
335. Смолянский, Л. Б.
336. Смородин, П. И.
337. Соколов, М. Ф.
338. Сокольников, Г. Я.
339. Сорвачев, В. Н.
340. Сталин, И. В.
341. Стеклов, Ю. М.
342. Степанов, С. И.
343. Стриевский, К. К.
344. Строганов, В. А.
345. Сулимов, Д. Е.
346. Тараненко.
347. Тарасов, Е. П.
348. Теплов, Н. П.
349. Тер-Габриелян, С. М.
350. Тер-Егиазарьянц, М. А.
351. Терихов, С. П.
352. Ткачук.
353. Толмачев, В. Н.
354. Толоконцев, А. Ф.
355. Томский, М. П.
356. Троцкий, Л. Д.
357. Тухачевский, М. Н.
358. Ульянова, Н. К.
359. Уншлихт, И. С.
360. Уханов, Ф.
361. Федоров, П. Я.
362. Федотов, К. Я.
363. Фейгин, Г. М.
364. Фигатнер, Ю. П.
365. Фирато.
366. Фомин, М. Г.

367. Хакурате, Ш. Г.
368. Ханбудагов. Э. Ш.
369. Харитонов, М. М.
370. Хатаевич, М. М.
371. Хильченко. Е. Н.
372. Химшиев, Т.
373. Хинчук. Л. М.
374. Ходжанов, С.
375. Ходош. Ш. Ш.
376. Хорин.
377. Христич.
378. Цветков, Н. Г.
379. Цихон, А. М.
380. Цюрупа, А. Д.
381. Ципорович, Г. В.
382. Чаплин, Н. П.
383. Чанчаев. А. Ч.
384. Чеботарева, Т. Л.
385. Червяков, А. Г.
386. Чернов, М. А.
387. Чернокозов. Х. Н.
388. Черноусенко.
389. Чернядьев, Н. С.
390. Чичерин, Г. В.
391. Чубарь, В. Я.
392. Чудов. М. С.
393. Шахгалдян, А. О.
394. Шварц, И. И.
395. Шеринк, Н. М.
396. Шевков, А. Д.
397. Шелехес, И. С.
398. Шихалиев, Н. Н.
399. Шишкин, Я. А.
400. Шкадинов, Н. Н.
401. Шлихтер, А. Г.
402. Шляпников. А. Г.
403. Шмидт. В. В.
404. Шотман, А. В.
405. Шумилов.
406. Шумский, О. Я.
407. Эйдеман, Р. П.
408. Эльдарханов, Т. Э.
409. Юзефович, И. С.
410. Яглом, Я. К.
411. Якир, И. Э.
412. Яковенко, В. Г.
413. Якубов, Д.
414. Ярославский, Е.

Председатель. Есть ли желающие высказаться по списку? Нет Разрешите голосовать. Кто за принятие этого списка в целом? (Аплодисменты). Принимается.

Енукидзе. Теперь разрешите огласить список кандидатов Центрального Исполнительного Комитета:

1. Довгалевский, В. С.
2. Калманович. М. О.
3. Лежава, А. М.
4. Винокуров, А. Н.
5. Фрумкин, М. И.
6. Склянский, Э. М.
7. Крыленко. Н. В.
8. Муранов, М. К.
9. Скворцов, И. И.
10. Шейнман, А. Л.
11. Сольц, А. А.
12. Кришов, Т. С.
13. Халатов, А. Б.
14. Карахан, Л. М.
15. Кун Бела.
16. Чуцкаев, С. Е.
17. Янсон, Н. М.
18. Шкирятов, М. Ф.
19. Осинский, В. В.
20. Преображенский, Е. А.
21. Ломов, Г. И.
22. Муралов, Н. И.
23. Яковлева, В. Н.
24. Посок-Турский. Д. А.
25. Иванов, Ф. Т.
26. Теодорович, И. А.
27. Косарев, В. М.
28. Сырцов, С. И.
29. Подчуфарова, Е. Н.
30. Ларин, М. А.
31. Медведев, С. П.
32. Невский. В. И.
33. Бокий, Г. И.
34. Стучка, П. И.
35. Свидерский. А. И.
36. Коснор. Н. В.

37. Еременко.
38. Немцов, Н. М.
39. Красиков, П. А.
40. Майорова, В. А.
41. Тормасова, А. Г.
42. Минин, С. К.
43. Бройдо, Г. И.
44. Васютин, В. Ф.
45. Лидов, М. Н.
46. Каминский, Г. Н.
47. Цейтлин, М. А.
48. Забара, Ф. И.
49. Емшанов, А. И.
50. Полуян, Я. В.
51. Рудкий, Я. Т.
52. Кучменко, Н. О.
53. Игнатов, Е. Н.
54. Гусев, С. И.
55. Рязанов, Д. Б.
56. Бахутов, А. М.
57. Малютин, Д. П.
58. Уборевич, И. П.
59. Ходоровский, И. И.
60. Карклин, О. Я.
61. Подвойский, Н. И.
62. Лугановский, Э. В.
63. Лацис, М. И.
64. Килевиц, Ф. Ф.
65. Иванов, М. Г.
66. Беленький, З. М.
67. Славинский, Ю. М.
68. Луговой, А. В.
69. Горячев, Я. П.
70. Алуф, А. С.
71. Рязанов, В. П.
72. Полонский, В. И.
73. Гинзбург, Л. И.
74. Авдеев, П. Н.
75. Брискин, М.
76. Ударов, А. Н.
77. Андрейчик, А. С.
78. Журевский, П. Б.
79. Спрингис-Шипюв, Я. Я.
80. Муравьев, А. И.
81. Панков, Г. Г.
82. Коверзнев, И. А.
83. Воронин, И. М.
84. Савостин, Д. И.
85. Данилов, Г. Н.
86. Абель, Я. К.
87. Зудов, П. И.
88. Маркович, М. М.
89. Федяев, И. Ф.
90. Пиноваров, И. Н.
91. Квиринг, Э. И.
92. Парамонов, А. И.
93. Баташев, С. Е.
94. Рындин.
95. Фадеев, Ф.
96. Попов, А. Д.
97. Попков, А. Т.
98. Воронова, П. Я.
99. Верстонов, Ф. И.
100. Артемов, М. Т.
101. Голубев, И. В.
102. Ивницкий, Л. В.
103. Лавров, А. С.
104. Поляков, П. Г.
105. Колдаев, Ф. А.
106. Лавров, Ф. Я.
107. Марков, А. Т.
108. Котов.
109. Исаев, С. П.
110. Жмыхов, М. А.
111. Куднинов, П. В.
112. Сухов, В.
113. Антюхин, Н. Ф.
114. Гринблат, К. Л.
115. Орлов, Д. А.
116. Кузьмин, Н. Я.
117. Кондратьев, И. И.
118. Федоров, Г. Ф.
119. Котликов, И. Е.
120. Вейнберг, Г. Д.
121. Струпе, П. П.
122. Райтер, И. Л.
123. Кузьмичев, Л. Т.
124. Мезит, И. Ф.
125. Плаксин, К. И.
126. Завгородний, И. В.
127. Попов, А. В.
128. Боярский, Я. П.
129. Ноздрин, М. М.
130. Нечаев, А.
131. Котляр, С. О.
132. Вушуев, П. И.
133. Гроздев-Токаренко, Г. Н.
134. Жеханов, А. И.

135. Булыгина, Е. Н.
136. Попов, И. Я.
137. Петин, Н. Н.
138. Брыков, А. П.
139. Эйхе, Р. И.
140. Павлуновский, И. П.
141. Максин, С. М.
142. Пшеницын, К.
143. Виноградов, В. П.
144. Грановский.
145. Рогачев, Г. П.
146. Ахматов, С. М.
147. Галкин, С.
148. Борухин.
149. Макаров, И. М.
150. Лекеров, А. Л.
151. Ашамаев.
152. Еникеев, С. М.
153. Галл, Б.
154. Мейнов, Д.
155. Киреев, Г. П.
156. Ишан - Ходжаев.
157. Паскуцкий, Н. А.
158. Абдурахманов.
159. Мазантов, И. С.
160. Шапошников, Р. С.
161. Аммосов, М. К.
162. Смирнов, К.
163. Ильин, Н. И.
164. Ляк, А. А.
165. Доброхотов, Н. С.
166. Порайко, В. И.
167. Аусем.
168. Одинцов, А.
169. Любченко, А. П.
170. Полоз, М. Н.
171. Примаков, В. М.
172. Чернопчакевич, Н. А.
173. Котовский, Г. И.
174. Левицкий.
175. Сухомлин.
176. Маслов.
177. Блокитный, В. М.
178. Левандовский.
179. Гаврилин, И. Д.
180. Гонтаренко, П. К.
181. Кухтин, А. Н.
182. Муценек, Я. Я.
183. Ивапов, К. А.
184. Палимов, М. Н.
185. Голубенко, Н.
186. Кристаловский, Н. А.
187. Отрожко.
188. Рыбников, М. О.
189. Авксентьевский, К. А.
190. Вербицкий.
191. Василенко, М. С.
192. Зуев, М. В.
193. Воробьев, И. А.
194. Барышев, Н. И.
195. Горбань, М. К.
196. Дубовый, Н. И.
197. Дубовый, Н. Н.
198. Мышков, Н. Т.
199. Рыжаков, М. С.
200. Лисовик, А. Г.
201. Хацкевич, А. И.
202. Бровкович, Ф. А.
203. Трунтаев, В. П.
204. Таубе.
205. Агаев-Баба-Мамед.
206. Завгородний.
207. Караев, А.
208. Поздеев.
209. Талиев-Насир.
210. Иванов-Кавказский, В. Г.
211. Адамидзе, Т. И.
212. Панцулая, Д. П.
213. Мзареулашвили, В. И.
214. Шабанов.
215. Могилевский.
216. Семков, С. М.
217. Анесоглян.
218. Саокян.
219. Атарбеков.
220. Каспарова, В. Д.

Председатель. Есть ли желающие высказаться по поводу списка кандидатов? **(Голоса: Утвердить).** Кто за утверждение этого списка? Кто против? Кто воздержался? Принимается единогласно. Теперь переходим к оглашению списка Совета Национальностей. Слово имеет тов. Енукидзе.

Енукидзе. С'езд должен утвердить список Совета Национальностей, выдвинутый республиками и областями.

1. **От Российской Социалистической Федеративной Советской Республики:**

1. Андреев, А. А.
2. Евдокимов, Г. Е.
3. Рудзутак, Я. Э.
4. Угланов, Н. А.
5. Сахаров. В. В.

2. **От Украинской Социалистической Советской Республики:**

6. Буценко, А.
7. Гринько, Г. Ф.
8. Скрыпник, Н. А.
9. Угаров, Ф. Я.
10. Фрунзе, М. В.

3. **От Белорусской Социалистической Советской Республики:**

11. Жилунович. Д. Ф.
12. Игнатовский, В. М.
13. Подель, В. А.
14. Пшедецкая.
15. Прищепов.

От Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики:

4. Азербейджанская Социалистическая Советская Республика:

16. Агамалы-Оглы, С.
17. Ахундов-Рухулла.
18. Бунят-Заде, Д.
19. Караев-Алегейдар.
20. Джабиев, Г.

5. Нагорный Карабах:

21. Каракозов, А. Н.

6. Нахичеванская автономная область:

22. Таиров, Ю.

7. Армянская Социалистическая Советская Республика:

23. Бакунц, Е.
24. Иоаннисян, А. Д.
25. Каринян, А. Б.
26. Касян, С.
27. Мравян, А.

8. Грузинская Социалистическая Советская Республика:

28. Элиава, Ш. З.
29. Стуруа, В.
30. Сухишвили, Л. П.
31. Долидзе, А. Г.
32. Цхакая. М.

9. Абхазская Социалистическая Советская Республика:
33. Алания.
10. Аджарская автономная республика:
34. Моцкобили, О. Х.
11. Юго-Осетинская автономная область:
35. Бигулаев, Г. В.
12. Башкирская Социалистическая Советская Республика:
36. Халиков, М. Д.
37. Мухаметкулов, А. Б.
38. Восканов, Р. А.
39. Заикин, В. Д.
40. Худанбердин.
13. Бурят-Монгольская Социалистическая Советская Республика:
41. Ербанов, М. Н.
42. Амагаев, М. И.
43. Трубачеев, В. И.
44. Берман, М. Д.
45. Шегуров, Н. Н.
14. Горская Социалистическая Советская Республика:
46. Зязиков, И. Д.
47. Сагов, Сахан-Гирей.
48. Рамонов, Е. Д.
49. Бутаев, К. С.
50. Калоев, Коста.
15. Дагестанская Социалистическая Советская Республика:
51. Ахундов, Мирзабек.
52. Хан-Магомедов, Хан.
53. Мамедбеков, Керим.
54. Тахо-Годи, Алибек.
16. Киргизская Социалистическая Советская Республика:
55. Атаниязов, М. А.
57. Джангельдин, А. Д.
58. Досов, А. И.
59. Нурмаков, Н. Н.
60. Киселев, И. Ф.
17. Крымская Социалистическая Советская Республика:
61. Уфимцев, Т.
62. Люфт.
63. Ибраимов, В.
64. Сафу, У. А.
65. Бекиров, О. З.
18. Карельская Социалистическая Советская Республика:
66. Гюллинг, Э. А.
67. Ярвисало, И. А.
68. Данилов, И. А.
69. Архипов, П. В.
70. Никитин, И. А.

19. Татарская Социалистическая Советская Республика:

71. Сабиров, Р. А.
72. Шварц, С. С.
73. Елдаков, М. Е.
74. Богаутдинов, Г.
75. Мансуров, Г. Г.

20. Туркестанская Социалистическая Советская Республика:

76. Икрамов, А. И.
77. Устабаев, Д. М.
78. Калугин, Ф. Я.
79. Джандосов, У. К.
80. Кулбешеров, Д.

21. Якутская Социалистическая Советская Республика:

81. Аммосов, М. К.
82. Васильев, С. В.
83. Барахов, И. Н.
84. Донской 2-й, С. Н.
85. Широких, А. Д.

22. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья:

86. Гартвиг, В. А.
87. Кениг, Г. Г.
88. Шваб, И. Ф.
89. Гросс, Э. Я.
90. Персидский.

23. Адыгейская (Черкесская) автономная область:

91. Мишуриев, К.

24. Вотская автономная область:

92. Максимов, Г. П.

25. Кабардино-Балкарская автономная область:

93. Гемуев, А. Д.

26. Калмыцкая Социалистическая Советская Республика:

94. Амур-Санан, А. М.

27. Карачаево-Черкесская автономная область:

95. Гутекулов, Д. Н .

28. Коми (Зырянская) автономная область:

96. Селиванов, Д. И.

29. Ойратская автономная область:

97. Иванов, Н. Ф.

30. Марийская автономная область:

98. Бутенин, Н. Ф.

31. Чеченская автономная область:

99. Пицнев, В.

32. Чувашская автономная область:

100. Эльмень, Д. С.

Калинин. Есть желающие высказаться по оглашенному списку в Совет Национальностей? Нет. Голосую. Кто за принятие этого списка в целом? Кто против? Таковых нет. Список утвержден единогласно.

Товарищи, работы 2-го Всесоюзного С'езда Советов окончились. 2-й С'езд Советов Союза по повестке заключал в себе очередные деловые вопросы советского и хозяйственного строительства и, казалось, что этот С'езд будет обычным С'ездом Союза Советских Республик. Но смерть Владимира Ильича подняла этот С'езд на высоту величайшего исторического значения. Смерть Владимира Ильича вызвала движение огромных масс рабочих и крестьян, измеряемых миллионами. Миллионы трудящихся приняли участие в нашей скорби по этой утрате.

Товарищи, смерть Владимира Ильича невольно заставляет каждого рабочего, каждого крестьянина оборотиться назад, бросить взгляд на революционный путь, пройденный советской республикой. Этот путь в течение 6 лет был полон не малого количества тяжелых, порой высоко-драматических моментов, и из всех пережитых нами моментов самым драматическим, пожалуй, было 1-е заседание Союзного С'езда Советов.

Но смерть Владимира Ильича ни в коей мере не должна уменьшить энергии, бодрости, желания бороться за коммунистический строй, очертания которого уже ясно вырисовываются не только перед отдельными политиками, но и перед самыми широкими рабоче-крестьянскими массами.

Ответственность, лежащая на нас, на каждом отдельном работнике, эта ответственность, в связи со смертью Владимира Ильича, неимоверно возрасла. Если прежде у нас был вождь, который мог в одну минуту повернуть руль на любой градус, то в настоящий момент эти повороты мы вынуждены делать более осмотрительно, так как сложность нашей работы со смертью Владимира Ильича значительно увеличилась.

В настоящий момент перед каждым рабочим стоит вопрос: а правильно ли взята линия нашей политики? Не подвергается ли опасности советская республика? И насколько сильно со смертью Владимира Ильича этот вопрос занимает каждого рабочего и крестьянина, лучше всего можно видеть на факте огромного наплыва в нашу партию беспартийных рабочих от станка—именно после смерти Владимира Ильича.

Беспартийные рабочие,—и не только беспартийные рабочие, а и беспартийные крестьяне,—со всею полнотой учли серьезность данного момента и поняли, что, если они хотят помогать, участвовать в строительстве советских республик, толкать дальше советские республики к коммунизму, они должны войти в коммунистическую партию. Это мнение миллионных беспартийных рабоче-крестьянских масс выявилось самым решительным и глубоким образом, и оно заставляет каждого политического работника в настоящий момент быть особенно ответственным за свои действия.

Мне кажется, товарищи, что самое важное, что теперь необходимо советской республике и коммунистической партии, это — наибольшая сплоченность и единодушие. В силу нашей железной сплоченности нам удалось достигнуть за 6-летний период таких удивитель-

ных результатов, каких ни одна партия, ни один сектор рабочего класса в мире еще не получил. Я убежден, что этой 6-летней сплоченности мы не разрушим, и она будет служить гарантией наших дальнейших успехов.

Вторая задача, которая стоит перед нами, это—необходимость беречь союз рабочих и крестьян. Эту мысль я проводил уже в первой своей речи на открытии С'езда. В связи с этим перед нашей партией, перед каждым профсоюзом, в особенности перед хозяйственниками и перед всеми административными органами стоит одна из важнейших задач сегодняшнего дня—это усиление производительности, удешевление фабрично-заводских товаров.

Эта хозяйственная задача — удешевление фабрично-заводских товаров—в настоящее время при обстоятельствах, нам всем известных, приобретает огромное политическое значение. Если мы решим эту задачу удовлетворительно, то мы не только утвердим преимущества социалистического производства перед капиталистическим, но и навсегда закрепим столь необходимую для коммунизма связь рабочего класса и крестьянства. Наиболее острые затруднения в этом вопросе уже разрешены советским правительством.

Со смертью Владимира Ильича, вопреки мнению всего враждебного нам мира, снова и снова выявились глубокие симпатии рабоче-крестьянских масс к советским республикам. Можно смело сказать: нет в мире ни одного правительства, которому в тяжелую годину миллионные рабоче-крестьянские массы выражали бы такие симпатии, как нашей Российской Коммунистической Партии и правительству Союза ССР. Думаю, что выражу общую всем нам мысль, если скажу, что эти симпатии дают твердую, непреклонную уверенность в прочности положения Союза Советских Республик. Лучшим подтверждением этой прочности является сообщение, которое только что сделал тов. Литвинов о том, что одно из самых влиятельных государств в Европе, после шестилетнего упорного нежелания признать советские республики, сегодня признает власть рабочих и крестьян почти над шестой частью земного шара.

Товарищи, это крупная, имеющая большое политическое значение, победа рабочих и крестьян России. Это награда за те огромные жертвы, которые понесли крестьяне и рабочие Союза ССР. И вот все эти факты дают твердую уверенность в несокрушимости Союза ССР и в дальнейшем его преуспеянии.

Об'являю 2-й С'езд Советов Союза Советских Социалистических Республик закрытым.

(Все делегаты поют «Интернационал»).

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ.

Приложение 1-е.

ПОРЯДОК ДНЯ

2-го С'ЕЗДА СОВЕТОВ СОЮЗА ССР.

1. Доклад ЦИК'а и СНК Союза ССР.
2. Утверждение Конституции Союза ССР.
3. Положение и организация промышленности.
4. Бюджет Союза ССР.
5. Об учреждении центрального с.-х. банка.
6. Образование ЦИК'а Союза ССР:
   а) выборы Союзного Совета;
   б) утверждение Совета Национальностей.

Приложение 2-е.

РЕГЛАМЕНТ.

1. Заседания С'езда происходят с 11 часов утра до 3-х часов дня и с 6 до 10-ти часов вечера.

2. Докладчикам предоставляется 1 час и для заключительного слова 30 минут.

3. Каждая группа делегатов с решающим голосом, насчитывающая не менее 250 человек, может выставить своего докладчика.

4. Ораторам от фракций предоставляется слово в первый раз 15 мин., во второй раз—5 минут. В порядке свободной записи слово предоставляется в первый раз 10 минут, и во второй раз—5 минут.

5. По каждому вопросу можно говорить только два раза.

6. Личные заявления, внеочередные запросы, заявления и фактические замечания вносятся в Президиум в письменном виде и могут быть оглашены по постановлению Президиума только в конце заседания. Внеочередные запросы и заявления за подписью не менее 100 делегатов, оглашаются немедленно. Никакие прения по запросам и заявлениям не допускаются.

7. Слово к порядку и предложения вносятся в Президиум в письменном виде.

8. Говорить к порядку допускается одному «за» и одному «против» не более 3-х минут.

9. По поводу предложений дается слово одному «за» и одному «против» по 5 минут.

10. По мотивам голосования дается 3 мин., после голосования только представителям фракций, насчитывающих не менее 50 чел.

11. По личному вопросу слово предоставляется только в конце заседания.

12. Все вопросы решаются простым большинством голосов.

13. По требованию не менее 200 делегатов с решающим голосом должно быть произведено поименное голосование.

14. Президиуму С'езда предоставляется право образовывать секции по отдельным пунктам порядка дня. Резолюции секций передаются в Президиум С'езда.

Приложение 3-е.

ДИАГРАММА № 1. К стр. 77.

Продукция госпромышленности.

ДИАГРАММА № 2. К стр. 79.

Продукция госпромышленности

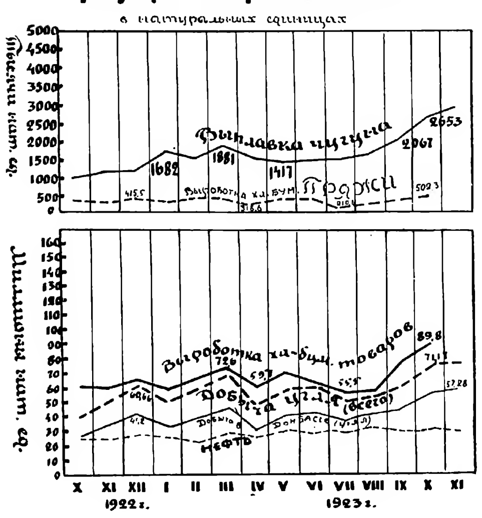

ДИАГРАММА № 3. К стр. 83.

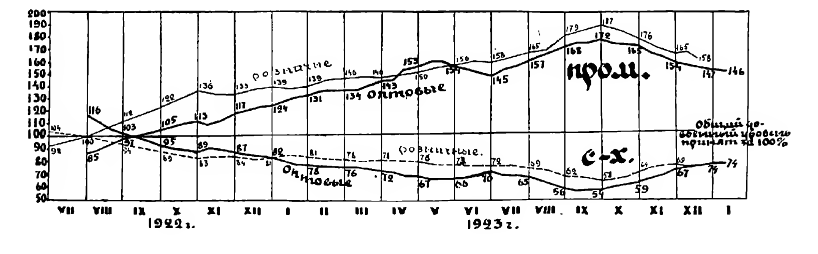

ДИАГРАММА № 4. К стр. 85.

Экспорт и импорт С.С.С.Р.

Цифры даны в миллион. зол. руб с округлением до 100 т. руб.

ДИАГРАММА № 5. К стр. 86.

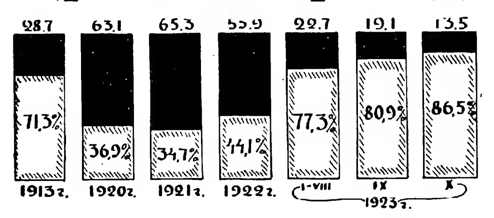

ДИАГРАММА № 6. К стр. 86.

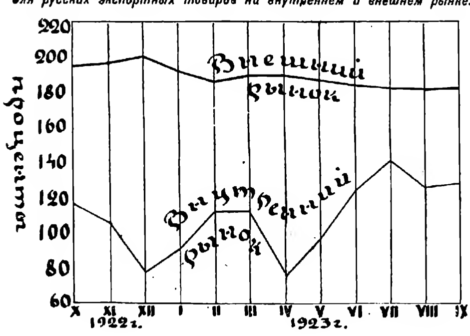

ДИАГРАММА № 7. К стр. 89.

Движение

московских оптовых цен в червон. руб.

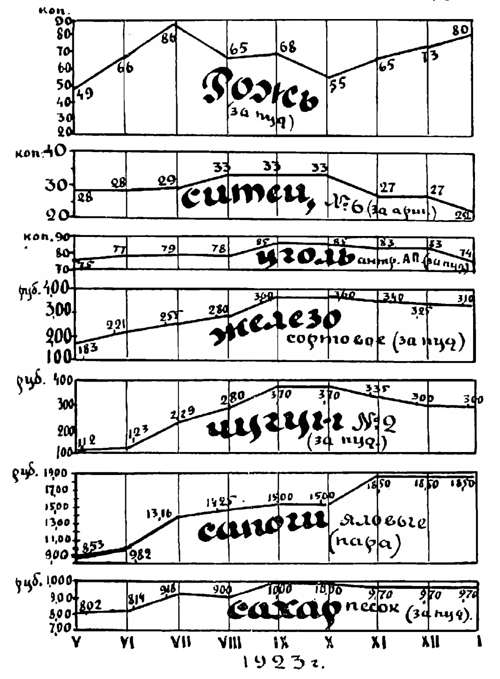

ДИАГРАММА № 8. К стр. 93.

ФАБРИКА
СПИЧКИ
ТРЕСТ
СИНДИКАТ
ЦЕНТРОСОЮЗ
РОСТОВ КОНТ ЦЕНТРОСОЮЗА
НАКИДКА
ДОНОБСОЮЗ
МИЛЛЕРОВСКА ОТДЕЛЕН
ЧЕРТКОВСКИЙ ПУНКТ
НАКИДКА
ЕПО
НАКИДКА

ДИАГРАММА № 9. К стр. 93.

